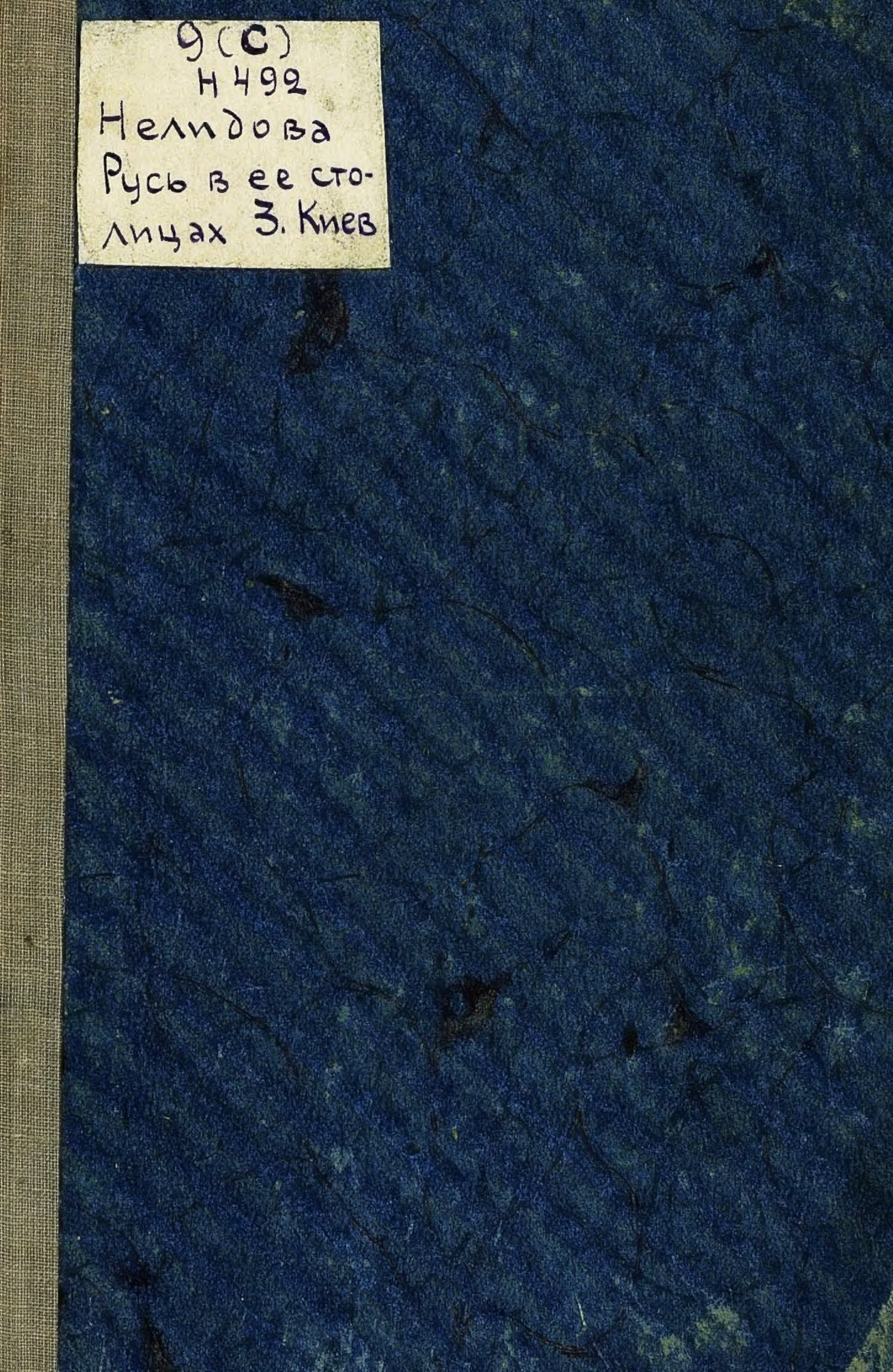

9(С)
Н 492
Нелидова
Русь в ее сто-
лицах 3. Киев

Е. Нелидова

РУСЬ ВЪ ЕЯ СТОЛИЦАХЪ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

III

КІЕВЪ

съ 24 рисунками

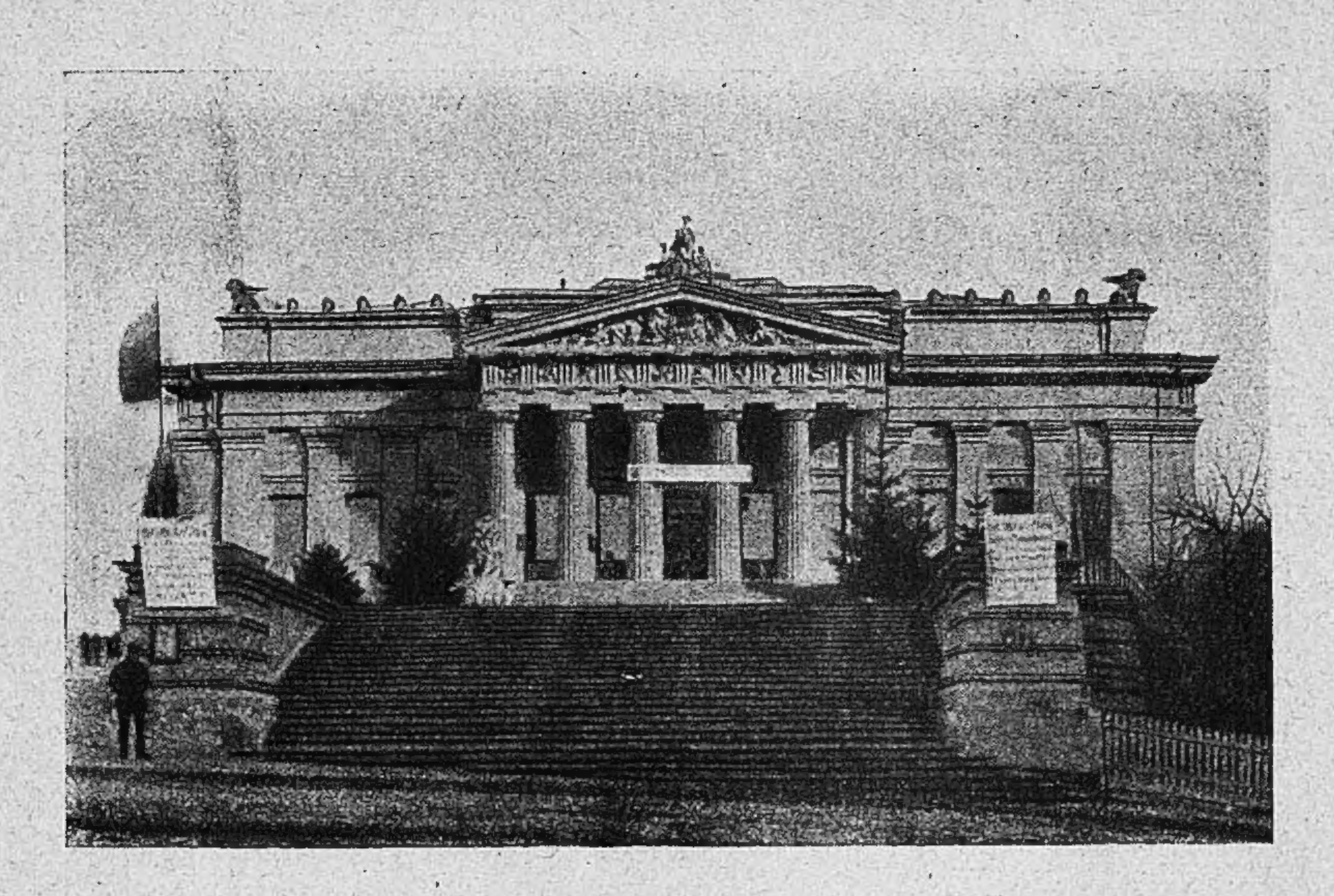

ПЕТРОГРАДЪ
1915

 Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время". Эртелевъ, 13

СОДЕРЖАНІЕ.

Матеріаломъ для составленія исторіи Кіева служили слѣдующія изданія: *Грушевскій*, «Иллюстрированная исторія Украйны». *Ефименко*, «Исторія украинскаго народа». *Забѣлинъ*, «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». *Антоновичъ*, Монографіи, т. I, «Литва и Русь до начала XIV ст.». *Антоновичъ*, Монографіи, «Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV и XVI ст.». *Костомаровъ*: «Богданъ Хмельницкій», «Руина», «Мазепа и Мазепинцы». *Грабеньскій*, «Исторія польскаго народа». *Полевой*, «Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта». *Закревскій*, «Описаніе Кіева». *Захарченко*, «Кіевъ теперь и прежде». Культурныя сокровища Россіи, вып. II, *Шамуринъ*, «Кіевъ». *Владимірскій-Будановъ*, «Кіевъ и университетъ Св. Владиміра при императорѣ Николаѣ I». *Сборникъ* матеріаловъ по исторіи топографіи Кіева, и др.

Кіевскій художественно-промышленный музей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Хранилище вещественныхъ памятниковъ доисторической жизни въ Кіевской области. — Остатки древнѣйшей стоянки доисторическихъ людей. — Постепенное развитіе и совершенствованіе условій жизни, улучшеніе каменныхъ издѣлій, переходъ къ употребленію мѣди, бронзы и желѣза. — Первыя сношенія съ болѣе образованными людьми другихъ странъ. — Греческіе торговые города по берегамъ Чернаго моря. — Геродотъ о скиѳахъ. — Готы, гунны, авары, хозары и ихъ отношенія къ древнимъ славянамъ.

На Царской площади въ Кіевѣ стоитъ красивое зданіе съ широкой лѣстницей, охраняемой львами и украшенной массивными колоннами. Здѣсь, въ свѣтлыхъ просторныхъ комнатахъ, въ большихъ шкапахъ и ящикахъ хранятся за стеклами остатки жизни

древнѣйшихъ обитателей площади Кіева и его окрестностей. Глубоко подъ землей, подъ многими наслоеніями ея, въ теченіе, можетъ быть, десятковъ тысячъ лѣтъ лежали предметы, по которымъ можно судить о томъ, какъ боролся за существованіе человѣкъ того времени.

По грубымъ издѣльямъ изъ камня или кости можно видѣть, какъ, путемъ тяжелаго опыта, шагъ за шагомъ, приспособлялся первобытный человѣкъ къ жизни. Постепенно пріучался онъ пользоваться окружающими его произведеніями природы. Постепенно выучивался онъ, посредствомъ ихъ, прежде всего— оградить свою жизнь отъ опасности, добыть пропитаніе, а затѣмъ и сдѣлать жизнь болѣе удобной, болѣе пріятной и, наконецъ, даже болѣе красивой.

По различнымъ костямъ животныхъ, чинно лежащимъ теперь за стекломъ, можно видѣть, что человѣку того времени приходилось встрѣчаться здѣсь съ допотопными слонами, львами, гіенами, носорогами, пещерными медвѣдями. Остатки обгорѣвшаго дерева и части полуокаменѣвшихъ стволовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что на мѣстѣ нынѣшняго Кіева росли тогда могущественные кедры, кипарисы, ели.

Нижняя часть Кіева, съ древнихъ временъ называемая Подоломъ, широко раскинулась по берегу Днѣпра. Здѣсь, на Кирилловской улицѣ, была найдена стоянка людей каменнаго вѣка, которую археологи признали древнѣйшей въ Россіи. Изъ большого продолговатаго холма, въ концѣ улицы, брали глину для кирпичей и обнаружили, на глубинѣ восьми саженъ, въ песчаныхъ слояхъ небольшой желтоватый полукругъ. Археологи, давно уже интересовавшіеся этимъ холмомъ, приступили къ раскопкамъ его. Желтоватый полукругъ оказался концомъ клыка мамонта,

неподалеку отъ него были найдены части лобной кости и челюсти. При дальнѣйшихъ раскопкахъ, подъ холмомъ оказалась большая площадка, покрытая пепломъ съ углями, пережженными костями, кремнями и осколками камней. Разсматривая впослѣдствіи клыкъ мамонта, на немъ увидали что-то въ родѣ рисунка, выцарапаннаго, вѣроятно, другой острой костью, Рисунокъ изображаетъ голову большой птицы и какое-то животное, напоминающее черепаху.

По оббитымъ кускамъ кремня можно видѣть, что имъ хотѣли придать форму, отдаленно напоминающую нынѣшніе ножи, топоры или молотки. Громадные камни съ мелкими осколками вокругъ, найденные при подобной же обстановкѣ въ другихъ мѣстахъ Кіевской площади, могутъ свидѣтельствовать о способѣ выработки этихъ первобытныхъ предметовъ жизненнаго обихода. У человѣка были руки, и передъ нимъ лежали камни разной величины. Обломкомъ дерева, костью гигантскаго звѣря или камнемъ же отбивалъ онъ куски отъ лежащей глыбы, такимъ же способомъ придавалъ отбитому куску желательную форму. Онъ умѣлъ уже пользоваться огнемъ, чтобы испечь мясо убитаго звѣря или согрѣться. Отъ непогоды онъ, вѣроятно, укрывался въ пещерахъ, вырытыхъ природой или имъ самимъ.

Какъ развернутую книгу, листъ за листомъ, прочитывали археологи разрытый холмъ по наслоеніямъ земли. Много еще тысячелѣтій развивался человѣкъ, улучшая свои бытовыя условія. За это время мѣнялась и земля, мѣнялся климатъ, пересыхали многія рѣки и болота, пропадали мѣстами необъятные прежде лѣса. Исчезали мамонты, носороги, пещерные медвѣди и другіе гигантскіе звѣри, южно-русская равнина принимала понемногу тотъ видъ, который имѣетъ она теперь.

Въ верхнихъ пластахъ земли того же холма на Кирилловской улицѣ нашли слѣды жизни новыхъ людей, уже болѣе приспособленныхъ къ жизни, оставившихъ послѣ себя болѣе разнообразные и болѣе понятные для насъ предметы. Въ одной изъ пещеръ, вырытыхъ, очевидно, для жилья, были найдены остатки пищи. Среди массы рѣчныхъ ракушекъ, костей рыбъ и животныхъ попадались также кости рогатаго скота, лошадей, свиней. Здѣсь же сохранились пережженные камни отъ очага, каменныя орудія, болѣе опредѣленной формы, тщательно обдѣланныя, а также остатки глиняной посуды, хотя сдѣланной плохо, отъ руки, и слабо обожженной.

Въ другихъ мѣстахъ на площади Кіева и его предмѣстій въ подобныхъ пещерахъ оказались довольно хорошо сдѣланныя печи и гончарные горны для обжиганія посуды. На этихъ образцахъ вырытой изъ земли глиняной посуды легче всего можно прослѣдить, какъ совершенствовались и дѣлались искуснѣе доисторическіе люди. Отъ самыхъ грубыхъ, почти неопредѣленной формы, издѣлій, найденныхъ въ глубочайшихъ слояхъ земли, постепенно поднимаясь кверху, находили все лучшіе и лучшіе образцы. Наконецъ, въ высшихъ слояхъ попадались чрезвычайно красивые сосуды и вазы, расписанныя причудливыми узорами и разными красками. Но здѣсь замѣчалось уже чужое вліяніе. Въ это время на югѣ нашей нынѣшней Россіи начали появляться люди, стоявшіе на болѣе высокомъ уровнѣ образованія. Въ такихъ же пластахъ земли стало попадаться мало-по-малу и бронзовое оружіе, завезенное сюда изъ другихъ странъ.

Еще за много вѣковъ до Р. Хр. пріѣзжали въ область нынѣшней Украйны купцы изъ богатыхъ

и просвѣщенныхъ государствъ Азіи и Европы, главнымъ образомъ изъ Финикіи и Греціи.

Смѣлые и предпріимчивые финикійскіе купцы проникали и въ болѣе сѣверныя области нынѣшней Россіи, о которыхъ имѣлись тогда самыя скудныя свѣдѣнія. На западѣ ихъ привлекали главнымъ образомъ берега Балтійскаго моря, откуда они привозили дорого цѣнимый тогда янтарь. Что же касается грековъ, то они сначала торговали съ мѣстными жителями, а потомъ стали селиться среди нихъ, основывая торговые города и колоніи. Одинъ изъ богатѣйшихъ греческихъ городовъ, Ольвія, находился между низовьями рѣкъ Днѣпра и Буга. На мѣстахъ другихъ стоятъ теперь нѣкоторые южные русскіе города. Такъ, на мѣстѣ извѣстнаго въ исторіи крещенія Руси Херсонеса, или Корсуня по русскимъ лѣтописямъ, стоитъ теперь Севастополь, на мѣстѣ Пантикапеи—Керчь, а Ѳеодосія сохранила свое старое греческое названіе. Таманскій полуостровъ былъ занятъ богатой греческой колоніей съ городомъ Фанагоріей, который потомъ назывался Таматарха. Въ началѣ русской исторіи область Фанагоріи была извѣстна подъ названіемъ Тмутараканскаго княжества и принадлежала русскимъ князьямъ.

Греки обзаводились на новыхъ мѣстахъ своимъ хозяйствомъ, сѣяли хлѣбъ, садили виноградъ, ловили рыбу и вели торговлю съ мѣстными жителями. Они продавали имъ греческое вино, оливковое масло, греческія матеріи, разныя издѣлія изъ серебра и золота, расписную посуду, а отъ нихъ получали шкуры и мѣха лѣсныхъ звѣрей. Но главнымъ и самымъ цѣннымъ для грековъ товаромъ были рабы, которыхъ въ большомъ количествѣ доставляли имъ степные обитатели. Греки скупали рабовъ и отвозили къ себѣ

на родину. Впослѣдствіи они не ограничивались уже морскимъ берегомъ, а забирались для торговли вглубь страны, въ области нынѣшнихъ нашихъ губерній Кіевской, Полтавской, Харьковской и дальше на сѣверъ. Бывало, что мѣстные жители смѣшивались съ греками и принимали ихъ вѣру. Когда стала преобладать надъ всѣмъ тогдашнимъ образованнымъ міромъ Римская имперія и греческіе города должны были подчиниться ей, тогда стало проникать сюда римское вліяніе, такъ же отражаясь на нравахъ и развитіи мѣстныхъ жителей. Города постепенно падали отъ безпрерывныхъ войнъ сначала съ римлянами, а потомъ съ дикими варварами, которые, въ свою очередь, подорвали могущество Римской имперіи. Произведенныя во многихъ мѣстахъ южныхъ степей раскопки обнаруживали остатки разрушенныхъ городовъ со многими вещами, оружіемъ, украшеніями и посудой, по которымъ можно судить объ образѣ жизни въ нихъ.

Степи усѣяны многочисленными памятниками, относящимися къ самой сѣдой древности. Различныхъ размѣровъ курганы, массивныя каменныя фигуры, извѣстныя подъ именемъ каменныхъ бабъ, источенныя вѣками, стоятъ до сихъ поръ еще не вполнѣ разгаданными загадками. Какихъ племенъ люди оставили эти памятники, были ли они пришельцами изъ Азіи или искони мѣстными жителями, куда они исчезли или съ какими племенами слились потомъ? Изслѣдованія археологовъ и изученія греческихъ, римскихъ и другихъ иностранныхъ писателей того времени помогли разгадать уже многое. Многіе факты ученые считаютъ установленными, но многіе и остались еще въ области предположеній, которыя подтвердятъ или измѣнятъ дальнѣйшія изученія. Не-

сомнѣнно только то, что черезъ «ворота народовъ»— проходъ между южными отрогами Уральскихъ горъ и Каспійскимъ моремъ—волна за волной вливались дикіе кочевники изъ Азіи въ Европу. Много перебывало ихъ въ русскихъ степяхъ, много бурь и волненій вносили они въ мѣстную жизнь, много перемѣнъ производили въ ней. Одни изъ такихъ кочевниковъ покоряли мѣстныхъ жителей и сливались съ ними на насиженныхъ мѣстахъ по берегамъ рѣкъ и морей, другіе проходили мимо, оставляя кровавый слѣдъ гибели и разрушенія и исчезали въ привольныхъ необозримыхъ степяхъ.

Не скоро и греки узнали жителей нашего Черноморья, представлявшагося имъ страной вѣчнаго мороза и тумана. Путешественники избѣгали сначала неизвѣстныхъ береговъ и все море считали и называли негостепріимнымъ. Только впослѣдствіи, послѣ основанія греческихъ колоній, море получило названіе «гостепріимнаго». Жителей этихъ неизвѣстныхъ, закрытыхъ туманомъ береговъ греки называли тогда общимъ именемъ киммерійцевъ. Древнѣйшій греческій поэтъ Гомеръ упоминаетъ о кочевникахъ черноморскихъ степей, какъ о «славныхъ кобылодоильцахъ, молокоѣдахъ убогихъ, справедливѣйшихъ изъ всѣхъ людей». Позднѣйшіе греческіе писатели говорятъ о степныхъ жителяхъ, какъ о дикихъ ордахъ, одна за другой приходящихъ изъ Азіи. Нѣкоторые изъ нихъ оставались на мѣстахъ и сѣяли хлѣбъ, другіе переходили съ мѣста на мѣсто со своими стадами, жили въ кибиткахъ и питались мясомъ, кобыльимъ молокомъ и сыромъ. Извѣстный греческій историкъ Геродотъ въ V вѣкѣ до Р. Хр. бывалъ въ Ольвіи и хорошо ознакомился съ народомъ скиѳами, которые властвовали въ то время надъ всѣми степными племенами,

носившими то же названіе скиѳовъ. Впослѣдствіи надъ скиѳами одержала верхъ орда сарматовъ, и отъ нея всѣ племена стали называться сарматскими. Около Р. Хр. въ степяхъ появились аланы, овладѣли всѣми кочевыми племенами, и въ I и II вѣкахъ послѣ Р. Хр. все населеніе степей носило названіе алановъ.

По свидѣтельству Геродота, скиѳы считали себя не пришельцами, а мѣстными жителями и младшимъ изъ мѣстныхъ народовъ. У нихъ существовало такое преданіе о собственномъ происхожденіи: отъ брака верховнаго божества, которое Геродотъ называетъ Зевсомъ, съ дочерью рѣки Борисѳена (Днѣпра) родился въ пустынной странѣ человѣкъ Таргитавсъ. У Таргитавса было трое сыновей. Однажды съ неба упали золотой плугъ, золотое ярмо, золотыя стрѣлы и чаша. Когда старшіе братья хотѣли взять упавшіе предметы, то отъ нихъ поднялся огонь. Только младшій братъ могъ взять ихъ въ руки и отнести въ свое жилище. Вслѣдствіе этого старшіе братья передали ему царское достоинство. Отъ братьевъ пошли разныя скиѳскія племена, и племена, происшедшія отъ младшаго брата, получили названіе царскихъ или паралатовъ.

Разселившись по всѣмъ южнымъ степямъ, скиѳы заняли, между прочимъ, и берега Днѣпра, гдѣ возникла впослѣдствіи Ольвія. Геродотъ разсказываетъ также [исторію одного скиѳскаго царя, по имени Скила. Мать Скилы была родомъ изъ греческаго города и научила сына греческому языку и письму. Сдѣлавшись царемъ, онъ не могъ отстать отъ греческой жизни. Онъ женился на гречанкѣ, часто бывалъ въ Ольвіи и велъ жизнь настоящаго грека. Подданные ничего не знали объ этомъ, пока, случайно, нѣкоторые изъ нихъ не подсмотрѣли, какъ ихъ царь

участвовалъ въ греческомъ празднествѣ. Скиѳы взбунтовались, провозгласили царемъ брата Скилы, а его убили за то, что онъ отрекся отъ своихъ обычаевъ. Нравы у скиѳовъ были, по описанію Геродота, жестокіе. Убивъ перваго врага на войнѣ, скиѳъ пилъ изъ него кровь, головы всѣхъ убитыхъ враговъ приносились царю, и, кто приносилъ голову, участвовалъ въ добычѣ; кто не приносилъ, не получалъ ничего. Въ каждомъ округѣ было святилище бога войны, въ которомъ стоялъ старый желѣзный мечъ. Въ честь этого бога скиѳы ежегодно устраивали празднество, приносили въ жертву одного изъ каждой сотни плѣнниковъ. Зарѣзавъ жертву надъ подставленной чашей и собравъ въ чашу кровь, ее выливали на мечъ. На похоронахъ своихъ царей скиѳы убивали множество соплеменниковъ. Тѣло умершаго царя очищали отъ внутренностей, набивали разными пахучими травами и затѣмъ возили по всѣмъ подвластнымъ племенамъ. Подданные въ знакъ печали должны были обрѣзать волосы, разрѣзать ухо, порѣзать руки, лобъ, носъ и проткнуть стрѣлы сквозь лѣвую руку. Послѣ такихъ церемоній царя хоронили надъ Днѣпромъ, около пороговъ. При этомъ убивали одну изъ его женъ, много слугъ и хоронили ихъ всѣхъ въ одной могилѣ съ нимъ. Здѣсь же погребали коней и разную золотую и серебряную посуду. Много могильныхъ кургановъ разрываютъ до сихъ поръ по берегамъ Днѣпра и въ степи. Внутри ихъ находятъ ряды коридоровъ съ отдѣльными камерами, въ которыхъ помѣщаются богатѣйшія гробницы царей, царицъ и вообще богатыхъ и знатныхъ скиѳовъ. Въ другихъ курганахъ находятъ менѣе роскошную обстановку, но также много разныхъ предметовъ, оружія и домашней утвари. Ученые называютъ кур-

ганы, во множествѣ разсыпанные вверхъ отъ устьевъ рѣкъ Днѣстра, Буга, Днѣпра и его притоковъ, Дона и Кубани,—скиѳскими или сармато-скиѳскими. Очевидно, скиѳы и сарматы оставили самый видный слѣдъ въ жизни черноморскихъ степей среди многочисленныхъ племенъ, перебывавшихъ тамъ еще задолго до первыхъ вѣковъ христіанства.

Въ концѣ второго вѣка послѣ Р. Хр. новая волна накатилась на южныя степи. На этотъ разъ волна была съ запада, съ Балтійскаго моря, откуда двинулись скандинаво-германскія дружины подъ именемъ готовъ. Готы направлялись къ Черному морю, вѣроятно, по тому пути, который называетъ потомъ русскій лѣтописецъ путемъ «изъ варягъ въ греки» [1]). По дорогѣ они забрали съ собой нѣсколько финскихъ племенъ и, увеличивъ такимъ образомъ свое войско, сдѣлали натискъ на жителей Черноморья. Разоренные и ослабленные предыдущими войнами, аланы должны были отступить на востокъ, а побѣдители основали на берегахъ рѣки Дуная могучее государство. Въ составъ этого государства входили многіе восточные народы, которыхъ впослѣдствіи мы видимъ сосѣдями славянъ. Вождемъ готовъ Германарихомъ были покорены и славяне-венеты, жившіе тогда, судя по сообщеніямъ иностранныхъ писателей, на берегахъ Балтійскаго моря. Готскій писатель Іорданъ говоритъ, что, несмотря на свою многочисленность, венеты должны были покориться Германариху, такъ какъ не были искусны въ военномъ дѣлѣ.

Въ IV вѣкѣ, въ самый разгаръ готскаго могущества, еще при жизни Германариха, появился новый могучій, но варварскій народъ—гунны. Готы не знали, какъ объ-

---

[1]) См. «Русь въ ея столицахъ. 1. Старая Ладога».

яснить его внезапное появленіе и приписали происхожденіе его нечистой силѣ. А гунны шли такъ же побѣдоносно съ востока, какъ полтора вѣка назадъ шли готы съ запада. Покоривъ обезсиленныхъ уже давно алановъ, гунны быстро справились и съ готами. Престарѣлый Германарихъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ гибели своего народа и кончилъ самоубійствомъ. Готы распались на нѣсколько частей, причемъ многіе примкнули къ полчищамъ гунновъ.

Здѣсь снова появляются извѣстія о славянахъ, называемыхъ теперь антами. Одинъ изъ преемниковъ Германариха—Винитаръ—воевалъ съ антами. Въ первой битвѣ, разсказываетъ историкъ Іорданъ, анты одержали верхъ, но Винитаръ продолжалъ войну и началъ уже одолѣвать антовъ, когда гунны взяли ихъ подъ свое покровительство и разбили Винитара. Вѣроятно, послѣ этого анты стали данниками гунновъ, которые сдѣлались временно такимъ же господствующимъ народомъ, какими были ихъ предшественники. Прежняя Скиѳія и Сарматія стала называться Гунніей. Славяне совершеннно смѣшались съ гуннами, и нѣкоторое время о нихъ снова ничего не было слышно. Но и могущество гунновъ было не прочно. Оно начало колебаться уже въ пятомъ вѣкѣ, послѣ смерти ихъ знаменитаго вождя Атиллы. Мало-по-малу стали отпадать отъ нихъ покоренные народы и оттѣснять ихъ на западъ, къ степямъ нынѣшней Венгріи.

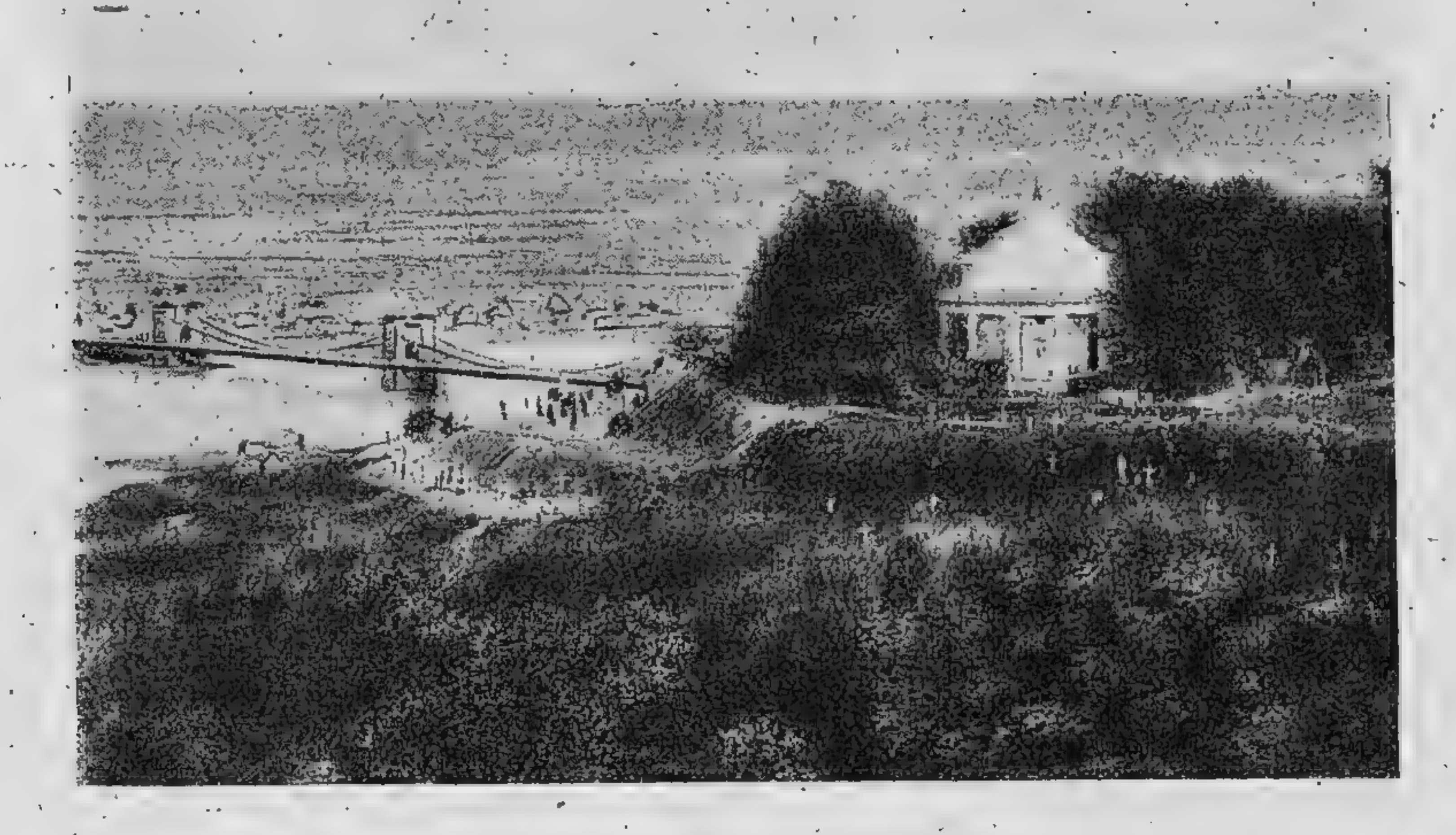
Между тѣмъ Азія не переставала высылать все новыя и новыя орды финско-турецкаго племени. Вслѣдъ за гуннами, которыхъ тоже причисляютъ къ этому ряду пришельцевъ, появились болгары, хозары и авары. Объ аварахъ мы встрѣчаемъ уже извѣстія у русскаго лѣтописца, который называетъ ихъ обрами и разсказываетъ о томъ, какъ притѣсняли они сла-

вянское племя дулѣбовъ, жившее въ области нынѣшней Волынской губерніи. Бурнымъ потокомъ прокатились авары по области южной Россіи и скоро исчезли. Въ половинѣ VII вѣка начинаетъ уже упадать ихъ могущество, затѣмъ они уходятъ въ Венгрію и на Балканскій полуостровъ, гдѣ смѣшиваются съ мѣстнымъ населеніемъ. Прочнѣе всѣхъ другихъ азіатскихъ пришельцевъ осѣли въ прикаспійскихъ степяхъ хозары. Раскинувшись по степямъ Волги и Дона, хозары основали государство въ низовьяхъ Волги съ главнымъ городомъ Итилемъ, находившемся неподалеку отъ нынѣшней Астрахани. Въ Итилѣ образовалось средоточіе торговли, привлекавшее сюда представителей разныхъ народовъ изъ Европы и Азіи. Общій интересъ соединялъ здѣсь магометанъ, евреевъ, христіанъ и язычниковъ. Сюда пріѣзжали торговать богатые арабы изъ Азіи и болгары съ рѣки Камы.

Въ VIII вѣкѣ, во время своего господства надъ южными степями, хозары подчинили себѣ и славянскія племена, разселившіяся тогда по рѣкамъ вблизи этихъ степей и извѣстныя подъ именами полянъ, сѣверянъ, вятичей. Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» лѣтописецъ разсказываетъ, что хозары нашли полянъ на лѣсистыхъ холмахъ, раскинутыхъ по правому берегу Днѣпра. Поляне согласились давать дань хозарамъ по мечу съ жилища или «съ дыма», какъ говорится въ лѣтописи. Когда хозары разсказали своимъ старѣйшинамъ о покореніи новаго народа и о предложенной имъ дани, старѣйшины хозарскіе сказали: «не добра эта дань, князь, мы доискались ея оружіемъ одностороннимъ (т. е. саблями), а у нихъ оружіе обоюдоострое (т. е. мечъ). Придетъ время, когда они будутъ брать дань и съ насъ и съ другихъ народовъ». «Такъ и сбылось», прибавляетъ

отъ себя лѣтописецъ: «владѣютъ русскіе хозарами и до сего дня».

Беря дань съ славянъ, хозары не только не угнетали ихъ, но, наоборотъ, доставляли имъ большія выгоды, втягивая ихъ въ свою торговлю. Охраняемыя хозарами степи освободились на нѣкоторое время отъ азіатскихъ варваровъ, и торговые караваны могли безпрепятственно проходить по проложеннымъ давно путямъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. На этихъ двойственныхъ отношеніяхъ славянъ съ хозарами и застаетъ ихъ русская исторія.

Аскольдова могила на Днѣпрѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Днѣпръ и его значеніе въ жизни русскихъ славянъ. — Разныя извѣстія о древности Кіева. — Преданія, записанныя лѣтописями. — Византійскіе писатели о жизни славянъ. — Первые варяжскіе князья. — Бытъ древнихъ славянъ, торговля, промыслы, земледѣліе. — Постепенное развитіе русской культуры.

Геродотъ восхищался вообще величіемъ многоводныхъ рѣкъ древней Скиѳіи, которыя хорошо зналъ, но болѣе всего онъ былъ знакомъ съ Днѣпромъ или Борисѳеномъ, въ низовьяхъ котораго сосредоточилась тогда греческая торговля. Писали о Днѣпрѣ и позднѣйшіе греческіе и римскіе историки, наиболѣе же опредѣленныя извѣстія о немъ встрѣчаются у византійскихъ писателей X и XI вѣковъ послѣ Р. Хр. Визан-

тія, называвшаяся потомъ также Константинополемъ или Царьградомъ, была прежде греческой колоніей на Босфорскомъ проливѣ, соединяющемъ моря Черное и Азовское. Въ IV вѣкѣ послѣ Р. Хр., когда Римская имперія раздѣлилась на двѣ части, Византія сдѣлалась столицей Восточной имперіи. Въ X вѣкѣ византійскій императоръ Константинъ Багрянородный пишетъ о новомъ славяно-русскомъ государствѣ, занявшемъ мѣсто древней Скиѳіи. Центромъ этого государства онъ называетъ городъ Кіевъ на Днѣпрѣ.

Но еще задолго до этого времени славянскія племена разселялись по верхнему и среднему теченію Днѣпра, стремясь къ водному пути, ведущему въ Черное море, въ богатыя южныя государства, съ которыми они вели торговлю. На этомъ торговомъ пути возникли и древніе русскіе города. Лѣтописецъ не знаетъ, когда были основаны города Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ, Ростовъ, Полоцкъ, но въ то время, когда онъ началъ писать свою повѣсть, т. е. въ XI вѣкѣ, они были уже значительными поселеніями. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы видѣть, что торговля была главнымъ условіемъ развитія этихъ городовъ. Большинство изъ нихъ расположилось по берегамъ рѣкъ, входящихъ въ греко-варяжскій путь или близко къ нему протекающихъ.

Такъ, давно былъ кормильцемъ русскихъ славянъ чудный Днѣпръ, воспѣтый малорусскими поэтами. Вѣроятно, онъ много измѣнился съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда по его берегамъ росли дремучіе лѣса, отъ которыхъ не осталось теперь и слѣдовъ. Среди этихъ дремучихъ лѣсовъ, гдѣ десятки тысячъ лѣтъ назадъ люди, одѣтые въ звѣриныя шкуры, оспаривали логовища у звѣрей, возникло

торговое поселеніе, выросшее со временемъ въ красивый величественный городъ. Никто не можетъ съ достовѣрностью сказать, какіе народы жили на мѣстѣ этого города, начиная съ доисторическихъ людей, слѣды жизни которыхъ нашли на Подолѣ и, при дальнѣйшихъ раскопкахъ, въ верхней части города, на мѣстѣ Десятинной церкви. Видно только, что берега эти были всегда обитаемы. Вѣроятно, природныя условія этого уголка на Днѣпрѣ дѣлали его привлекательнымъ съ давнихъ поръ. На Подолѣ же найдены римскія монеты отъ первыхъ вѣковъ христіанства, изъ чего можно видѣть, что и въ то время здѣсь были поселенія людей, стоявшихъ на болѣе или менѣе высокой степени культуры. Они торговали, знали цѣну деньгамъ и понимали пригодность выбраннаго мѣста для торговли и промысла. Въ лѣсахъ здѣсь водились разные звѣри, доставлявшіе богатый пушной товаръ, а кормилецъ Днѣпръ давалъ возможность сплавлять этотъ товаръ и, сверхъ того, снабжалъ жителей всякой рыбой. Были здѣсь также и всѣ способы для защиты отъ вражескихъ нападеній. Высокій нагорный берегъ въ разныхъ направленіяхъ пересѣкался глубокими оврагами и ущельями съ потайными проходами и выходами, въ которыхъ чужой человѣкъ могъ легко заблудиться.

Въ скандинавскихъ преданіяхъ говорится о какомъ-то большомъ городѣ на Днѣпрѣ, принадлежавшемъ готамъ, во время ихъ владычества въ южныхъ степяхъ. Нѣкоторые историки предполагаютъ, что это былъ Кіевъ. Предполагаютъ также, что Кіевъ принадлежалъ гуннамъ въ то время, когда они владѣли всей областью древней Скиѳіи. Наши лѣтописи тоже не знаютъ времени основанія Кіева, но разска-

зываютъ красивое преданіе объ апостолѣ Андреѣ Первозванномъ, проѣзжавшемъ мимо кіевскихъ горъ въ началѣ перваго вѣка послѣ Р. Хр., когда города здѣсь еще не было. Апостолъ остановился здѣсь для отдыха и на другой день сказалъ своимъ ученикамъ, указывая на горы: «Видите ли горы сія? Яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божья, имать градъ великъ быти, и церкви мнози Богъ воздвигнути имать». Затѣмъ онъ поставилъ крестъ на горѣ и благословилъ все мѣсто. Лѣтописецъ считаетъ Кіевъ искони славянскимъ городомъ и передаетъ слѣдующее преданіе объ основаніи его. «Быша три братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сидяше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щекавица, а Хоривъ—на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица, и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около города лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрье; бяши мужи мудри и смыслены». Лыбедь заняла мѣсто къ юго-западу отъ Кіева, при рѣкѣ, названной ея именемъ. Внизу Кіева, противъ Боричева взвоза, находился встарину перевозъ на противоположный берегъ Днѣпра. Нѣкоторые разсказчики преданія называли Кія перевозчикомъ, но лѣтописецъ отвергаетъ это и, считая Кія княземъ одного изъ славянскихъ племенъ, говоритъ: «Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царю-городу; но сей Кій княжеше въ роду своемъ; приходившему ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь пріялъ отъ царя»... Дальше лѣтописецъ разсказываетъ что Кій, возвращаясь отъ византійскаго императора, былъ по пути на рѣкѣ Дунаѣ, облюбовалъ тамъ себѣ мѣсто и построилъ городъ, чтобы «сѣсти съ родомъ

своимъ», но живущіе тамъ не пустили его. Кій вернулся въ свой городъ и тамъ умеръ, а послѣ него сталъ княжить въ Кіевѣ родъ его.

Приведенное лѣтописцемъ старое народное преданіе указываетъ на то, что славянскія племена съ давнихъ поръ управлялись князьями. Такое же указаніе видимъ мы и у нѣкоторыхъ византійскихъ писателей еще VI и VII вѣковъ, которые упоминали иногда о славянахъ и ихъ жизни въ то время. Славяне, по ихъ словамъ, жили отдѣльными родами, которые, разрастаясь, соединялись въ болѣе крупные союзы или племена. Роды управлялись старѣйшинами, а племена князьями. Кромѣ того, существовалъ обычай собираться на совѣщанія по общимъ дѣламъ. Племена объединялись въ крупные военные союзы и дѣлали набѣги на богатую Византію, откуда она ихъ и знала. Одно изъ преданій упоминаетъ о большомъ племени дулѣбовъ, стоявшемъ во главѣ такого военнаго союза. Тѣ же византійскія извѣстія указываютъ на частыя усобицы, происходившія между славянскими племенами. Послѣ нашествія аваровъ союзъ распался, набѣги славянъ на Византію временно прекратились, и славяне начали разселяться по новымъ мѣстамъ, забираясь глубже на востокъ. Съ этихъ поръ и начинается постепенная, но непрерывная колонизація, или занятіе славянами восточно-европейской равнины.

Русскій лѣтописецъ, ведя свое повѣствованіе отъ девятаго вѣка, приводитъ разныя народныя преданія, издавна существовавшія, а также пользуется и извѣстіями византійскихъ писателей. Онъ тоже говоритъ о ссорахъ и усобицахъ племенъ между собой, затѣмъ разсказываетъ преданіе о призваніи варяжскихъ князей. Сѣверныя славянскія племена объеди-

нились между собой и, въ союзѣ съ нѣкоторыми финскими племенами, рѣшили призвать князей изъ варяговъ, чтобы владѣть и княжить въ землѣ великой и обильной, но не имѣющей порядка [1]). Дальше преданіе повѣствуетъ о княженіи Рюрика [2]) и о томъ, какъ недовольные имъ дружинники, Аскольдъ и Диръ, уѣхали отъ него искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Проѣзжая по Днѣпру, хорошо извѣстнымъ уже тогда путемъ «изъ варягъ въ греки», дружинники увидали Кіевъ. На вопросы ихъ, кому принадлежитъ городъ, жители отвѣчали, что городъ былъ построенъ братьями Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ и принадлежитъ роду ихъ, который платитъ теперь дань хозарамъ. Аскольдъ и Диръ овладѣли Кіевомъ и стали князьями надъ племенемъ полянъ, подчинивши себѣ также со временемъ и сосѣднія славянскія племена, враждовавшія съ полянами. Утвердившись во владѣніи, кіевскіе князья стали готовиться къ походу на Византію, съ которой славяне вели уже въ это время постоянную торговлю.

Объ этомъ походѣ имѣются извѣстія уже не въ русскихъ преданіяхъ, а въ проповѣдяхъ тогдашняго византійскаго патріарха Фотія. Походъ, начавшись удачно для русскихъ, кончился ихъ пораженіемъ. Образованный и краснорѣчивый проповѣдникъ упрекаетъ византійцевъ, что они забыли Бога, и считаетъ нашествіе варваровъ наказаніемъ за грѣхи и беззаконія. Онъ указываетъ, между прочимъ, и на несправедливое отношеніе жителей Царьграда къ славянскимъ купцамъ. «По истинѣ гнѣвъ Божій бываетъ за грѣхи; гроза скопляется изъ дѣлъ грѣшниковъ... Ибо

---

[1]) См. Русь въ ея столицахъ. II. Новгородъ.

[2]) См. Русь въ ея столицахъ. I. Старая Ладога.

эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ и справедливо требовали и ожидали кары, равной злодѣянію»... Слѣдующія затѣмъ слова проповѣди рисуютъ взглядъ образованныхъ христіанъ-византійцевъ на дикихъ язычниковъ-славянъ: «Народъ, до нападенія на насъ, ничѣмъ не давшій себя знать, народъ не почетный, считаемый наравнѣ съ рабами, не именитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, не значительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное; народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, но не имѣющій гражданскаго устройства, ни военнаго искусства,—такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши и, какъ дикій вепрь, истребилъ живущихъ здѣсь, словно траву... И какія зрѣлища скоплялись предъ нами!... Младенцы были размозжаемы о камни... матери, зарѣзываемыя или разрываемыя, умирали подлѣ своихъ малютокъ...»

Мщеніе за родную кровь составляло религію русскихъ язычниковъ, и они, избравши удобное время, съ малыми силами рѣшились напасть на обидчиковъ. Они пріѣхали въ двухстахъ ладьяхъ, напали неожиданно и, причинивъ много вреда и награбивъ большія богатства, спѣшили уйти, но были разбиты въ окончательномъ сраженіи. Свое неожиданное избавленіе византійцы приписали чудесному вмѣшательству Богоматери, ризу которой патріархъ обнесъ вокругъ стѣнъ города. Историки говорятъ, что послѣ этого греки рѣшили тѣснѣе сблизиться съ Русью и стали посылать епископовъ въ Кіевъ, и кіевскіе князья со многими дружинниками приняли крещеніе.

Кіевъ, бывшій средоточіемъ торговли славянъ съ греками, хозарами, арабами и болгарами, казался лакомой добычей для варяжскихъ князей, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ купцами и воинами. Преемникъ Рюрика, Олегъ, собралъ большое войско изъ подвластныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ и приплылъ на ладьяхъ къ Кіеву. Съ сѣвера часто проѣзжали купцы мимо Кіева, потому Аскольдъ и Диръ легко повѣрили посламъ Олега, вызывавшимъ ихъ на берегъ, чтобы посмотрѣть товары, которые везли на продажу въ Византію. Они вышли безъ стражи и были убиты воинами Олега, который овладѣлъ Кіевомъ. Сознавая громадное значеніе Кіева, Олегъ назвалъ его матерью городовъ русскихъ. Онъ принудилъ нѣсколько славянскихъ племенъ платить дань ему вмѣсто хозаровъ, затѣмъ построилъ городаострожки для защиты отъ враговъ со стороны степей и черезъ нѣсколько лѣтъ отправился въ походъ на Царьградъ. Покоренныя племена очень увеличили его боевыя силы. Можетъ быть, преувеличивая цифры, лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ снарядилъ 2000 судовъ, по 40 человѣкъ на каждомъ. Греки испугались, когда увидали надвигающуюся грозную тучу варваровъ. Они заперли всѣ городскія ворота и стали готовиться къ бою. Преданіе разсказываетъ, что Олегъ приказалъ вывести суда на берегъ, поставить ихъ на колеса и подкатилъ такимъ образомъ къ стѣнамъ города, опустошая попутно окрестности. Греки испугались еще больше и завели переговоры, предлагая дать дань, какую потребуетъ князь. Назначивъ дань на каждый корабль и на каждый изъ русскихъ городовъ, Олегъ выставилъ цѣлый рядъ условій, улучшающихъ положеніе русскихъ купцовъ въ Византіи. Согласно этимъ условіямъ русскіе купцы въ продол-

женіе шестимѣсячной торговли въ Царьградѣ должны были получать мясо, вино, рыбу, овощи и, кромѣ того, могли мыться въ баняхъ, сколько захотятъ. Византійскій императоръ принялъ условія съ небольшими измѣненіями, касающимися главнымъ образомъ огражденія безопасности мѣстныхъ жителей, подвергавшихся, вѣроятно, иногда грабежамъ иноземныхъ гостей. Преданіе заканчивается тѣмъ, что Олегъ возвратился въ Кіевъ съ золотомъ, дорогими тканями, овощами, винами и всякимъ узорочьемъ. Народъ удивился такому успѣху, прославилъ Олега и прозвалъ его вѣщимъ или волхвомъ, способнымъ творить чудеса.

Послѣ Олега княжилъ сынъ Рюрика, Игорь. Насколько Олегу все удавалось, настолько же Игоря преслѣдовали неудачи. Неудачны были походы Игоря на Византію, неудачны и сношенія его съ подчиненными славянскими племенами. Въ народныхъ преданіяхъ онъ рисуется человѣкомъ мелкимъ, трусливымъ и жаднымъ. Древляне, со временъ Аскольда бывшіе данниками кіевскихъ князей, убили Игоря за то, что онъ бралъ съ нихъ дань безъ мѣры.

За малолѣтствомъ сына Игоря, Святослава, княжила мать его Ольга. О ней народныя преданія говорятъ съ такой же похвалой, какъ и объ Олегѣ. Даже жестокая месть ея древлянамъ за смерть мужа нашла одобреніе въ народной молвѣ, такъ какъ вполнѣ отвѣчала нравственнымъ требованіямъ славянъ-язычниковъ. Ольга закопала живыми древлянскихъ пословъ, желавшихъ войти въ переговоры съ нею, сожгла другихъ, заманивъ обманомъ въ баню, и, наконецъ, также при помощи хитрости, предала огню древлянскій городъ Искоростень. Впослѣдствіи Ольга приняла христіанство и за это была прославлена

еще больше лѣтописцемъ и прозвана мудрой. Кромѣ того, Ольга являлась образцомъ домовитости и хозяйственности. Она разъѣзжала по славянскимъ землямъ, утверждала власть среди подчиненныхъ племенъ и устанавливала опредѣленные дани и оброки. «Все на этомъ свѣтѣ остроумная Ольга искала мудростью», говоритъ лѣтописецъ. Затѣмъ онъ разсказываетъ, какъ «иде Ольга въ греки и приде къ Царюграду», т. е. какъ Ольга отправилась, вѣроятно, съ однимъ

Олегъ ѣдетъ къ Царьграду, поставивъ ладьи на колеса.
(Рисунокъ изъ лѣтописи).

изъ торговыхъ каравановъ въ Царьградъ и тамъ приняла христіанство.

Святославъ остался послѣ отца трехлѣтнимъ ребенкомъ и тотчасъ же былъ переданъ съ рукъ матери, изъ женскаго терема, на руки дядьки или собственно на руки дружины. Тогда было въ обычаѣ дѣлать мальчику въ эти года постриги, т. е. стриженіе первыхъ волосъ. Производилось это съ большой торжественностью. Послѣ постриговъ ребенка

сажали впервые на коня, и церемонія заканчивалась рядомъ пиршествъ дружины. Когда Ольга мстила древлянамъ, Святославъ былъ при сраженіи и первый бросилъ копье во вражеское войско. Можетъ быть, суровое воспитаніе среди закаленныхъ въ бояхъ дружинниковъ дало въ результатѣ непобѣдимаго воина и образцоваго предводителя дружины, какимъ былъ Святославъ. Живя одной жизнью со своей дружиной, онъ проводилъ большую часть жизни въ боевыхъ походахъ, во время которыхъ не стѣснялъ себя ни палатками, ни провизіей. Постелью подъ открытымъ небомъ ему служилъ подсѣдельный войлокъ съ сѣдломъ въ головахъ, пищей—испеченное на угляхъ мясо, которое онъ возилъ подъ сѣдломъ. Такъ, налегкѣ, дѣлалъ онъ чрезвычайно быстрые переходы въ воинственныхъ набѣгахъ. Въ его образѣ дѣйствій не было ни хитрости, ни фальши, врага онъ всегда предупреждалъ о томъ, что идетъ на него.

Отдавая должное всѣмъ достоинствамъ суроваго и честнаго воина-князя, лѣтописецъ упрекаетъ его, однако, за то, что, ища богатства и славы на сторонѣ, онъ часто бросалъ свое княжество на жертву врагамъ. Во время одного изъ его продолжительныхъ походовъ на Болгарію, Кіевъ былъ осажденъ полчищами печенѣговъ—новыхъ азіатскихъ кочевниковъ, появившихся въ южныхъ степяхъ. Не было выхода изъ осажденнаго города, не было возможности дать вѣсть войску воеводы Претича, стоявшему на противоположномъ берегу Днѣпра. Одинъ храбрый юноша вызвался все-таки дать эту вѣсть. Онъ говорилъ по-печенѣжски, потому ему удалось пройти, подъ видомъ своего, черезъ лагерь враговъ. Только увидавъ его переплывающимъ Днѣпръ, печенѣги поняли обманъ. Юноша разсказалъ Претичу, что осажден-

нымъ грозила гибель отъ голода и жажды. Воевода рѣшилъ проникнуть въ городъ и спасти хотя княгиню съ княжатами. Кіевляне радостно откликнулись на боевой трубный звукъ, печенѣги всполошились, думая, что самъ князь Святославъ пришелъ на выручку родному городу, и отступили. Святославъ вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Кіевъ, но оставался недолго, и то уступая только просьбамъ умирающей матери. Его тянуло въ болгарскій городъ Переяславецъ на Дунаѣ, который онъ завоевалъ незадолго передъ тѣмъ. «Не любо жить мнѣ въ Кіевѣ», говорилъ онъ: «хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ середина земли моей, туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ грековъ золото, ткани, овощи разные, вина, отъ чеховъ и венгровъ серебро и коней, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабовъ». Въ этихъ словахъ сказался въ Святославѣ, кромѣ воина, и купецъ. Война и торговля были главными занятіями варяжскихъ князей. Еще до покоренія Переяславля Болгарскаго, Святославъ заставилъ вятичей, платившихъ дань хозарамъ, платить дань Кіеву. Такимъ образомъ продолжалъ политику своихъ предшественниковъ, ограничивавшихъ права хозаръ надъ славянами. Впослѣдствіи онъ опустошилъ торговые болгарскіе и хозарскіе города Итиль и Болгаръ и разогналъ населеніе. Своимъ разгромомъ хозарскаго царства онъ навсегда подорвалъ его силы, ослабленныя еще Олегомъ и Игоремъ. Хозары перестали защищать «ворота народовъ» изъ Азіи въ Европу, и черезъ нихъ снова пошли полчища азіатскихъ кочевниковъ. Еще при Игорѣ южныя степи наводнили печенѣги, а вслѣдъ за ними пришли половцы. Тѣ и другіе причинили много хлопотъ и бѣдствій русскимъ.

После смерти Ольги Святославъ посадилъ старшаго сына, Ярополка, въ Кіевѣ, другого, Олега, въ землѣ древлянской и третьяго, Владимира, отпустилъ, по просьбѣ новгородцевъ, въ Новгородъ. Устроивъ, такимъ образомъ, свои дѣла, онъ думалъ, что ѣдетъ въ близкую его сердцу Болгарію навсегда. Но тамъ его ждало жестокое разочарованіе. Византія, оказавшая ему поддержку при завоеваніи Болгаріи, теперь взяла послѣднюю подъ свое покровительство. Жители Переяславля заперлись въ городѣ и не пустили войско Святослава. Въ конечной битвѣ Святославъ одержалъ верхъ, вошелъ въ городъ и послалъ сказать грекамъ: «хочу на васъ итти, хочу взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ». Лѣтописецъ разсказываетъ дальше, какъ, несмотря на неравныя силы, ослабленное предыдущей битвой войско Святослава побѣдило и грековъ. Греки предложили миръ, и Святославъ, не надѣясь на малую дружину, принялъ условія, думая отправиться въ Русь и вернуться оттуда съ большимъ войскомъ. Но на пути въ Кіевъ онъ былъ убитъ печенѣгами, которые подстерегали его на днѣпровскихъ порогахъ.

Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный подробно писалъ о русскихъ князьяхъ X вѣка и о путешествіяхъ торговыхъ каравановъ въ Византію. По его разсказу, кіевскіе князья въ ноябрѣ выходили обыкновенно на «полюдье», т. е. на сборы дани къ древлянамъ, дреговичамъ, кривичамъ, сѣверянамъ и другимъ подчиненнымъ имъ племенамъ. Въ переходахъ съ мѣста на мѣсто проводили они всю зиму, а затѣмъ, весной, по вскрытіи рѣкъ, возвращались въ Кіевъ. Дань состояла изъ меду, воску, мѣховъ, на все это былъ большой спросъ въ Византіи и на другихъ иностранныхъ рынкахъ. Жители

верхняго Поднѣпровья рубили зимой деревья, дѣлали изъ нихъ лодки и пригоняли ихъ по Днѣпру въ Кіевъ. Здѣсь лодки вытаскивали на берегъ и продавали ихъ князьямъ и торговымъ людямъ. Снасти для судовъ кіевляне заготовляли сами. Когда весенній разливъ спадалъ, начинали снаряжать торговый караванъ въ Царьградъ. Въ караванѣ были княжескія лодки, боярскія и простыя купеческія, нагруженныя всякими русскими товарами. Путешествіе было продолжительно и сопряжено съ большими опасностями. Въ нижнемъ теченіи дно Днѣпра перерѣзывается отрогами Авратынскихъ возвышенностей, образующими знаменитые днѣпровскіе пороги. Плавная и спокойная до сихъ поръ рѣка начинаетъ вдругъ въ бѣшеномъ стремленіи впередъ перепрыгивать черезъ скалы и гряды камней, заграждающія ей путь. При большой осторожности и знаніи мѣста, можно было провести суда черезъ первые, болѣе мелкіе, пороги, но на крупныхъ приходилось вытаскивать ихъ на берегъ и тащить на плечахъ или волочить по землѣ. Закованные въ кандалы невольники нагружались и товарами и лодками. Невольники были всегда одной изъ выгоднѣйшихъ статей русской торговли. Постоянныя войны съ чужими народами въ изобиліи поставляли этотъ живой товаръ. Вооруженные купцы и княжескіе дружинники держались наготовѣ, чтобы защитить отъ печенѣговъ караванъ во время этого сухопутнаго перехода. Нерѣдко происходили жестокія схватки, случалось, что караванъ былъ разграбленъ, а путешественники перебиты. Пройдя пороги благополучно, караванъ отдыхалъ на островѣ св. Георгія, иначе называвшемся Хортицей. Здѣсь, подъ огромнымъ дубомъ, купцы приносили въ жертву богамъ живыхъ птицъ—куръ и пѣтуховъ.

Для жертвы устраивался кругъ изъ воткнутыхъ стрѣлъ. При этомъ же происходило и гаданье о дальнѣйшемъ пути и о томъ, будетъ ли выгодна торговля въ Византіи.

Такова была, въ общихъ чертахъ, жизнь древнихъ русскихъ князей, дружинниковъ и купцовъ, по описаніямъ византійскихъ историковъ. Они жили въ городахъ, торговали на заграничныхъ рынкахъ и воевали. Но всѣ они составляли только часть общей массы славянскаго населенія, разсыпавшагося по обширной равнинѣ, по берегамъ ея широкихъ многоводныхъ рѣкъ, въ глухихъ и болотистыхъ лѣсахъ. Мы знаемъ уже, что эта-то масса собственно и поставляла товары для тѣхъ же рынковъ, въ видѣ податей или дани князьямъ во время полюдья. Въ торговлѣ эти жители глухихъ поселковъ, или смерды, какъ ихъ тогда называли, не участвовали. Они добывали себѣ пропитаніе, пользуясь дарами природы, которая щедро давала имъ и на свой обиходъ и на выплату дани. Чтобы добыть мѣха, воскъ, медъ и рыбу, они занимались, кромѣ земледѣлія, охотой, пчеловодствомъ и рыболовствомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлали лодки-однодеревки, т. е. выдолбленныя изъ цѣлаго ствола дерева. Лодки эти, какъ мы уже знаемъ, пригонялись на продажу въ Кіевъ. Въ другихъ мѣстахъ, ближе къ городамъ, или въ самыхъ городахъ, смерды занимались также гончарнымъ ремесломъ, т. е. дѣлали изъ глины горшки и другую посуду. Лодки, посуда и хлѣбъ составляли предметы внутренней торговли, хлѣбъ доставлялся въ сѣверныя русскія области, гдѣ его было мало.

Земледѣліе было кореннымъ занятіемъ славянъ съ древнѣйшихъ временъ. Еще тогда, когда жили они, по выраженію лѣтописца, въ лѣсахъ по-звѣриному,

они вырубали деревья, выжигали корни и на выжженномъ пространствѣ пахали и сѣяли. Въ могилахъ древлянъ, жившихъ на притокѣ Днѣпра Припяти, и сѣверянъ, жившихъ на притокѣ Деснѣ, нашли серпы и зерна ржи, овса, ячменя. Судя по древнему славянскому языку, въ тѣ времена были уже извѣстны такія земледѣльческія орудія, какъ плугъ, борона, мотыка, заступъ, цѣпъ. Частныхъ земельныхъ собственниковъ тогда не было, земля принадлежала общинѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ семей — задругѣ или верви, какъ тогда называли. Торговля постепенно измѣняла простой и несложный прежде бытъ славянъ. Князья, дружинники и купцы богатѣли отъ торговли. Захватывая свободныя земли, которыхъ тогда было много, они обрабатывали ихъ трудами рабовъ изъ военноплѣнныхъ, которыхъ частыя войны поставляли въ большомъ количествѣ. Тѣ же войны, обогащая воиновъ, разоряли смердовъ. Увеличивалось количество бѣдныхъ и количество богатыхъ людей, усиливалась рознь между тѣми и другими. Съ другой стороны, та же торговля, сталкивая славянъ съ жителями чужихъ болѣе образованныхъ странъ, развивала ихъ и расширяла ихъ кругозоръ. Повышались требованія на большія удобства въ жизни, но повышалось и умѣніе удовлетворить ихъ. Красивыя и роскошныя вещи, вывезенныя съ заграничныхъ рынковъ, вызывали подражанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ условія мѣстнаго быта и преданій, особенности родной природы вырабатывали свой собственный вкусъ и свои требованія отъ издѣлія разныхъ вещей. Такимъ образомъ создавалось и развивалось свое русское искусство вмѣстѣ съ развитіемъ образованности—своей русской культуры. Со временемъ русскія издѣлія имѣли сбытъ на тѣхъ же заграничныхъ рынкахъ. Очень цѣнились впо-

слѣдствіи русскія рѣзныя работы изъ дерева и кости, появившіяся на Руси на ряду съ разными украшеніями и обиходными предметами, носившими слѣды несомнѣннаго вліянія арабовъ, хозаръ и, главнымъ образомъ, Византіи. Византія, оказавшая наибольшее вліяніе на русскую жизнь, пріобщила ее къ христіанскому міру, послѣ чего развитіе русской культуры пошло еще быстрѣе.

Памятникъ Св. Владиміру.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Внѣшній видъ языческаго Кіева.—Міросозерцаніе славянъ-язычниковъ.—Постепенный переходъ къ христіанству.—Вліяніе Византіи.—Князь Владиміръ и водвореніе христіанства.—Печенѣги и кіевскіе богатыри.—Князь Ярославъ Мудрый.—Первыя церкви, иноческія обители и монастыри. — Вліяніе христіанства на просвѣщеніе и нравы. — Первые лѣтописцы.

«И бяше около города лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяше звѣрье...» Таковъ былъ Кіевъ въ языческія времена, по словамъ лѣтописца. Небольшая площадка на высокомъ холмѣ Кія со всѣхъ сторонъ была окружена оврагами, поросшими густымъ лѣсомъ. Въ одномъ изъ такихъ овраговъ, гдѣ проходитъ теперь главная улица Кіева—Крещатикъ, были княжіи ловы

и охоты, и онъ назывался Перевѣсищемъ. На площадкѣ помѣщался древній городъ, или дѣтинецъ, называемый тогда просто Горою. Въ немъ было нѣсколько деревянныхъ дворовъ и каменный теремъ Ольги. Вѣроятно, этотъ теремъ долго былъ единственнымъ каменнымъ зданіемъ, потому и память о немъ сохранилась до того времени, когда писалась лѣтопись, т. е. до XI вѣка.

Здѣсь же, на утесѣ, стоялъ и идолъ главнаго языческаго бога Перуна. Лѣтописецъ упоминаетъ о немъ, когда пишетъ о скрѣпленіи клятвой договора Игоря съ греками: «И наутрѣ призва Игорь послы гречески и приде на холмы, гдѣ стояше Перунъ, и покладоша оружыя своя и щиты, и золото, и ходи Игорь и мужи его, и елико поганые[1]) на Руси; а христьянскую Русь водиша въ церковь святого Ильи, яже есть надъ ручьемъ, конецъ Пасынцѣ бесѣды и Козаре; се бо бѣ сборная церковь, мнози бо бѣша Варязи христьяне». По низменной мѣстности, нынѣшнему Подолу, протекала тогда рѣчка Почайна, совсѣмъ недавно поглощенная Днѣпромъ. Здѣсь, среди лѣсовъ и топей, возлѣ слободы хозарской, пріютилась первая христіанская церковь во имя Ильи Пророка, построенная, судя по преданію, еще Аскольдомъ. На Подолѣ же, въ томъ мѣстѣ, гдѣ были пастбища, стояло капище бога покровителя скота Волоса.

Лѣсъ, рѣка, топь, болото или безграничная равнина—вотъ природа, среди которой селились русскіе славяне, жили, развивались и складывались въ нынѣшнее Русское государство. Это преобладаніе лѣса и воды въ природѣ отразилось на религіозныхъ вѣрованіяхъ славянъ язычниковъ. Темная чаща дремучаго

---

[1]) Погаными лѣтописецъ называетъ язычниковъ,

лѣса, тянущагося на сотни верстъ кругомъ, подавляла невѣжественнаго язычника, казалась ему страшной и таинственной. Величественные сѣдые великаны, разбросавшіе въ разныя стороны могучіе дуплистые стволы, представлялись ему царями этой чащи. Язычникъ обоготворялъ ихъ, ждалъ отъ нихъ и добра и худа, старался умилостивить ихъ жертвами. Столѣтнимъ дубамъ или липамъ приносили древніе славяне свои жертвы, ихъ просили о заступничествѣ передъ другими, еще болѣе грозными, невѣдомыми силами. Такимъ же непонятнымъ и грознымъ казался славянину громадный камень валунъ, неожиданно встрѣченный имъ глубоко вросшимъ въ землю среди топей и болотъ. И славянинъ приносилъ, на всякій случай, жертву и камню. «Не нарицайте себѣ бога въ каменіи... Уже бо не нарекутся богомъ древеса...» Такъ проповѣдуетъ впослѣдствіи Кириллъ Туровскій не окрѣпшимъ еще въ вѣрѣ христіанамъ. Даже въ то время, въ XII вѣкѣ, славяне часто послѣ молитвы въ христіанскомъ храмѣ молили о благополучіи скота бога Волоса или совершали языческіе обряды въ священныхъ рощахъ передъ столѣтними дубами. Поклонялись язычники и огню—источнику великаго блага или великихъ бѣдствій. Еще большее благоговѣніе и поклоненіе вызывали, конечно, такія грозныя явленія природы, какъ громъ, молнія или дающее всему жизнь солнце. «Уже бо не нарекутся богомъ стихіи, ни солнце, ни огонь», говоритъ тотъ же проповѣдникъ. Главный славянскій богъ, Перунъ, былъ богомъ грома и молніи, онъ же назывался еще Сварогомъ, а его сыновья—солнце и огонь — Сварожичами. Обоготворялись, вмѣстѣ съ солнцемъ, звѣзды, вѣтеръ, вода и воздухъ. Въ зависимости отъ поклоненія этимъ божествамъ находились праздники древнихъ славянъ

и ихъ обрядовыя пѣсни, дошедшія до насъ и нашедшія примѣненіе къ христіанскимъ праздникамъ. Празднованіе рождественскихъ святокъ съ колядой и гаданіемъ, празднованіе масленицы, семика, Ивана Купала и другихъ,—все это имѣетъ начало еще въ древнихъ языческихъ обрядахъ. Вообще вся природа, окружающая древняго язычника, была наполнена невѣдомыми и невидимыми живыми существами. Въ лѣсу жили лѣшіе, въ водѣ водяные и русалки, въ домѣ домовые. Понятія объ этихъ таинственныхъ существахъ смѣшивались съ понятіемъ о душахъ умершихъ и вѣчно живущихъ близкихъ. Всѣ онѣ могли покровительствовать оставшимся на землѣ, или вредить имъ, если они оскорбляли ихъ непочтеніемъ и невниманіемъ.

Мы видѣли, что въ мѣстности нынѣшняго Подола почти рядомъ стояли церковь Ильи Пророка и капище бога Волоса. Одни изъ дружинниковъ Игоря приносили жертву богу Перуну, другіе молились передъ алтаремъ христіанской церкви. Слѣдовательно, въ то время, когда язычество считалось у русскихъ славянъ господствующей религіей, въ Кіевѣ было уже не мало христіанъ. Христіанскіе проповѣдники были посланы изъ Византіи въ Кіевъ еще при Аскольдѣ. Княгиня Ольга была христіанкой, и, хотя Святославъ упорствовалъ въ язычествѣ, несмотря на уговоры матери, нужно думать, что именно при немъ христіанство распространялось съ особенной силой. Святославъ со своей громадной дружиной нѣсколько разъ уѣзжалъ въ христіанскую Болгарію и жилъ тамъ подолгу. Многіе изъ вернувшихся на родину воиновъ могли завезти туда христіанство. Но наибольшее вліяніе въ этомъ отношеніи имѣла, какъ мы уже сказали, Византія. Блестящая Византія вообще плѣняла вообра-

женіе славянъ своей роскошью и богатствомъ. И такъ какъ эта роскошь и этотъ блескъ проникали и въ религію, то понятно, что она не могла не привлекать своей красотой дикаго язычника, не видѣвшаго ничего дома, кромѣ скудной непривлекательной обстановки жизни и грубаго, безсмысленнаго страха передъ деревяннымъ идоломъ. Въ младенческомъ умѣ варвара не разъ возникала мысль о могуществѣ греческаго Бога, дающаго грекамъ всѣ чудеса, для полученія которыхъ славянинъ не жалѣлъ жизни.

Уже одинъ видъ великолѣпнаго Царьграда съ Чернаго моря могъ поразить полчища славянъ, подъѣзжавшихъ на своихъ ладьяхъ. Можетъ быть, и Кіевъ былъ выстроенъ на холмахъ изъ подражанія Царьграду, а впослѣдствіи первые христіанскіе князья всѣми силами стараются украсить города храмами, напоминающими царьградскіе. Уже съ моря видѣли подъѣзжающіе къ Царьграду золотыя царскія палаты, подлѣ нихъ стоялъ золотой пятиглавый дворцовый соборъ, а дальше опять блестящія палаты и церкви, надъ которыми, какъ вѣнецъ, возвышался величественный храмъ Софіи съ громаднымъ куполомъ. Княгиня Ольга съ приближенными была приглашена во дворецъ императора и видѣла роскошь, которая кажется сказочной и въ наши времена. У нашего историка Забѣлина мы находимъ подробныя описанія великолѣпія византійскихъ палатъ и дворцовъ, взятыя имъ изъ греческихъ хроникъ.

Приведемъ здѣсь выдержки изъ нѣкоторыхъ описаній. Въ одномъ изъ отдѣленій дворца, возлѣ Софійскаго храма, находилась палата, построенная Константиномъ Великимъ и называемая Магнауромъ. Она имѣла видъ церкви и была расположена отъ запада къ востоку. Передъ нею, съ западной стороны нахо-

дились обширныя сѣни, въ которыхъ во время пріемовъ собирались знатные придворные люди, начальники, сенаторы. Входъ въ палату задергивался дорогими занавѣсами. По сторонамъ высились мраморныя колонны, за которыми находились боковыя галлереи. Въ промежуткахъ колоннъ висѣли на посеребренныхъ цѣпяхъ большія серебряныя люстры. Восточная часть палаты была устроена какъ алтарь и на нѣсколько ступеней выше передъ всей палатой, такъ что туда поднимались по ступенямъ зеленаго мрамора. Это царское возвышеніе отдѣлялось отъ палаты четырьмя колоннами, надъ которыми возвышалась обширная арка. Между колоннами ниспадали дорогіе занавѣсы, закрывавшіе въ обыкновенное время царское святилище. Возлѣ этого мѣста стоялъ огромный золотой органъ, блиставшій дорогими каменьями и финифтью и называемый «царскимъ». Въ другихъ мѣстахъ палаты стояли еще два органа, серебряные. Въ глубинѣ алтаря стоялъ царскій престолъ, золотой тронъ, весь усыпанный драгоцѣнными камнями. У престола были ступени, на которыхъ по обѣимъ сторонамъ лежали золотые львы. Это были чудные львы: въ извѣстную минуту они поднимались на лапы, ревѣли и рычали, какъ живые. На верху трона сидѣли двѣ большія золотыя птицы. Неподалеку отъ него стояло золотое дерево съ множествомъ золотыхъ же птицъ разной породы, изукрашенныхъ цвѣтной эмалью. Въ опредѣленное церемоніаломъ время всѣ птицы пѣли. При торжественныхъ пріемахъ иностранныхъ пословъ, при входѣ ихъ, игралъ органъ, трубили трубы и ударяли въ литавры. Когда послы привѣтствовали сидящаго на тронѣ императора, золотые львы начинали ревѣть, золотыя птицы пѣть, звѣри, лежавшіе на нижнихъ ступеняхъ, поднимались изъ

своихъ логовищъ и становились на заднія лапы. Все это умолкало по окончаніи привѣтствій и возобновлялось при уходѣ пословъ, когда къ пѣнію птицъ и реву звѣрей присоединялся еще хоръ пѣвцовъ, славословящихъ императора.

Сыновья Святослава, Олегъ, князь древлянскій, и Ярополкъ, князь кіевскій, остались послѣ отца мальчиками одиннадцати и тринадцати лѣтъ. Между ними скоро возникла ссора, возбужденная, судя по преданію, главнымъ бояриномъ и воспитателемъ Ярополка Свѣнельдомъ. Свѣнельдъ хотѣлъ отмстить Олегу за смерть сына, убитаго княземъ во время охоты въ его лѣсахъ. Побуждаемый Свѣнельдомъ, Ярополкъ пошелъ войной на брата, и тотъ былъ убитъ. Въ это время третій сынъ Святослава, Владимиръ, былъ въ Новгородѣ [1]). Собравъ войско варяговъ за моремъ, Владимиръ пошелъ войной на брата и по пути разорилъ Полоцкое княжество, женившись насильно на дочери князя полоцкаго Рогнѣдѣ. Владимиръ велъ съ собой большое войско изъ варяговъ, новгородцевъ, кривичей и чуди. При помощи измѣны воеводы Ярополка Блуда, ему удалось убить Ярополка, и затѣмъ онъ безъ труда вошелъ въ Кіевъ.

Ярополкъ былъ христіаниномъ. Убивъ его, Владимиръ хотѣлъ поднять язычество, которое, повидимому, уже уступало христіанству. Онъ наставилъ всюду новыхъ идоловъ и возобновилъ служеніе имъ съ человѣческими жертвоприношеніями. Послѣ одного изъ удачныхъ походовъ хотѣли принести человѣческую жертву Перуну. Жребій палъ на сына одного варяга-христіанина. Отецъ не отдавалъ сына и издѣвался надъ языческими богами. Разъяренная толпа бро-

---

[1]) См. Русь въ ея столицахъ. II. Новгородъ.

силась разрушать ихъ жилище, и оба погибли подъ развалинами его. Впослѣдствіи Владимиръ выстроилъ на мѣстѣ гибели этихъ христіанскихъ мучениковъ церковь, которой отдавалъ десятую часть изъ своихъ доходовъ, почему она и называлась Десятинной.

Среди богатыхъ восточныхъ и южныхъ народовъ, съ которыми славяне воевали или вели торговлю, было уже мало язычниковъ. Кіевляне сталкивались и съ магометанами, и съ іудеями, и съ христіанами, но послѣднихъ было больше, и они занимали господствующее положеніе. Если вѣрить преданію, представители всѣхъ религій собрались у сильнаго русскаго князя, и каждый выставлялъ достоинства своей религіи, желая привлечь его. По словамъ того же преданія, на Владимира произвело сильное впечатлѣніе изображеніе Страшнаго суда на иконѣ, привезенной византійскими проповѣдниками. «Благо идущимъ одесную», сказалъ онъ, «и горе тѣмъ, что ошую». Дальше преданіе связываетъ крещеніе Владимира съ походомъ на Корсунь. Корсунь, или Херсонесъ, былъ греческій городъ, сохранившійся еще отъ времени греческихъ колоній на Черноморскомъ побережьѣ. Кіевляне хорошо знали Корсунь по торговлѣ, которую вели съ нимъ съ древнихъ временъ. Взявъ Корсунь, Владимиръ послалъ въ Царьградъ къ императорамъ Василію и Константину съ предложеніемъ выдать за него замужъ ихъ сестру Анну. Въ случаѣ несогласія, онъ грозилъ имъ войной. Императоры отвѣтили, что сестра ихъ не можетъ быть женою язычника. Тогда Владимиръ заявилъ, что готовъ креститься, такъ какъ христіанская вѣра пришлась ему по душѣ. Царевна Анна пріѣхала въ Корсунь въ то время, когда у Владимира разболѣлись глаза, и онъ пере-

сталъ видѣть. Она убѣдила его креститься, послѣ чего онъ выздоровѣлъ. Обвѣнчавшись съ царевной, онъ взялъ съ собою духовенство въ Кіевъ и тамъ крестилъ весь народъ. На мѣстѣ сверженнаго Перуна была выстроена маленькая деревянная церковь во имя св. Василія—теперь Трехсвятительская. Сыновей своихъ Владимиръ крестилъ на рѣчкѣ Почайнѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь, среди старыхъ деревьевъ, большая колонна съ часовней въ основаніи.

Лѣтописецъ сильно подчеркиваетъ разницу между Владимиромъ-язычникомъ и Владимиромъ-христіаниномъ. Онъ въ яркихъ краскахъ изображаетъ грубаго, жестокаго и воинственнаго князя, превратившагося въ кроткаго, любвеобильнаго и милостиваго. Онъ указываетъ даже на участившіеся случаи разбоевъ и грабежей, на которые обратили вниманіе греческіе священники, наставлявшіе князя въ новой вѣрѣ. «Разбойники размножились», говорили епископы Владимиру: «зачѣмъ не казнишь ихъ?» «Боюсь грѣха», отвѣчалъ Владимиръ. Епископы возразили на это: «ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованье; тебѣ должно казнить разбойника, только разобравъ дѣло». Прежде полагались за грабежъ и убійство штрафъ или виры, какъ тогда называли. Владимиръ отмѣнилъ сначала виры, замѣнивъ ихъ смертной казнью, но потомъ снова вернулся къ обычаямъ отцовъ и дѣдовъ, т. е. назначилъ виры, которыя шли на содержаніе войска. Епископы, вмѣстѣ со старѣйшими боярами, помогали Владимиру совѣтами въ управленіи княжествомъ. Для постройки и украшенія церквей были вызваны греческіе мастера и художники. Греческое духовенство обучало грамотѣ славянъ и поставляло ихъ въ священники. Десятинная церковь, во имя Успенія Пресвятой Богородицы, была вы-

строена на манеръ роскошныхъ византiйскихъ храмовъ и украшена иконами и драгоцѣнной утварью, привезенными Владимиромъ изъ Корсуня. Оттуда же привезъ Владимиръ «четыре кони медяны», т. е. великолѣпную бронзовую четверню коней, которая украшала теперь Кiевъ. Вообще Кiевъ въ это время богатѣлъ, украшался и привлекалъ вниманiе иностранцевъ. Привлекали также ко двору «ласковаго князя» и его роскошные пиры, которые онъ устраивалъ, по поводу освященiя новыхъ церквей. На пиры приглашались не одни знатные и богатые, а также нищiе и простой народъ, для которыхъ разставлялись столы на дворѣ княжескомъ и выкатывались бочки меду изъ погребовъ княжескихъ. Бѣдныхъ и убогихъ Владимиръ никогда не забывалъ, калѣкамъ и больнымъ, которые не могли приходить на пиры, развозили медъ и припасы на возахъ по городу.

Широко по землѣ расходилась слава о богатомъ стольномъ городѣ Кiевѣ, о князѣ Владимирѣ Красномъ Солнышкѣ и его могучихъ богатыряхъ. Славнымъ богатырямъ много было дѣла въ княженiе Владимира. По словамъ народныхъ былинъ, богатыри съѣзжались въ Кiевъ, чтобы

«Заложиться за князя Владимира,
Послужить ему вѣрой, правдой,
Постоять за вѣру христiанскую».

Веселье княжескихъ пировъ постоянно перемежалось съ народными бѣдствiями и горемъ. Печенѣги тѣснымъ кольцомъ окружили Кiевскую землю, и не было отъ нихъ ни прохода, ни проѣзда. Безпрестанно обступали они окрестные города и селенья и даже самый Кiевъ. Владимиръ выстроилъ для защиты со стороны степи цѣлый рядъ крѣпостей по притокамъ

Днѣпра, но и это плохо помогало. Безпрестанно разоряемое мирное населеніе бѣжало на сѣверъ, и южно-русскія земли тогда уже начинали пустѣть.

Между сыновьями Владимира возникли послѣ его смерти усобицы еще болѣе сильныя, чѣмъ были между Владимиромъ и его братьями. Одинъ изъ сыновей Владимира, Святополкъ, прозванный впослѣдствіи Окаяннымъ, желая владѣть единолично княжескимъ престоломъ, убилъ троихъ братьевъ — Бориса, Глѣба и Святослава. Мстителемъ за братьевъ явился князь новгородскій Ярославъ, который и овладѣлъ Кіевскимъ княжествомъ. Пятый сынъ Владимира, Мстиславъ Тмутараканскій, сначала вступилъ въ борьбу съ Ярославомъ, но потомъ вошелъ съ нимъ въ полюбовное соглашеніе и уступилъ ему кіевскій столъ. Послѣ смерти Мстислава Ярославъ сталъ княжить надъ всѣми русскими землями. Какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Кіевѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память, какъ устроитель внутренняго порядка и насадитель просвѣщенія. Во время усобицъ

Св. князь Владимиръ.
(Фреска XII вѣка).

братьевъ Кіевъ и жгли и разоряли, такъ что жители его натерпѣлись много горя и отдохнули только при окончательномъ водвореніи Ярослава. Его княженіе было мирное и даже внѣшнихъ войнъ было немного. Печенѣги сдѣлали послѣдній набѣгъ на Кіевъ (1036 г.), были разбиты, а затѣмъ окончательно разсѣяны новыми пришельцами изъ Азіи торками и половцами. Въ этотъ послѣдній набѣгъ печенѣги подошли совсѣмъ близко къ Кіеву, лѣтописецъ пишетъ: «и съступишася на мѣстѣ, гдѣ же есть нынѣ Святая Софія, митрополья русская, бѣ бо тогда поле внѣ града и бысть сѣча зла и едва одолѣ къ вечеру Ярославъ». Въ ознаменованіе этой побѣды Ярославъ и выстроилъ храмъ св. Софіи недалеко отъ того мѣста, гдѣ была выстроена еще Ольгой небольшая деревянная церковь, которая неоднократно горѣла и снова строилась. Этому храму суждено было пережить всѣ бѣдствія, пронесшіяся надъ Кіевомъ, и сохранить отчасти до нашихъ временъ прежній свой видъ. Кіевляне гордились новымъ соборомъ—колоссальнымъ каменнымъ зданіемъ, украшеннымъ золотомъ, драгоцѣнными камнями и великолѣпной живописью. «Яко церковь дивна и славна всѣмъ окружающимъ странамъ, яко же ина не обрящется во всемъ полунощи земнѣмъ отъ востока до запада...», такъ говорилъ впослѣдствіи о Св. Софіи митрополитъ Иларіонъ. Съ первыхъ же годовъ своего существованія соборъ занималъ видное мѣсто въ жизни города. Въ немъ поставлялись царьградскими патріархами русскіе митрополиты и благословлялись на княженіе великіе князья. Въ храмѣ хоронили кіевскихъ князей, начиная съ основателя его Ярослава, а на дворѣ храма собиралось народное вѣче для рѣшенія важнѣйшихъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ.

Изъ приведенныхъ здѣсь словъ лѣтописца мы видѣли, что Ярославъ построилъ храмъ на краю города, за нимъ было поле, а затѣмъ оврагъ и лѣсъ Перевѣсище. Въ этомъ полѣ Ярославъ началъ строить новый городъ, построилъ еще нѣсколько церквей и знаменитыя Золотыя ворота съ церковью Благовѣщенія наверху. Затѣмъ онъ выстроилъ великокняжеской дворецъ и обнесъ весь верхній городъ валомъ и стѣнами. При Ярославѣ же началъ заселяться и Подолъ, ставшій вскорѣ средоточіемъ кіевской торговли. О заботахъ Ярослава относительно распространенія христіанства кіевскій лѣтописецъ пишетъ слѣдующее: «При немъ христіанская вѣра на Руси начала плодиться и расширяться, умножались черноризцы, и появлялись монастыри. Ярославъ очень любилъ церковные уставы священниковъ, а въ особенности монаховъ и прилежалъ книгамъ, часто читалъ днемъ и ночью; собралъ много писцовъ и перелагалъ книги съ греческаго языка на славянскій, и такимъ образомъ написано было много книгъ и собрано вѣрнымъ на поученіе. Такъ одинъ человѣкъ вспашетъ землю, другой засѣетъ, а прочіе жнутъ и питаются обильно—такъ было и съ Ярославомъ: отецъ его Владимиръ вспахалъ землю и умягчилъ—просвѣтилъ крещеніемъ; Ярославъ засѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, пріемля книжное ученье». Въ другой лѣтописи говорится, что Ярославъ, пріѣхавъ въ Новгородъ, собралъ среди дѣтей старостъ и священниковъ триста человѣкъ и велѣлъ ихъ учить книгамъ. Такъ, вѣроятно, онъ дѣлалъ и по всѣмъ большимъ городамъ. Къ княженію Ярослава относятъ также и сборникъ древнѣйшихъ русскихъ законовъ «Русская Правда». Но на самомъ дѣлѣ сборникъ этотъ соста-

влялся позднѣе, въ разное время и различными людьми. При Ярославѣ составлена только, тоже неизвѣстнымъ лицомъ, первая часть этого сборника, въ которомъ ограничивается право личной мести за смерть родственниковъ и устанавливается денежный штрафъ за убійство и увѣчье.

Когда ушли печенѣги, южныя границы Кіевскаго княжества можно было считать нѣкоторое время безопасными отъ вражескихъ нашествій.

Ярославъ обратилъ тогда вниманіе на западныя границы со стороны Польши. Польша сложилась въ это время въ могучее государство и стремилась расширить свои границы захватомъ русскихъ городовъ. Еще во время войны Владимира съ Святополкомъ, союзникъ послѣдняго польскій король Болеславъ Храбрый захватилъ нѣкоторые пограничные русскіе города. Помирившись съ Мстиславомъ, Ярославъ, вмѣстѣ съ нимъ, принялся за возвращеніе утраченныхъ земель. Обстоятельства благопріятствовали русскимъ князьямъ. Послѣ смерти Болеслава въ Польшѣ загорѣлась междоусобная война, во время которой Ярославъ не только успѣлъ вернуть русскіе города, но еще и пограбить польскія земли и набрать плѣнниковъ. Въ это время населеніе Польши возстало противъ христіанства и изгоняло духовенство и князей. Только при внукѣ Болеслава, Казимирѣ, наступило успокоеніе. Казимиръ обращался за помощью къ европейскимъ государямъ и къ Ярославу. Ярославъ помогъ ему и выдалъ потомъ за него свою дочь. Онъ былъ тогда не только въ союзныхъ, но и въ родственныхъ отношеніяхъ со многими европейскими государями, охотно роднившимися съ могучимъ русскимъ княземъ. Войско Ярослава постоянно подкрѣплялось помощью варяжскихъ

викинговъ. Самъ онъ былъ женатъ на дочери шведскаго короля Ингигердѣ, а норвежскій королевичъ Гаральдъ Смѣлый женился на его дочери Елизаветѣ. Съ Византіей шла попрежнему оживленная торговля, но въ 1040 году загорѣлась война по обычному поводу—убійству русскаго купца. Ярославъ вспомнилъ времена Олега и захотѣлъ добиться посредствомъ военнаго похода бóльшихъ выгодъ и бóльшей свободы въ торговлѣ. Но греки пустили въ ходъ свой знаменитый «греческій огонь», которымъ погубили въ былыя времена полки Игоря. Сынъ Ярослава, Владимиръ, былъ разбитъ и вернулся съ большими потерями. Это былъ послѣдній русскій походъ на Византію, послѣ чего возобновились дружескія отношенія, сохранившіяся навсегда. Любимый сынъ Ярослава, Всеволодъ, былъ женатъ на греческой царевнѣ.

Въ то время, какъ холмъ Кія, нынѣшній Старый Городъ, украшался великолѣпными храмами въ византійскомъ вкусѣ, въ окрестностяхъ Кіева начали появляться монастыри тоже наподобіе греческихъ. Шумная, суетливая жизнь въ городѣ, съ грубыми развлеченіями, съ преклоненіемъ передъ физической силой или матеріальными успѣхами, не могла удовлетворить людей, проникнувшихся христіанскимъ ученіемъ. Живопись на стѣнахъ Софійскаго храма отразила это несоотвѣтствіе между грубой земной жизнью и строгими возвышенными требованіями христіанской религіи. Суровыя, какъ будто безплотныя, лица святыхъ поражали страхомъ молящагося христіанина. Онъ проникался благоговѣніемъ передъ величіемъ Бога и неземной чистотой и кротостью Богоматери. Онъ повергался передъ алтаремъ, сіяющимъ золотомъ въ блескѣ зажженныхъ свѣчей. Церковное пѣніе и клубы ладана уносили его куда-то

въ невѣдомую страну, гдѣ находился недоступный пониманію, таинственный Богъ, жестоко карающій за все, что прежде считалось не только дозволеннымъ, но даже доблестнымъ. Но стоило тому же молящемуся выйти изъ центра храма и направиться къ боковымъ лѣстницамъ, ведущимъ на хоры, какъ онъ снова переносился на землю, къ знакомой и близкой сердцу жизни. Снова присутствовалъ онъ на княжескихъ пирахъ, участвовалъ въ боярскихъ и княжескихъ развлеченіяхъ, снова охватывался суетой и соблазнами мірской жизни. Низкіе своды и стѣны лѣстницъ храма были сплошь расписаны пестрыми изображеніями, мѣстами сохранившими до сихъ поръ живыя, яркія краски. Наивныя фигуры гусляровъ, гудочниковъ, плясуновъ, охотниковъ проходятъ передъ глазами въ причудливыхъ и забавныхъ сценахъ.

«Монашествующіе въ каждомъ градѣ и странѣ да соблюдаютъ безмолвіе, да прилежатъ токмо посту и молитвѣ, безотлучно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отрекались отъ міра». Такъ гласитъ правило о монашествующихъ, выработанное однимъ изъ вселенскихъ соборовъ. Уже при Ярославѣ появились монастыри въ самомъ городѣ, но монахи ихъ не были настоящими подвижниками, ихъ жизнь была слишкомъ тѣсно связана съ жизнью мірскихъ людей. И вотъ, какъ этихъ мірскихъ людей попрежнему привлекала Греція, какъ мѣсто выгодной службы въ императорскихъ полкахъ или выгодной торговли, такъ привлекала она строгими монастырями людей, стремящихся къ молитвѣ и благочестивой жизни. Такъ пришелъ на Аѳонъ одинъ изъ русскихъ христіанъ, Антипа, и постригся тамъ подъ именемъ Антонія. Но русскимъ инокамъ въ тѣ времена нельзя было отдаваться только молитвѣ въ одиночествѣ,

ихъ обязанностью было учить и наставлять своихъ новообращенныхъ братьевъ на родинѣ. На эту обязанность указалъ Антонію игуменъ греческаго монастыря, посылая его обратно въ Русь. Въ кіевскихъ монастыряхъ Антоній не нашелъ жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ. Онъ поселился въ пещерѣ среди лѣса, вырытой первымъ русскимъ митрополитомъ Иларіономъ, когда онъ былъ еще священникомъ въ селѣ Берестовѣ, любимомъ мѣстопребываніи князя Владимира. Иларіонъ удалялся въ пещеру для поста и молитвы, Антоній поселился въ ней навсегда. Скоро къ нему пришелъ изъ города священникъ Никонъ, а затѣмъ и еще одинъ житель Приднѣпровья, жаждущій иночества и молитвы. Послѣдній былъ сынъ богатыхъ родителей, съ дѣтства обучавшійся грамотѣ и пристрастившійся къ священнымъ книгамъ. Вѣря въ истинность христіанскаго ученія, онъ старался проводить его въ жизнь. Все свое время онъ посвящалъ молитвѣ въ церкви или работѣ вмѣстѣ съ рабами и домашними слугами. Мать его горячо протестовала противъ такой жизни, такъ какъ не могла понять его стремленій. Особенно сильно возмутилась она, когда сынъ взялся печь просфоры въ церкви, въ которой некому было это дѣлать. Она считала постыднымъ такое занятіе для богатаго молодого человѣка, который могъ быть купцомъ, воиномъ, однимъ словомъ, могъ сдѣлать карьеру, говоря нашимъ современнымъ языкомъ. Она бранила его, попрекала, даже била и запирала, такъ что, въ концѣ концовъ, заставила уйти въ другой городъ. Вернувъ его домой силой, она съ яростью изорвала вериги, которыя случайно увидала на немъ. Проникнувшись евангельскими словами: «иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ», Ѳеодосій рѣшился, на-

конецъ, оставить навсегда мать и ушелъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ такъ же, какъ и Антоній, не удовлетворился городскими монастырями и пришелъ къ нему въ пещеру. «Сынъ мой», сказалъ ему Антоній: «ты еще молодъ, трудно будетъ тебѣ жить со мной въ этой тѣсной и мрачной пещерѣ». Но скоро онъ понялъ, что передъ нимъ стоитъ юноша, котораго не испугаютъ лишенія иноческой жизни. На этихъ столбахъ и воздвиглась знаменитая обитель, Печерская лавра, существующая до сихъ поръ. Антоній, Ѳеодосій и Никонъ, по словамъ лѣтописи, были «три свѣтила, сіявшія въ пещерѣ и разгонявшія тьму бѣсовскую постомъ и молитвою». Иноческіе подвиги отшельниковъ привлекали къ нимъ многихъ послѣдователей. Одна за другой вырывались пещеры рядомъ съ пещерой Антонія, и поселялись въ нихъ новые пришельцы изъ міра. Приходили туда и не одни бѣдняки или неудачники, оставлявшіе за собой лишь нужду и горе, бросали люди богатство, почести и славу во имя молитвы и жизни въ полномъ отреченіи отъ земныхъ благъ. Двое такихъ иноковъ навлекли гнѣвъ князя Изяслава Ярославича на всю обитель. Сынъ знатнаго боярина при дворѣ, Варлаамъ, пріѣхалъ къ пещерѣ Антонія съ пышной свитой, на богато убранномъ конѣ и въ роскошной одеждѣ, чтобы сложить все свое богатство къ ногамъ старца. Вслѣдъ за нимъ туда же пришелъ любимый придворный князя Ефремъ. Князь хотѣлъ сослать старцевъ въ заточеніе, разорить всю обитель и раскопать пещеры, если они не уговорятъ пришедшихъ вернуться въ міръ. Только заступничество княгини убѣдило князя оставить въ покоѣ иноковъ. Когда обитель разрослась, Антоній испросилъ позволенія у князя выстроить церковь для братіи. Такъ появилась Успенская церковь Печерскаго мона-

стыря, выстроенная въ 1073 году. Антоній, стремясь къ одиночеству, ушелъ изъ обители и вырылъ себѣ пещеру въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Много легендъ связано съ построеніемъ Успенской церкви. Объ основаніи ея въ Печерскомъ Патерикѣ разсказывается слѣдующее. Одинъ варягъ, Шимонъ, изгнанный изъ родины, отправился на кораблѣ въ Русь. Онъ захватилъ съ собой кошелекъ съ золотомъ, поясъ и вѣнецъ съ креста. При переѣздѣ черезъ море сдѣлалась буря, во время которой Шимонъ увидалъ въ облакахъ изображеніе церкви и сквозь шумъ бушевавшаго моря услыхалъ голосъ: «Вотъ церковь, которая будетъ создана во имя Божьей Матери, и ты будешь положенъ въ ней». Тотъ же голосъ велитъ ему измѣрить зданіе золотымъ поясомъ, снятымъ съ распятія. Буря утихла послѣ того, какъ Шимонъ запомнилъ измѣренія будущаго храма. Въ Кіевѣ Шимонъ поступилъ на службу къ князю, какъ дѣлали многіе варяги въ то время. Будучи дружинникомъ князя, Шимонъ участвовалъ въ битвахъ. Въ одну изъ битвъ онъ былъ раненъ и, лежа больнымъ, снова увидалъ ту же церковь. Выздоровѣвъ, онъ разсказалъ о своихъ видѣніяхъ преподобному Антонію, и послѣ этого рѣшено было выстроить церковь Успенія Божьей Матери согласно указаніямъ Шимона. Самое построеніе храма, по словамъ преданія, сопровождалось чудесными явленіями. Божья Матерь повелѣла византійскимъ мастерамъ итти къ Антонію и строить церковь въ Печерскомъ монастырѣ. Они привезли съ собой планъ церкви, вполнѣ согласовавшійся съ описаніями Шимона. Когда церковь была выстроена, снова по повелѣнію Божьей Матери, пришли изъ Византіи живописцы, украсившіе церковь мозаичными обра-

зами и расписавшіе ея стѣны. Блиставшая золотомъ и мозаикой церковь была, по отзывамъ современниковъ, «небеси подобна». До сихъ поръ указываютъ въ ближнихъ пещерахъ мѣсто погребенія двѣнадцати братьевъ грековъ—строителей Великой Лаврской церкви, оставшихся потомъ въ монастырѣ иноками.

Въ другихъ преданіяхъ Печерскаго монастыря указываютъ на русскаго инока, Алипія, помогавшаго византійскимъ художникамъ расписывать стѣны храма. Вѣроятно, въ то время были уже въ Кіевѣ и свои живописцы и свои строители. При раскопкахъ на мѣстѣ древней Десятинной церкви были обнаружены остатки многихъ мастерскихъ. Однѣ изъ нихъ, видимо, служили для обработки мрамора, шифера и другихъ породъ камня, другія для обжиганія различныхъ глиняныхъ издѣлій, здѣсь же, очевидно, приготовлялись эмалевые изразцы для украшенія церквей и дворцовъ. Существовали также въ то время мастерскія для выдѣлки предметовъ изъ стекла—разныхъ сосудовъ и витыхъ браслетовъ. Особенно многочисленны были мастерскія ювелирныя, на что указываютъ во множествѣ находимыя формочки для отливки крестовъ, серегъ, браслетовъ, бусъ и т. п.

Иноки монастырей, подобныхъ Печерскому, въ тѣ далекія времена не могли не оказывать вліянія на нравы мѣстныхъ жителей. Заслуга ихъ состоитъ именно въ томъ, что они не отрѣшались вполнѣ отъ міра, а, напротивъ, по мѣрѣ силъ, участвовали во всѣхъ печаляхъ и радостяхъ мірскихъ людей. Они подавали имъ примѣръ терпѣнія и неутомимаго трудолюбія. По свидѣтельству лѣтописца, «иноки выносили въ то время столько скорби и печали, что человѣческими устами даже и высказать невозможно.

Пищею для братіи служили только хлѣбъ да вода. Въ субботу и воскресенье вкушали сочиво» (каша или всякая растительная пища съ масломъ). Обитель была очень бѣдна. Подъ руководствомъ Өеодосія иноки безъ устали работали и тяжелымъ трудомъ добывали себѣ пропитаніе. Они плели изъ волны клобуки и занимались другими рукодѣліями. Издѣлья свои они носили въ городъ на торжища и продавали, а на вырученныя деньги покупали жито, которое мололи ночью, въ промежутки между молитвой, на ручныхъ жерновахъ. Кромѣ того, они занимались разведеніемъ огородовъ и садовъ. О самомъ Өеодосіи сохранилось преданіе, что онъ тоже рѣдкіе досуги свои посвящалъ рукодѣльямъ, трудясь вмѣстѣ съ Никономъ или инокомъ Ларіономъ, который былъ «хитръ книгамъ». Никонъ сшивалъ книги для переплета, а Өеодосій приготовлялъ нитки или прялъ волну въ то время, когда Ларіонъ переписывалъ книги. Но большую часть времени Өеодосій отдавалъ составленію поученій, обращаемыхъ какъ къ инокамъ, такъ и ко всему народу. Нѣкоторыя изъ этихъ поученій особенно интересны потому, что рисуютъ образъ жизни, взгляды и нравы людей того времени.

Приведемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ такихъ поученій. Напримѣръ, изъ поученія о казняхъ Божіихъ: «Наводитъ Богъ по гнѣву Своему казнь какую-либо или поганыхъ, потому что не обращаемся къ Богу; междоусобная рать бываетъ отъ соблазна дьявольскаго и отъ злыхъ людей. Страну согрѣшившую казнитъ Богъ смертью, голодомъ, наведеніемъ поганыхъ, бездождіемъ и другими разными казнями». Слѣдующія слова порицаютъ суевѣрія и грубость нравовъ: «Не погански ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ монаха или монахиню, свинью или коня

Несторъ Лѣтописецъ. Кіевская гравюра 1745 года.

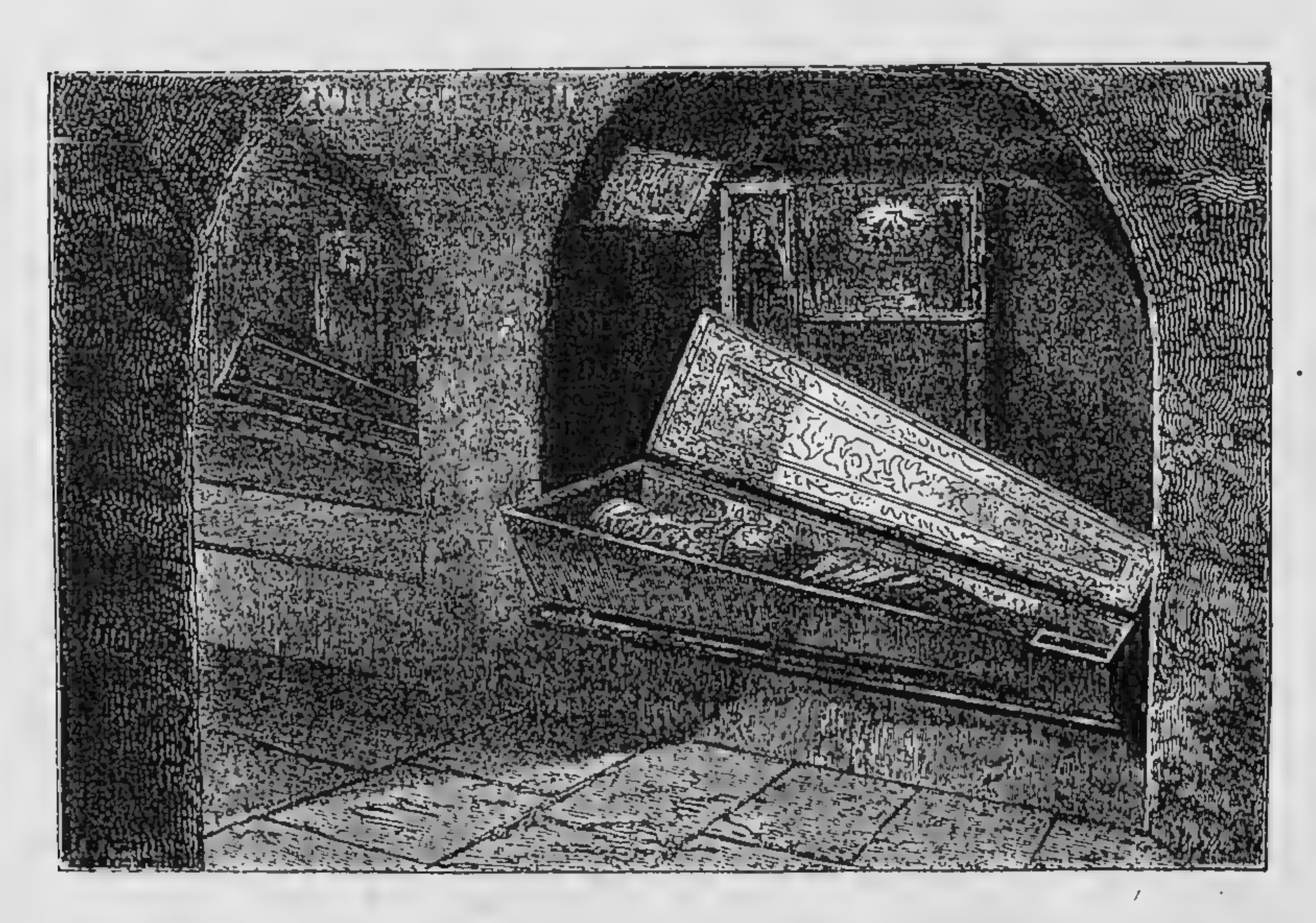
лысаго, то возвращается. Суевѣрію по дьявольскому наущенію предаются. Другіе чиханью вѣруютъ, будто бываетъ на здравіе главѣ. Дьяволъ прельщаетъ и отвлекаетъ отъ Бога волхованіемъ, чародѣйствомъ, блудомъ, запойствомъ, рѣзоиманіемъ [1]), прикладами, воровствомъ, лжею, завистью, клеветою, трубами, скоморохами, гуслями, сопѣлями, всякими играми и дѣлами неподобными. Видимъ и другія дѣла: всѣ падки къ пьянству, блуду и злымъ играмъ»...

Духовнымъ лицамъ для чтенія и изученія священныхъ книгъ, конечно, грамотность нужна была болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ людямъ. Они должны были изучать греческій языкъ, чтобы не только самимъ читать эти книги, но и переводить ихъ для другихъ. Такимъ образомъ грамотность должна была зародиться среди духовенства и главнымъ образомъ въ монастыряхъ, сосредоточивавшихъ въ себѣ всѣ условія для духовной и молитвенной жизни. Отсюда она распространялась въ міръ черезъ обученіе лицъ, предназначенныхъ для священства, и черезъ князей, какъ лицъ, имѣвшихъ большій досугъ для занятій. Въ монастыряхъ же должно было сосредоточиться и веденіе хроникъ или историческихъ записей. Такія записи велись еще раньше при церквахъ и дворахъ князей книжными и духовными людьми. Первый сводъ этихъ записей появился въ Печерскомъ монастырѣ подъ названіемъ «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду русская земля стала есть». Эта повѣсть временныхъ лѣтъ составлялась, по преданію монастыря, инокомъ Несторомъ, который пишетъ про себя слѣдующее: «Ѳеодосьеви же, живущю

---

[1]) Взиманіемъ процентовъ.

въ монастыри и правящю добродѣтельное житье и черничьское правило, и прімащю всякаго преходящаго къ нему; къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя, лѣтъ ми сущю семнадесяти отъ рожденья моего». Въ одной изъ пещеръ монастыря до сихъ поръ показываютъ мощи «перваго лѣтописца Нестора». На него же указываютъ какъ на составителя книгъ «Житіе св. Ѳеодосія Печерскаго» и «Чтеніе о житіи и погубленіи святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба».

Гробница пр. Нестора Лѣтописца въ пещерѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Завѣщаніе Ярослава сыновьямъ. — Жизнь въ Кіевѣ при преемникахъ Ярослава. — Роль вѣча въ кіевской жизни. — Усобицы князей и половецкія нашествія. — Постепенное разореніе смердовъ и превращеніе ихъ въ закуповъ и холоповъ. — Съѣздъ князей въ Любечѣ. — Владимиръ Мономахъ и его походы на половцевъ. — Поученіе Владимира сыновьямъ. — Князь Мстиславъ Мономаховичъ.

Ярославъ умеръ въ 1054 году и, по словамъ лѣтописца, оставилъ своимъ сыновьямъ такое завѣщаніе: «Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои! Любите другъ друга, потому что вы отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами, онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ. Если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живете же мирно, слушаясь другъ друга. Свой столъ Кіевъ поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу, слушайтесь его, какъ меня слушались, пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня».

Всѣ русскія земли, которыми Ярославъ, послѣ смерти брата Мстислава, владѣлъ единолично, онъ подѣ-

лилъ между сыновьями. Старшій сынъ, Изяславъ, получилъ земли Кіевскую, Турово-Пинскую и Новгородско-Псковскую. Второму сыну, Святославу, достались земли Черниговская, Сѣверская, Муромская и Тмутараканская, третьему, Всеволоду, Переяславская и Ростово-Суздальская, четвертому, Игорю, земля Волынская и пятому, Вячеславу, Смоленская. Одинъ изъ сыновей, Владиміръ, умеръ еще при жизни отца, и его сыну, Ростиславу, Ярославъ отдалъ землю Галицкую. Несмотря на завѣщаніе Ярослава, ссоры изъ-за земель, особенно изъ-за Кіевской, начались уже между его сыновьями и усилились между внуками и правнуками. Лѣтописецъ говоритъ, что въ это время «разодралася вся русская земля». Ссоры князей сопровождались, конечно, войнами и разореніемъ жителей. Къ внутреннимъ войнамъ присоединились еще и набѣги новыхъ степныхъ враговъ—половцевъ. Богатый торговый Кіевъ возбуждалъ алчность и въ князьяхъ и въ дикихъ кочевникахъ. Ярославъ оставилъ свой любимый стольный городъ въ полномъ расцвѣтѣ могущества, красоты и богатства. Слава о Кіевѣ разносилась по всѣмъ иностраннымъ государствамъ, торговля приносила ему много денегъ.

И при ближайшихъ преемникахъ Ярослава Кіевъ продолжалъ еще разрастаться и украшаться богатыми церквами и монастырями. По лѣтописнымъ описаніямъ кіевской жизни того времени, можно думать, что населеніе распредѣлялось въ немъ такимъ образомъ. Князья, дружинники, бояре, богатые купцы, главное духовенство и правительственныя лица жили въ верхней части города, «на Горѣ». Весь простой людъ—ремесленники, мелкіе торговцы, грузчики, лодочники, вмѣстѣ съ бездомными бродягами и нищими, заселяли обширный Подолъ, на берегу

Днѣпра. Небольшая площадь Дѣтинца на Горѣ была почти сплошь застроена церквами, монастырями и княжескими теремами. Кромѣ князя, его семьи, родни и дворни, въ Дѣтинцѣ жили немногіе изъ самыхъ приближенныхъ дружинниковъ и мѣстное духовенство. Но пришлаго народу всегда много толпилось въ Дѣтинцѣ. Къ князю пріѣзжали княжескіе и царскіе послы, богатые иностранные гости съ дарами и гостинцами, игумены и приходскіе священники съ ходатайствами о разныхъ нуждахъ церквей и обителей, вирники и мытники съ отчетами о сборахъ штрафовъ и торговыхъ пошлинъ. Сюда же приходили смерды и холопы съ жалобами на княжескихъ чиновниковъ—тіуновъ и рядовичей, здѣсь просили помощи вдовы и нищіе и даже искали суда и расправы разные люди, приходившіе съ торга послѣ мелкихъ дрязгъ или дракъ. За стѣнами Дѣтинца, вокругъ площади св. Софіи, раскидывалась древнѣйшая часть Кіева или собственно «Гора». Здѣсь былъ митрополичій дворъ, и жили всѣ знатные богачи и правители города. На митрополичьемъ дворѣ такъ же, какъ и на княжескомъ, съ утра до вечера толпился народъ. Сюда также приходили люди, искавшіе суда митрополита по дѣламъ, подлежащимъ его разсмотрѣнію. Митрополитъ разбиралъ, кромѣ дѣлъ духовныхъ, и дѣла семейныя. Здѣсь еще въ большемъ количествѣ собирались вдовы, сироты, нищіе и убогіе, разные калики перехожіе, чернецы и чернички со всѣхъ русскихъ монастырей и далекіе гости съ Аѳона. Вся гора была обнесена «городомъ великимъ», т. е. стѣной или землянымъ валомъ. Съ трехъ разныхъ сторонъ были ворота, а съ четвертой—открытый проѣздъ по мосту въ Дѣтинецъ. На обширную площадь возлѣ св. Софіи собиралось на важныя вѣчевыя со-

бранія все населеніе Кіева. Здѣсь же происходилъ, вѣроятно, и торгъ послѣ того, какъ князь Изяславъ Ярославовичъ «взогналъ» его, по выраженію лѣтописи, съ Подола на Гору. Окраины Горы были заняты садами и огородами, среди которыхъ расположилась небольшая, но богатая еврейская колонія. Лѣтопись говоритъ, что св. Θеодосій Печерскій часто ходилъ сюда по ночамъ для бесѣды съ еврейскими раввинами и книжниками о преимуществахъ христіанской вѣры.

Самымъ оживленнымъ мѣстомъ города былъ всегда, конечно, торгъ, куда съѣзжались люди разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, и который имѣлъ видъ постоянной пестрой ярмарки. Круглый годъ сюда стекались отовсюду товары русскіе и иноземные. Сюда пріѣзжали болгарскіе купцы изъ далекаго лѣсистаго Заволжья съ драгоцѣнными мѣхами и кожами; нѣмцы съ Балтійскаго моря съ янтаремъ, цвѣтными сукнами, блестящими шлемами; дикіе печенѣги и половцы приводили сюда скотъ, угры (венгры)—лошадей, гости изъ Крыма привозили соль, дешевыя бумажныя ткани, пряности, вина и душистыя травы, греки—безцѣнныя паволоки, дорогія одежды, ковры, сафьянъ, серебряную и золотую посуду, ладанъ и краски, мраморъ и мозаику. Иноземные гости торговали съ новгородцами, полочанами, псковичами, смольнянами, рязанцами, суздальцами и кіевлянами. Можно себѣ представить, какой несмолкаемый шумъ царилъ на кіевскомъ торгу, какая была пестрота въ разнообразныхъ національныхъ костюмахъ, какъ перемѣшивались разнообразные говоры и нарѣчія! Къ людскимъ голосамъ примѣшивались ревъ животныхъ и ржаніе лошадей. Легко было скрыться въ этой толпѣ и вору съ украденнымъ добромъ и холопу, сбѣжавшему отъ господина. Сюда

приходили ихъ разыскивать, и безпрестанно слышались здѣсь громогласныя заявленія о пропажѣ коня, оружія, одежды или какихъ-либо вещей, а также заявленія боярскихъ тіуновъ, или управляющихъ, о томъ, что сбѣжалъ холопъ со двора его господина. Здѣсь же княжескіе отроки продавали за долги въ холопство несостоятельныхъ должниковъ. Не меньшая суета стояла и на Подолѣ, гдѣ происходила постоянная разгрузка и нагрузка сотенъ судовъ всевозможныхъ формъ и величины. На Подолѣ останавливались русскіе гости, живали подолгу и строили свои божницы или часовни. Здѣсь же на торгу была и знаменитая Туровская божница, возлѣ которой происходили шумныя вѣчевыя собранія во времена усобицъ князей.

Въ эти тяжелыя и смутныя времена, когда князья оспаривали другъ у друга кіевскій столъ, и населеніе Кіева страдало отъ непрерывныхъ войнъ, оно пользовалось правами вѣча, чтобы защитить себя отъ княжескихъ насилій. Вѣче призывало князя, которому больше довѣряло, и изгоняло нелюбимаго. Садясь въ Кіевѣ, князь долженъ былъ упрочить за собой столъ уговоромъ съ вѣчемъ. Если онъ не дѣлалъ этого, бояре напоминали ему: «ты ся еще съ людьми Кіевѣ не укрѣпилъ». Часто выведенное изъ терпѣнія населеніе выносило жестокіе приговоры на вѣчѣ и расправлялось своимъ судомъ съ людьми, не подчинявшимися этому приговору. Такъ было въ 1068 году, когда половцы пришли воевать русскую землю. Три князя, Изяславъ, Всеволодъ и Святославъ, вышли къ нимъ навстрѣчу, но были разбиты. Вернувшись съ войны, кіевляне собрали вѣче на торгу и послали сказать князю: «половцы разсѣялись по землѣ; дай намъ, князь, оружіе и коней, хотимъ еще

биться съ ними». Изяславъ отказалъ. Недовольная толпа пошла грабить тысяцкаго за то, что онъ былъ побѣжденъ и не хотѣлъ итти во вторую битву. Потомъ направилась къ тюрьмѣ, чтобы освободить полоцкаго князя Всеслава, заключеннаго туда Изяславомъ. Освободивъ Всеслава, народъ провозгласилъ его княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу, а имѣнье его было разграблено.

Всеславъ только семь мѣсяцевъ пробылъ въ Кіевѣ, Изяславъ заручился помощью польскаго короля Болеслава и двинулся отвоевывать свой столъ. Кіевляне выступили навстрѣчу ему, но ночью передъ боемъ Всеславъ скрылся, не желая, вѣроятно, рисковать головой изъ-за Кіева. Всеслава въ лѣтописяхъ называютъ чародѣемъ, а народныя пѣсни, приведенныя въ «Словѣ о полку Игоревѣ», замѣчательномъ литературномъ произведеніи XII вѣка, говорятъ о немъ слѣдующее: «Всеславъ князь людямъ суды судилъ, князьямъ города рядилъ, а самъ ночью волкомъ рыскалъ, изъ Кіева до пѣтуховъ въ Тмутаракань добѣгалъ, великому Хорсу (солнцу) волкомъ путь перебѣгалъ: въ Полоцкѣ ему заутреню у Святой Софіи звонили, онъ въ Кіевѣ слышалъ звонъ. Клюками оперся онъ о коней, скакнулъ онъ подъ Кіевъ—досталъ онъ копьевищемъ золотого стола—Кіева; скакнулъ снова лютымъ звѣремъ изъ-подъ Бѣлгорода и исчезъ средь синей мглы». Изяславъ жестоко отмстилъ бунтовавшимъ противъ него кіевлянамъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ ему снова пришлось воевать изъ-за кіевскаго стола и потерять его. На этотъ разъ противъ него выступили братья Святославъ и Всеволодъ. Изяславъ снова долженъ былъ уйти въ Польшу, откуда пришелъ уже послѣ смерти Святослава, чтобы отбить Кіевъ у Всеволода. Встрѣтившись въ Волыни,

братья заключили, наконецъ, миръ. Всеволодъ уступилъ брату Кіевъ, а самъ остался въ Черниговѣ. Такимъ образомъ Изяславъ сдѣлался въ третій разъ кіевскимъ княземъ и все-таки не успокоился, а началъ борьбу съ племянниками, сыновьями Святослава, которыхъ изъ мести къ отцу лишилъ волостей. Эту борьбу съ обдѣленными князьями или изгоями, какъ ихъ называли, продолжалъ и Всеволодъ, сдѣлавшійся кіевскимъ княземъ послѣ смерти Изяслава. Изгои запасались помощью въ степяхъ и приводили на русскія земли орды половцевъ. Одинъ изъ сыновей Святослава—Олегъ—особенно упорно отстаивалъ свои права на волость и причинилъ много горя своими войнами. Народныя пѣсни прозвали его за это Гориславичемъ, а въ томъ же «Словѣ о полку Игоревѣ такъ говорится о немъ: «Тотъ Олегъ мечомъ крамолу ковалъ, сѣялъ стрѣлы по землѣ, вступалъ въ золотое стремя во градѣ Тмутаракани, а ужъ звонъ слышалъ великій сынъ Ярославовъ Всеволодъ, Володимиръ же уши затыкалъ по всѣ дни въ Черниговѣ. Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись, росли усобицы... Въ княжихъ крамолахъ вѣки людскіе сократилися! Тогда въ русской землѣ рѣдко ратаи покрикивали, зато часто крякали вороны, трупы себѣ дѣлячи...» Старая, отброшенная на край степей, Тмутаракань всегда была прибѣжищемъ князей-изгоевъ, къ которымъ стекались со всей Руси всѣ недовольные и безпріютные.

Отнявъ земли у родичей, Всеволодъ собралъ себѣ большую часть отцовскихъ владѣній. Ему принадлежали земли Кіевская, Черниговская, Переяславская, Смоленская и Ростовская. Но, проводя все время въ войнахъ, онъ запустилъ внутреннее управленіе. Его намѣстники, судьи и другіе чиновники грабили и притѣсняли народъ. Не будучи ни хоро-

шимъ правителемъ, ни отважнымъ воиномъ, Всеволодъ пользовался славой образованнѣйшаго человѣка своего времени. Но княженіе его лѣтописецъ относитъ къ числу несчастныхъ для Кіевской земли. Помимо войнъ, разорявшихъ жителей, Кіевъ и область претерпѣли много бѣдствій, не зависящихъ отъ людской воли. Много разъ были за это время неслыханные жары, отъ которыхъ засыхали растенія и нивы, лѣса въ болотистыхъ мѣстахъ воспламенялись сами собой, работы сельскихъ жителей останавливались, голодъ, болѣзни и моръ свирѣпствовали во многихъ мѣстахъ. Къ этому присоединилось еще и землетрясеніе, возбудившее много суевѣрныхъ толковъ.

Послѣ смерти Всеволода (1093 г.) кіевскій столъ перешелъ по старшинству къ сыну Изяслава Святополку. Въ это княженіе участились набѣги половцевъ. Одинъ изъ князей половецкихъ, Бонякъ, прозванный въ русскихъ лѣтописяхъ «шелудивымъ», былъ особенно памятенъ кіевлянамъ. Онъ пришелъ къ Кіеву съ большой силой, сжегъ Красный дворъ Всеволода въ предмѣстьи Кіева, уничтожилъ сады и огороды и разорилъ два монастыря. Ночью проникъ онъ въ Печерскую обитель и сталъ истреблять все огнемъ и мечомъ, восклицая: «Гдѣ есть Богъ ихъ? Пусть поможетъ имъ!» Половецкія нашествія все больше и больше истощали и разоряли южную Русь. Лѣтописецъ съ горемъ пишетъ объ этихъ опустошительныхъ набѣгахъ. Вотъ описаніе одного изъ нихъ: «Плачъ великій сотворился въ нашей землѣ, и опустѣли села и города наши. Однихъ ведутъ въ плѣнъ, другихъ умерщвляютъ, тѣ трепещутъ при видѣ избиваемыхъ, тѣ умираютъ отъ голода и жажды... Этихъ вяжутъ и толкаютъ ногами и держатъ на морозѣ. Мучимые холодомъ, въ цѣпяхъ, томимые голодомъ и

жаждою, съ поблѣднѣвшими лицами и почернѣвшими тѣлами идутъ неизвѣстною страною, съ воспаленнымъ языкомъ, нагіе и босые, съ ногами, растерзанными терніями. Одинъ говоритъ другому: «я былъ изъ такого-то города» или «я такого-то села», и со слезами разсказываютъ о своемъ родѣ. Опустѣли наши города; поля, гдѣ паслись стада, кони, овцы и волы, все теперь пусто, нивы сдѣлались жильемъ звѣрей». Такія бѣдствія терпѣли люди, а князья за вѣчными усобицами, не только порой забывали свою исконную обязанность защищать Русь отъ поганыхъ, но и сами увеличивали народное разореніе своими войнами. Кіевскіе митрополиты и игумены Печерскаго монастыря непрестанно увѣщевали князей оставить распри и обратить вниманіе на горе народное. И правда, разореніе народное росло, мѣнялись и отношенія между людями: увеличивалось число бѣдняковъ и богатѣли князья, бояре, дружинники и купцы, захватывавшіе все большія и большія пространства земли. Торговля съ иностранными государствами сокращалась вслѣдствіе того, что торговые пути отрѣзывались половцами. Многіе изъ прежнихъ воиновъ купцовъ дѣлались помѣщиками. Въ то же время часть разоренныхъ смердовъ бѣжала на сѣверъ или на западъ, а часть, стараясь возстановить расхищенное хозяйство, должала богачамъ, дававшимъ деньги за большіе проценты. Не будучи въ состояніи уплатить не только долга, но и процентовъ, смерды запутывались, отрабатывали долгъ на земляхъ заимодавцевъ и превращались изъ свободныхъ земледѣльцевъ въ несвободныхъ или закуповъ, какъ тогда называли. Побѣгъ отъ хозяина или нарушеніе заключенныхъ условій закабаляли окончательно закуповъ, и они дѣлались холопами.

При внукахъ Ярослава распри увеличились еще больше, такъ какъ появились новые обдѣленные князья-изгои. Наконецъ князья рѣшили съѣхаться и сообща обсудить родственныя дѣла. Съѣздъ былъ въ 1097 году въ Любечѣ. Рѣшено было, чтобы внуки Ярослава владѣли отчиной, т. е. тѣми же волостями, какими владѣли ихъ отцы. Вслѣдствіе этого постановленія сыновья Святослава получили Черниговскую область, которую оспаривали у нихъ другіе князья. Всѣ князья цѣловали крестъ и говорили: «Если теперь кто-нибудь изъ насъ поднимется на другого, то всѣ мы станемъ на зачинщика, и крестъ честной будетъ на него же». Но прошло немного времени, и ссоры снова возникли между прежними изгоями, сидѣвшими теперь на Волыни. Одинъ изъ нихъ, Давидъ Игоревичъ, заподозрѣлъ другого, Василька Ростиславича, въ томъ, что тотъ задумалъ отнять у него землю. Не рѣшаясь начинать войну только со своей дружиной, онъ сталъ склонять къ союзничеству кіевскаго князя Святополка Изяславича. Онъ увѣрилъ Святополка, что не только Василько задумалъ увеличить свое княжество, но и Владиміръ Мономахъ, сынъ греческой царевны и Всеволода, въ заговорѣ съ нимъ, покушается на кіевскій столъ. Кончилось тѣмъ, что Василько, пріѣхавшій въ Кіевъ на богомолье, былъ приглашенъ къ князю въ гости, тамъ схваченъ и затѣмъ ослѣпленъ. Всѣ князья, участвовавшіе въ съѣздѣ, пришли въ негодованіе отъ коварнаго и безчестнаго поступка Святополка и Давида, и снова разгорѣлась продолжительная усобная война. Наконецъ, на второмъ съѣздѣ въ Витичевѣ (1100 г.), былъ вторично заключенъ миръ, и князья рѣшили сосредоточить свои силы на борьбѣ съ половцами.

Главную роль въ этихъ примирительныхъ съѣз-

дахъ игралъ всегда Владиміръ Мономахъ, прозванный такъ по родственнику своей матери Константину Мономаху. Онъ заслужилъ общую любовь и уваженіе за свои старанія поддерживать миръ между князьями-родичами и за удачные походы на половцевъ. Черезъ три года послѣ витичевскаго съѣзда онъ сталъ уговаривать Святополка и другихъ князей итти весной на поганыхъ. Дружина Святополка не совѣтовала князю отрывать поселянъ въ весеннее время отъ полевыхъ работъ. «Дивлюсь я одному», отвѣтилъ на это соображеніе Владиміръ: «какъ вы поселянъ жалѣете и лошадей ихъ, а того не подумаете, что станетъ поселянинъ весною пахать на лошади, придетъ половчанинъ ударитъ его самого стрѣлой, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ; объ этомъ вы не подумаете». Обѣ дружины согласились съ нимъ, и князья, собравъ родичей, пошли въ половецкія степи. Пѣхота поѣхала въ лодкахъ по Днѣпру, а конница пошла берегомъ. Пройдя пороги, у Хортицкаго острова пѣшіе высадились на берегъ, конные сѣли на лошадей и шли такъ степью четыре дня. Половцы пробовали завести переговоры о мирѣ, когда увидали большія княжескія войска, но князья не согласились и разбили ихъ. Взяли много всякаго скота, лошадей, верблюдовъ, освободили многихъ русскихъ плѣнниковъ, захватили въ полонъ половцевъ, печенѣговъ и торковъ. Но такъ какъ половцы не притихли и послѣ этого пораженія, то Мономахъ рѣшилъ исполнить свое давнишнее намѣреніе разбить ихъ въ центрѣ поселеній, у рѣки Дона. Походъ удался и на этотъ разъ. Главный герой его Мономахъ надолго остался въ народной памяти, и долго пѣли въ народныхъ пѣсняхъ о томъ, какъ онъ пилъ Донъ золотымъ шеломомъ, какъ загналъ окаянныхъ

агарянъ за Желѣзныя ворота. Дѣйствительно, много половцевъ разбѣжалось послѣ разоренія ихъ селеній, а оставшіеся не скоро оправились и пришли въ себя.

Святополкъ Изяславичъ не оставилъ по себѣ доброй памяти ни среди жителей Кіева, ни среди духовенства, ни среди родичей князей. Лѣтописецъ разсказываетъ, что по Святополкѣ плакали бояре и дружина его, но о плачѣ народномъ не упоминаетъ. Его упрекали въ корыстолюбіи, жестокости и лицемѣріи. Сынъ его, Мстиславъ, шелъ по его стопамъ. Въ лѣтописяхъ находимъ такой разсказъ, характеризующій жестокость и корыстолюбіе Мстислава. Однажды разнеслась по Кіеву вѣсть, что двое печерскихъ монаховъ нашли кладъ въ Варяжскихъ пещерахъ. Мстиславъ замучилъ до смерти монаховъ, выпытывая, гдѣ спрятанъ кладъ. Народъ строго судилъ дѣйствія своихъ князей, и весь родъ Изяславовъ не пользовался его любовью. По старшинству, послѣ Святополка долженъ былъ занять кіевскій столъ старшій изъ Святославичей. Но кіевляне хорошо помнили Олега Гориславича, причинившаго много зла русской землѣ, и такъ же не любили родъ Святослава, какъ родъ Изяслава. Они подняли бунтъ, разорили дворы богатыхъ евреевъ за лихоимство и дворы многихъ правителей за притѣсненія и насилія. Послѣ грабежа они послали сказать Владиміру Мономаху: «Приходи, князь, въ Кіевъ. Если же не придешь, то знай, что много зла сдѣлается. Ограбятъ ужъ не одинъ Путятинъ дворъ или соцкихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ». Кіевляне и послѣ смерти Изяслава выражали желаніе видѣть у себя княземъ Владиміра,

а не Святополка, но Мономахъ не хотѣлъ нарушить порядка старшинства. На этотъ разъ онъ уклонялся отъ кіевскаго стола по тѣмъ же причинамъ. Но на такой призывъ нельзя было не отвѣтить согласіемъ. Владимiръ пришелъ въ Кіевъ и былъ встрѣченъ съ великой честью митрополитомъ, съ епископами и со всѣми кіевлянами.

Въ продолженіе двѣнадцатилѣтняго княженія Мономаха (1113—1125), народъ отдохнулъ отъ многаго зла и безправія. Этотъ умный и справедливый князь, котораго лѣтописецъ называетъ «братолюбцемъ, нищелюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за русскую землю», не давалъ сильнымъ обижать ни худого смерда, ни убогой вдовицы. Будучи, по религіознымъ воззрѣніямъ, убѣжденнымъ противникомъ смертной казни, Владимиръ и сыновьямъ своимъ наказывалъ, въ своемъ знаменитомъ «Поученіи», не убивать ни праваго, ни виноватаго. При чрезвычайной щедрости, онъ умѣлъ хранить полной свою казну, благодаря воздержности и скромной дѣятельной жизни. «Въ домѣ своемъ не лѣнитесь», поучаетъ онъ сыновей: «но за всѣмъ присматривайте сами; не надѣйтесь ни на тіуна, ни на отрока, чтобы гости не посмѣялись ни дому, ни обѣду вашему. Вышедши на войну, также не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ; питью, ѣдѣ, спанью не предавайтесь; сторожей сами наряжайте; распорядившись всѣмъ, ложитесь, но вставайте рано, и оружія не снимайте съ себя: отъ лѣни человѣкъ внезапно погибаетъ...» Дальше Мономахъ разсказываетъ о томъ, что сдѣлалъ онъ въ своей жизни. Много времени провелъ онъ внѣ дома, много ночей проспалъ среди поля, на сырой землѣ. Однихъ дальнихъ путешествій по княжескимъ и военнымъ дѣламъ онъ насчитываетъ 83, а мелкихъ «и не запомнишь». И всюду—

дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ—онъ дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покоя ни ночью ни днемъ, ни въ холодъ ни въ жаръ. До свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей, ѣздилъ на охоту, въ полдень ложился спать и потомъ снова принимался за работу. Какъ и большинство людей того времени, Мономахъ былъ страстный охотникъ. Дикихъ коней въ пущахъ онъ вязалъ живыхъ своими руками, туръ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топталъ ногами, вепрь на боку мечъ оторвалъ, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадью...

Мономаху наслѣдовалъ сынъ его, любимый князь новгородцевъ Мстиславъ [1]). Онъ во всемъ слѣдовалъ примѣру отца и далъ кіевлянамъ еще семь лѣтъ болѣе мирной и спокойной жизни. Такъ же, какъ и отецъ, онъ умѣлъ поддерживать достоинство старшаго князя и пользовался вліяніемъ среди родичей князей. Память о немъ, какъ о благородномъ и честномъ князѣ, долго жила въ народѣ.

---

[1]) См. Русь въ ея столицахъ. II. Новгородъ.

Софійская площадь и Софійскій соборъ въ Кіевѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Усобицы между сыновьями и внуками Мономаха.—Разореніе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ.—Усиленіе половецкихъ нашествій.—Дробленіе земель и княжествъ.—Разореніе Кіева Рюрикомъ Ростиславичемъ.—Постепенное паденіе Кіева.—Татарское нашествіе.—Окончательное запустѣніе Кіева и Кіевской области.

Послѣ смерти Мстислава борьба князей возобновилась еще съ большей ожесточенностью. Другіе сыновья «братолюбца» Мономаха скоро позабыли его завѣты и ссорились изъ-за волостей и между собой и съ племянниками. Кіевъ все это время былъ истин-

нымъ яблокомъ раздора. Кіевское населеніе всѣми силами отстаивало любимыхъ князей и защищалось отъ тѣхъ, которыхъ считало своими врагами. Помня Мономаха и Мстислава, народъ свято вѣрилъ въ ихъ потомковъ и старался утвердить Кіевское княжество за ихъ родомъ. Съ другой стороны, изъ поколѣнія въ поколѣніе переходила ненависть къ роду Олега Святославича-Гориславича, и населеніе дружно вставало противъ его сыновей, когда они покушались на кіевскій столъ. И все-таки Ольговичамъ удалось завладѣть на нѣкоторое время Кіевомъ. Противъ желанія народа, въ 1139 году сѣлъ на кіевскій столъ Всеволодъ Ольговичъ и, прокняживъ семь лѣтъ, передалъ княженіе брату Игорю. Желая задобрить не любившихъ его кіевлянъ, Всеволодъ передъ смертью собралъ вліятельныхъ гражданъ и просилъ ихъ принять Игоря на княженіе. Но послѣ его смерти вновь собралось вѣче, и населеніе жаловалось на притѣсненія и обирательства управителей Всеволода. Игорь отдалъ обвиняемыхъ лицъ на судъ народа, который разграбилъ ихъ дворы. Но это не привело къ успокоенію. Кіевляне не ждали ничего хорошаго отъ князя Ольговича и единодушно звали къ себѣ Изяслава Мстиславича. Изяславъ княжилъ въ это время въ Переяславѣ и охотно отозвался на призывъ. На сторонѣ Игоря была только его дружина, приведенная имъ изъ Чернигова. Побѣда, конечно, осталась за Изяславомъ, и Игорь былъ заточенъ въ монастырь, прокняживъ всего двѣнадцать дней.

Изяславъ Мстиславичъ былъ восторженно принятъ кіевлянами, но ему не удалось дать имъ желаннаго покоя. Кіевскій столъ стали оспаривать у него дяди—младшіе сыновья Мономаха—Вячеславъ и Юрій. Съ Вячеславомъ Изяславъ скоро поладилъ, и они кня-

жили одно время въ Кіевѣ вдвоемъ. Не такъ легко было отдѣлаться отъ Юрія Владимировича Долгорукаго, князя ростовскаго. Затрудняло положеніе Изяслава еще и то, что въ этой борьбѣ кіевское населеніе шло въ разрѣзъ съ нимъ. Вѣче предостерегало князя отъ союза съ черниговскими князьями, сыновьями Давида Олеговича, и отказывалось воевать съ Юріемъ. «Князь», говорили кіевляне: «не ходи съ Ростиславомъ (братомъ) на дядю своего, лучше уладься съ нимъ; Ольговичамъ не вѣрь и въ путь съ ними не ходи». Изяславъ отвѣчалъ: «Нельзя, они мнѣ крестъ цѣловали, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ, не могу никакъ отложить похода, собирайтесь». Тогда кіевляне рѣшительно заявили: «Ну, князь, ты на насъ не сердись, а мы не можемъ на Владимирово племя рукъ поднять. Вотъ если бы на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми». Изяславъ набралъ войско изъ желающихъ и пошелъ противъ Юрія, а въ Кіевѣ оставилъ брата Владимира. Скоро ему пришлось убѣдиться въ томъ, что кіевляне были правы: Ольговичи дѣйствительно думали обмануть его, освободить Игоря и снова завладѣть Кіевомъ или помочь завладѣть имъ Юрію. Узнавъ объ этомъ, Изяславъ послалъ сказать Владимиру, чтобы онъ созвалъ вѣче и разсказалъ ему о коварствѣ Ольговичей. Владимиръ поѣхалъ къ митрополиту и созвалъ кіевлянъ на площадь св. Софіи. Когда собрался народъ, князь сказалъ митрополиту: «Вотъ прислалъ братъ мой двухъ мужей кіевлянъ, чтобы они молвили слово его къ братьѣ своей». И выступили Добрынка и Радило и сказали, обращаясь сначала къ князю Владимиру, потомъ къ митрополиту, потомъ къ тысяцкому и, наконецъ, ко всѣмъ кіевлянамъ: «Цѣловалъ тебя братъ, а митрополиту прислалъ поклонъ, и Лазаря (тысяцкаго) цѣловалъ и всѣхъ кіевлянъ». Сказали

имъ кіевляне: «Говорите, съ чѣмъ васъ князь прислалъ». Послы разсказали, что случилось, и закончили словами князя: «Теперь, братья кіевляне, чего сами хотѣли, что мнѣ обѣщали, то и сдѣлайте: ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, сбирайтесь всѣ отъ мала до велика, у кого есть конь, тотъ на конѣ, у кого нѣтъ, тотъ въ ладьѣ». «Рады, что Богъ сохранилъ намъ тебя отъ большой бѣды», отвѣчали кіевляне: «идемъ за тебя и съ дѣтьми». Но въ это время кто-то крикнулъ въ толпѣ, что прежде, чѣмъ итти на войну, нужно расправиться съ Игоремъ Олеговичемъ, который былъ въ монастырѣ. Не помогли уговоры митрополита, князя, тысяцкаго и другихъ людей, толпа бросилась въ монастырь и убила Игоря. Съ этихъ поръ началась продолжительная и упорная война Изяслава съ Ольговичемъ и Юріемъ. Два раза Юрій выгонялъ его изъ Кіева, вокняжался тамъ и былъ снова выгнанъ Изяславомъ. Кіевляне видѣли, что соперники стоили одинъ другого и хотя симпатіи ихъ склонялись на сторону Изяслава, обоихъ принимали съ честью, такъ какъ Юрія боялись. Изяславу все-таки удалось умереть кіевскимъ княземъ (1154 г.), и лѣтописецъ говоритъ, что его оплакивала вся русская земля. Послѣ борьбы съ преемниками Изяслава, Юрій Владимировичъ снова овладѣлъ Кіевомъ, но вскорѣ умеръ (1157 г.). Кіевляне не любили его и за его борьбу съ Изяславомъ и за дружбу съ половцами. Послѣ его смерти его имущество и дома его приближенныхъ бояръ были разграблены раздраженной толпой.

Въ войнахъ Юрія съ кіевскими князьями неоднократно участвовалъ сынъ его Андрей Боголюбскій. Этотъ князь, хотя и не добивался Кіева, но нанесъ ему самый сильный ударъ. Обособившись отъ всѣхъ

другихъ князей, Андрей старался утвердить свое княжеское положеніе въ другой области и на другихъ основаніяхъ. И самое княжество, которымъ онъ владѣлъ, развивалось и усиливалось при иныхъ условіяхъ и на новыхъ основаніяхъ.

Если мы взглянемъ на карту, то увидимъ, что Ростово-Суздальское княжество, доставшееся Андрею, лежало внѣ половецкихъ нашествій. Оно было защищено со стороны степей большими лѣсами и южными областями, лежавшими на краю русскихъ земель. Половцы разоряли русскую Украйну и не заходили вглубь русской земли. Разоренное населеніе бѣжало съ юга на сѣверъ, въ болѣе спокойные края и заселяло тамъ свободныя земли, смѣшиваясь съ туземнымъ русскимъ и финскимъ населеніемъ. Въ то время, какъ Кіевское княжество раздиралось на части удѣльными князьями и пустѣло, бѣдное прежде Ростово-Суздальское княжество расширялось, заселялось и богатѣло. Стремясь къ усиленію власти, Андрей не жилъ въ старомъ городѣ Ростовѣ, гдѣ жители привыкли къ вѣчевымъ порядкамъ. Онъ выбралъ себѣ сначала село Боголюбово, а потомъ переселился въ небольшой городъ Владиміръ-Залѣсскій, на рѣкѣ Клязьмѣ, который и рѣшилъ возвеличить вмѣсто упадающаго Кіева. Постепенно заселяя Владиміръ преданными людьми, Андрей дѣлался въ немъ самодержавнымъ неограниченнымъ княземъ. Онъ ненавидѣлъ Кіевъ и за то, что терпѣлъ пораженія отъ его жителей, еще при жизни отца, и за свободу кіевскаго вѣча, и за то, что, по былой своей славѣ, Кіевъ былъ соперникомъ его вырастающему Владиміру. Вмѣшавшись въ борьбу южныхъ князей послѣ смерти Юрія, Андрей прислалъ къ Кіеву своего сына Мстислава, который и разорилъ городъ въ 1169 году. Княжилъ

въ это время въ Кіевѣ Изяславъ II, сынъ Мстислава Изяславича. Союзники князья, вмѣстѣ съ половцами, вошли въ городъ 8 марта. Лѣтописецъ такъ описываетъ этотъ страшный разгромъ города: «и поможе Богъ Андреевичу Мстиславу съ братьею, и взяша Киевъ. Мстиславъ же Изяславичъ бѣжа изъ Киева на Васильевъ... и грабиша за два дни весь градъ... Подолье и Гору и монастыри, и Софью, и Десятинную Богородицу и не бысть помилованья никому же, церквамъ горящимъ, хрестьянамъ убиваемымъ, другимъ вяжемымъ, жены ведомы быша въ плѣнъ... и взяша имѣнья множество, и церкви обнажиша иконами, и книгами, и колоколы изнесоша всѣ, смольняне, суждальцы, черниговцы и Ольгова дружина, и вся святыни взята бысть; зажженъ бысть и монастырь Печерскій святыя Богородицы отъ поганыхъ, но Богъ соблюде его отъ таковыя нужи (монахи отстояли монастырь)... и бысть въ Киевѣ на всѣхъ человѣцехъ стенанье, и туга и скорбь неутѣшимая, и слезы непрестанныя...» Сынъ Андрея по указаніямъ отца не пощадилъ Кіева, который не нуженъ былъ ни ему, ни его отцу, желавшему только унизить славный городъ.

Послѣ этого разгрома положеніе Кіева ухудшалось все больше и больше. Значеніе его, какъ стольнаго города и центра древней Руси, было утрачено: старшій въ родѣ князь, Андрей Юрьевичъ, остался жить во Владимирѣ, торговля, обогащавшая городъ, затихала, оживленные когда-то торговые пути глохли, отрѣзанные степными врагами. Половцы, приглашенные союзными князьями для разгрома Кіева, разбрелись по Кіевской области и сосѣдней съ нею Переяславской, распоряжаясь въ нихъ по-хозяйски. Они прислали къ кіевскому князю, брату Андрея, Глѣбу,

съ такимъ предложеніемъ: «Богъ и князь Андрей посадили тебя на твоей отчинѣ и дѣдинѣ въ Кіевѣ, а мы хотимъ урядиться съ тобой обо всемъ, послѣ чего мы присягнемъ тебѣ, а ты намъ, чтобы вы насъ не боялись, а мы васъ». Въ то время всѣ границы кіевскихъ волостей были заняты разными степными инородцами. Среди нихъ были остатки прежнихъ враговъ русскихъ, печенѣговъ, а также торки, коуи, берендѣи. Всѣ они пріютились подъ защиту русскихъ княжествъ, когда половцы нахлынули на степи. Князья приглашали ихъ во время войнъ, и они служили сегодня одному, завтра другому. Вмѣстѣ съ русскими сражались они и противъ половцевъ, но часто вредили, обращаясь въ бѣгство, а иногда и передаваясь врагамъ. Всѣ они были язычники, и русскіе звали ихъ «наши поганые» въ отличіе отъ чужихъ, враждебныхъ поганыхъ — половцевъ. Кромѣ того, они были извѣстны подъ названіемъ «Черныхъ клобуковъ» за черныя шапки, которыя носили. Половцы, князья которыхъ давно уже роднились, посредствомъ браковъ дочерей, съ русскими князьми, вѣроятно, хотѣли стать въ подобныя отношенія съ русскими княжествами. Глѣбъ поѣхалъ вести переговоры съ переяславскими половцами, а кіевскіе половцы воспользовались его отсутствіемъ и разграбили кіевскія селенія. Они напали на жителей врасплохъ и увели многихъ въ полонъ, сожгли жилища и угнали въ степи скотъ. Князья Глѣбъ и Михаилъ, вмѣстѣ съ берендѣями, нагнали ихъ и разбили, но это было только началомъ новыхъ нескончаемыхъ столкновеній. Населеніе южныхъ областей, а особенно крайнихъ, ближайшихъ къ степямъ — Кіевской и Переяславской — страдало вдвойнѣ: и отъ половецкихъ набѣговъ и отъ внутреннихъ войнъ княжествъ между собою.

Съ глубокой грустью описываетъ это тяжелое время авторъ «Слова о полку Игоревѣ», воспѣвшій походъ на половцевъ новгородъ-сѣверскаго князя, Игоря, въ 1185 году. «Охъ, застоналъ, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разлилась по русской землѣ, печаль сильна течетъ по землямъ русскимъ. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые побѣдою набѣгали на русскую землю. Уже бо, братіе, невеселая година востала, уже пустыня силу прикрыла! Погубила князей усобица на поганыхъ; сказали братъ брату: «се—мое и то мое же». И почали князи про малое «се великое» молвити, а сами на себя крамолу ковати, а поганые со всѣхъ сторонъ съ побѣдою находили на русскую землю».

Кіевское княжество за это время не только разорялось, но и уменьшалось въ размѣрахъ. Князья отрѣзывали отъ него волости и надѣляли ими своихъ родичей, чтобы они не тянулись за стольнымъ городомъ. Впослѣдствіи отъ области отпали даже ея ближайшіе пригороды. Боролись изъ-за Кіева теперь уже только второстепенные князья, которыхъ ростовскіе князья — сначала Андрей, а потомъ братъ его Всеволодъ—старались подчинить себѣ, сдѣлать своими подручными. Между тѣмъ, на ряду съ Ростово-Суздальскимъ княжествомъ на сѣверо-востокѣ, усиливались на западѣ княжества Волынское и Галицкое. Эти княжества такъ же, какъ и Ростовское, были въ сторонѣ отъ половцевъ и терпѣли больше отъ дикихъ литовскихъ племенъ съ сѣвера. Волынская земля долго входила въ составъ Кіевскаго княжества и только послѣ смерти Мономаха отдѣлилась, оставшись за его родомъ. Кіевское населеніе всегда отвѣчало согласіемъ на притязанія Мономаховичей на кіевскій столъ. Кіевляне любили волынскихъ Моно-

маховичей за благородство и за уваженіе ихъ къ правамъ вѣча. Въ концѣ XII вѣка правнукъ Мономаха Романъ Мстиславовичъ соединилъ Волынскую землю съ Галицкой, воспользовавшись тѣмъ, что въ Галиціи прекратился родъ князей Ростиславичей. Соединеніе двухъ большихъ княжествъ создало новый значительный центръ на югѣ, взамѣнъ упадающаго Кіева. Подъ конецъ своего княжества Романъ началъ распоряжаться кіевскимъ столомъ по собственному произволу. Лѣтописецъ называетъ Романа великимъ княземъ и самодержцемъ всей Руси. Онъ прославился своими побѣдоносными походами на Литву и на половцевъ.

Въ Кіевѣ во времена Романа княжилъ тесть его Рюрикъ Ростиславовичъ, который подѣлилъ кіевскія земли съ черниговскимъ княземъ Святославомъ. Нѣкоторое время князья жили мирно, и Кіевская область отдыхала. Лѣтописецъ обвиняетъ брата Андрея Всеволода въ ссорѣ, которая возникла потомъ между Романомъ и Рюрикомъ. Романъ пошелъ войной на тестя, и кіевляне, которые перестали уже вмѣшиваться въ распри князей, на этотъ разъ отступили отъ своего правила. Они отворили ворота Роману и провозгласили его своимъ княземъ. Раздраженный Рюрикъ привелъ половцевъ на Кіевъ (1203 г.) и разгромилъ его еще больше, чѣмъ сынъ Андрея Боголюбскаго. Мало того, что были опять разграблены всѣ церкви, монастыри, торговые склады и дома богачей, сами жители были уведены въ плѣнъ половцами. Женщинъ, дѣтей, монаховъ и монахинь избивали безъ сожалѣнія. Послѣ того вокругъ разореннаго города началась непрерывная и ожесточенная война, и Кіевъ навсегда уже утратилъ свое прежнее величіе и богатство.

Между тѣмъ, въ 1223 году въ степяхъ, занятыхъ половцами, появились новые страшные выходцы изъ Азіи—татары. Черезъ Кавказъ двинулись они въ Черноморскія степи и погнали оттуда половцевъ. Половецкій князь, Котянъ, обратился за помощью къ зятю своему, князю Мстиславу Удалому, указывалъ на то, что татары, разбивъ половцевъ, пойдутъ и на русскихъ. Признавая общую опасность, южные князья, Мстиславъ Удалой галицкій, Мстиславъ кіевскій и Мстиславъ черниговскій, съѣхались для обсужденія дѣла въ Кіевѣ. Они рѣшили присоединиться къ половцамъ и сообща ударить на татаръ. Собравъ войско изо всѣхъ украинскихъ земель, они двинулись въ степи искать татаръ. Битва произошла при рѣкѣ Калкѣ (1224). Русскіе сражались сначала храбро, но половцы не выдержали натиска, побѣжали и произвели замѣшательство въ войскѣ, которое тоже обратилось послѣ этого въ бѣгство. Дольше всѣхъ сражался князь Мстиславъ кіевскій со своимъ войскомъ, но его предали бродники (русскіе жители степей), которые сражались вмѣстѣ съ татарами противъ своихъ. Пораженіе было полное, множество людей погибло, а попавшіеся въ плѣнъ князья были преданы варварской казни. Они были положены подъ доски, на которыя татары сѣли обѣдать, и, такимъ образомъ, раздавлены. Опустошивъ по дорогѣ Поволжье, татары ушли назадъ въ Туркестанъ, а въ южной Руси пошло все по старому. Кіевъ подвергся еще разграбленію въ 1234 году. Галицкій князь Изяславъ Мстиславовичъ, при помощи Михаила Черниговскаго и половцевъ, напалъ на него. Граждане откупились деньгами отъ половцевъ, князь Владиміръ съ женой были взяты въ плѣнъ. Изяславъ занялъ Кіевъ и обложилъ данью всѣхъ живущихъ въ немъ иностран-

цевъ, но черезъ четыре года Кіевъ былъ уже въ рукахъ Михаила Черниговскаго.

Погруженные въ собственныя распри, русскіе князья забыли и думать о татарахъ, которые твердо рѣшили завладѣть черноморскими степями. Во второй разъ они пришли въ 1237 году черезъ Каспійско-Уральскія степи. Опустошивъ болгарскія земли по Волгѣ, они пробрались въ верховья Волги къ княжествамъ Рязанскому и Суздальскому, разгромили ихъ и направились въ половецкія степи, гдѣ пробыли два года, разрушая и уничтожая все, что попадалось имъ по пути. Съ 1239 года они принялись за украинскія земли. Разоривъ Переяславль и Черниговъ, ханъ Менке приступилъ къ Кіеву. Лѣтописи разсказываютъ, что ханъ дивился величинѣ и красотѣ города. Жалѣя разорить его, онъ послалъ предложеніе сдаться. Кіевляне не приняли предложенія, но князь ихъ бѣжалъ въ Венгрію. Черезъ годъ татарское войско подошло къ Кіеву подъ предводительствомъ хана Батыя. Громаднымъ станомъ расположились татары возлѣ города, со стороны Днѣпра, у такъ называемыхъ Ляцкихъ воротъ. Отъ скрипа телѣгъ, отъ рева верблюдовъ и ржанія лошадей не было слышно голоса въ городѣ. Кіевляне знали уже участь Чернигова и Переяславля, но рѣшили сопротивляться до послѣдней возможности. Князя въ городѣ не было, а былъ воевода Дмитрій, присланный Даніиломъ Галицкимъ. Татары поставили тараны у стѣнъ и стали пробивать ихъ. Жители, подъ предводительствомъ Дмитрія, защищали проломы, образовавшіеся въ стѣнахъ. Копья ломались, щиты разбивались, и свѣтъ померкъ отъ стрѣлъ, разсказываетъ современникъ. А въ пѣснѣ о Калинѣ-Царѣ говорится:

«Отъ пару отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнули,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духа татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть».

Стѣны были взяты, и татары отдыхали сутки, во время которыхъ кіевляне выстроили укрѣпленія вокругъ Десятинной церкви. На слѣдующій день татары взяли и эти укрѣпленія. Люди бросились на хоры церкви, она не выдержала тяжести, рухнула и погребла ихъ подъ своими развалинами. Татары взяли Кіевъ 6 декабря 1240 года. «Того же лѣта взяша Киевъ татарове, — пишетъ лѣтописецъ, — и святую Софью разграбиша и монастыри вси, и иконы, и кресты честные, и вся узорочья церковная; а люди отъ мала до велика вся убиша мечомъ. Но не предай же насъ до конца имени Твоего ради святаго и не остави милости Твоя отъ насъ», молитъ онъ Господа, заканчивая описаніе погрома. Стѣны Печерскаго монастыря были также разбиты, и многіе жители, искавшіе тамъ спасенія, были убиты или взяты въ плѣнъ. Варвары разбивали стѣны церквей и гробницы князей, ища тамъ сокровищъ. Уцѣлѣвшіе монахи разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ.

Гордость и украшеніе Кіева, Золотыя ворота князя Ярослава были также разрушены. Но народъ не хотѣлъ мириться съ ихъ разрушеніемъ и долго хранилъ и разсказывалъ слѣдующую легенду. «Когда было лихолѣтье, пришелъ чужеземецъ татаринъ и вотъ уже ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь Михайликъ. Какъ взошелъ на башню, да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала татарину въ миску. Только что сѣлъ онъ у скамейки и благословился обѣдать, какъ

Золотыя ворота послѣ отрытія.

стрѣла и воткнулась въ печенье. «Э, говоритъ, да тутъ есть могучій богатырь! Выдайте, говоритъ кіевлянамъ, выдайте мнѣ Михайлика, такъ отступлю». Кіевляне посовѣтовались и рѣшили выдать. А Михайликъ говоритъ: «Какъ выдадите меня, такъ въ послѣдній разъ видѣть вамъ Золотыя ворота». Сѣлъ на коня, обернулся къ нимъ и говоритъ: «О кіяне, кіяне, честная громада, неразуменъ совѣтъ вашъ. Когда бы вы Михайлика не выдали,—пока свѣтъ солнца, не добыть бы врагамъ Кіева». И поднялъ онъ копьемъ ворота, такъ вотъ, какъ поднимешь снопъ святого жита, и поѣхалъ черезъ татарское войско въ Царьградъ. А татары и не видятъ его. И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кіевъ да и пошли потопомъ. И живетъ богатырь доселѣ въ Царьградѣ. Передъ нимъ стаканчикъ воды да просфора, больше ничего не ѣстъ.

«И Золотыя ворота стоятъ въ Царьградѣ. И наступитъ, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И если, идучи мимо, кто скажетъ: «О Золотыя ворота, стоять вамъ тамъ опять, гдѣ стояли», то золото такъ и засіяетъ. Если же не скажетъ или подумаетъ: «Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ», то золото такъ и померкнетъ» [1]).

Софійскій соборъ уцѣлѣлъ больше другихъ церквей. Говорятъ, что татары пожалѣли его за красоту, какъ жалѣли прежде и половцы.

Разбѣжались кіевляне, оставшіеся въ живыхъ, опустѣлъ городъ. Только печерскіе монахи, жившіе въ лѣсныхъ пещерахъ, тайно, по унылому и протяжному звону, раздававшемуся иногда по ночамъ, собирались на службу въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ при-

---

[1]) Кулишъ. «Записки о Южной Руси».

дѣловъ церкви. Но татары не оставались долго въ разоренномъ городѣ. Батый двинулся на западъ, разсчитывая пройти черезъ Волынскую и Галицкую земли въ Венгрію и Польшу. Мало-по-малу возвращались изъ окрестностей жители и селились въ уцѣлѣвшихъ жилищахъ или строили хижины на пожарищѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ былъ срубленъ деревянный острогъ вокругъ стараго Кіева и огороженъ палисадомъ Подолъ. Вся южно-русская Украйна была опустошена Батыемъ. Въ 1246 году папскому миссіонеру Плано Карпини пришлось проѣзжать черезъ Кіевъ на Волгу къ татарамъ. Въ своихъ запискахъ онъ говоритъ, что боялся литовцевъ, которые постоянно нападали на южно-русскія земли, гдѣ осталось очень мало русскихъ людей. Всюду на пути онъ встрѣчалъ слѣды полнаго опустошенія и множество человѣческихъ костей и череповъ, разбросанныхъ по заглохшимъ полямъ. По опустѣвшимъ степнымъ границамъ Кіевской Руси бродили остатки ея старинныхъ сосѣдей-печенѣговъ, половцевъ, торковъ и другихъ инородцевъ, къ нимъ же присоединялись и выбитые изъ жизненной колеи русскіе, извѣстные подъ названіемъ бродниковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сообщенія лѣтописей о положеніи Кіева и южно-русскихъ областей послѣ татарскаго погрома.—Галицко-Волынское княжество.—Литва, постепенное расширеніе ея границъ и сліяніе съ юго-западной Русью.—Литовскіе князья на кіевскомъ престолѣ.—Кревская унія.—Заговоры сторонниковъ русской народности противъ литовско-польскаго владычества.

Горько оплакавъ окончательное разрушеніе славнаго стольнаго города, матери городовъ русскихъ, лѣтописецъ оставляетъ его надолго и сосредоточиваетъ интересъ и вниманіе на новыхъ русскихъ центрахъ. Туда переходятъ, вмѣстѣ съ властителями свѣтскими, а потомъ и духовными, болѣе яркія событія, достойныя описанія тогдашняго историка. Изъ немногихъ извѣстій, имѣющихся въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ о Кіевѣ за цѣлое столѣтіе, можно видѣть только, что въ немъ были князья, получавшіе отъ татарскаго хана ярлыкъ на княженіе. Одна изъ лѣтописей указываетъ даже опредѣленно, что въ 1243 году Батый утвердилъ княземъ въ Кіевѣ Ярослава Всеволодовича, бывшаго въ то же время княземъ во Владимирѣ. Затѣмъ тамъ же перечисляются еще нѣсколько князей изъ разныхъ княжескихъ родовъ, въ разное время занимавшихъ кіевскій столъ.

Сообщаетъ также лѣтопись о томъ, что дѣлалось послѣ татарскаго погрома въ нѣкоторыхъ земляхъ Кіевской области и сосѣднихъ съ нею. По ея словамъ, земли Потетеревская и Звягельская Кіевской области и сосѣднія съ нею Подольская и Болоховская добровольно поддались татарамъ. Населеніе надѣялось избавиться такимъ образомъ отъ княжескихъ чиновниковъ съ ихъ притѣснительными поборами, отъ бояръ-помѣщиковъ, у которыхъ было въ неоплатномъ долгу, а также отъ княжескихъ войнъ, въ конецъ разорившихъ его. Жители этихъ земель обѣщали платить татарамъ дань хлѣбомъ, подчиняться хану, но у себя дома они управлялись собственными властями—старцами или атаманами. Лѣтописецъ говоритъ, что «оставили ихъ татары, чтобы имъ пахали пшеницу и просо». И первое время, по крайней мѣрѣ, этимъ такъ называемымъ «татарскимъ людямъ» жилось во всякомъ случаѣ не хуже, чѣмъ подъ властью русскихъ князей. Ханъ не позволялъ обижать ихъ ни своимъ, ни чужимъ.

Такъ налаживалась понемногу на старыхъ пепелищахъ и при новыхъ условіяхъ жизнь простыхъ людей. Но князья, бояре и высшее духовенство не могли мириться съ этими новыми условіями, ставившими ихъ въ новое положеніе, часто обратное прежнему и не вполнѣ безопасное. Опираясь на защиту татаръ, прежде подвластные высшимъ классамъ люди легко и въ любую минуту могли сдѣлаться ихъ врагами. Вслѣдствіе этого большинство князей, бояръ и духовныхъ лицъ переселялись на сѣверо-востокъ, въ княжество Ростово-Суздальское или на западъ въ Галицкое-Волынское. Въ первомъ укрѣплялась все больше и больше княжеская власть, во второмъ возвысилось боярство, чѣмъ причинило много хло-

потъ князьямъ. Значеніе вѣча крѣпко держалось въ тѣ времена на далекомъ сѣверѣ—въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ.

Людямъ, собиравшимъ крохи разореннаго быта, дрожавшимъ за каждый день своего существованія, не до того было, чтобы беречь памятники славнаго прошлаго. Произведенія искусства, книги, иконы, накопленныя за послѣдніе вѣка культурной жизни на югѣ, были уничтожены варварами или развезены князьями и боярами по другимъ городамъ и княжествамъ. Такъ заглохла надолго шумная и привольная жизнь Поднѣпровья, и долго лежали въ развалинахъ чудные кіевскіе храмы временъ Владимира и Ярослава.

Какъ и всѣ прочія русскія княжества, Галицко-Волынское тоже было подъ властью татаръ. Ханъ хотѣлъ даже отнять Галичъ у князя Даніила, сына знаменитаго Романа Мстиславича, и передать его какому-то другому князю, выпросившему у него ярлыкъ на княженіе. Даніилъ, скрѣпя сердце, поѣхалъ въ орду, исхлопоталъ у хана Галичъ, но никогда не могъ забыть пережитаго тамъ униженія.

Онъ надѣялся вырвать со временемъ изъ рукъ татаръ не только свое княжество, но и Кіевскую землю. Одно время онъ даже разсчитывалъ на помощь главы католической церкви—папы, но тотъ сталъ склонять его къ соединенію православной церкви съ католической, что, конечно, могло возбудить неудовольствіе жителей Украйны. Отказавшись отъ предложенія папы, Даніилъ затѣялъ въ 1254 году войну съ «татарскими людьми», думая вернуть ихъ въ подданство русскимъ князьямъ. Онъ жегъ города, которые не хотѣли сдаваться, и бралъ въ плѣнъ жителей. Затѣмъ, вступивъ въ союзъ съ литовскимъ княземъ Мендовгомъ, онъ разсчитывалъ завоевать Кіевскую землю. Но лит-

ва не подоспѣла во время, и походъ пришлось отложить. Между тѣмъ татарскіе темники—начальники войскъ,—желая усмирить галицкихъ князей, напали на Волынь. Первый походъ ихъ былъ неудаченъ, но второй, заставшій князей не подготовленными, увѣнчался полнымъ успѣхомъ для татаръ. Темникъ Бурундай захватилъ волынскіе города и принудилъ князей разрушить всѣ пограничныя укрѣпленія. Даніилъ умеръ вскорѣ послѣ этого пораженія (1264). Наслѣдникамъ его тоже не удалось расширить границы Галицко-Волынскаго княжества присоединеніемъ кіевскихъ земель, такъ какъ татары были все время насторожѣ. При одномъ изъ сыновей Даніила, Шварно, было временное соединеніе Галиціи съ Литвой, и Шварно получилъ даже великокняжескій столъ въ Литвѣ. Но послѣ его смерти союзъ былъ нарушенъ, а впослѣдствіи смѣнился даже враждебными отношеніями Галиціи съ Литвой.

Въ началѣ XIV вѣка прекратилась линія князей Романовичей волынскихъ, и земли галицко-волынскія снова соединились въ однѣхъ рукахъ галицкаго князя Юрія. Приблизительно къ этому времени относится церковное отдѣленіе западной Украйны—Галиціи—отъ восточной—Кіевской области. Еще въ 1250 году кіевскій митрополитъ, не найдя пристанища ни въ Кіевѣ, ни въ разоренномъ также Черниговѣ, удалился во Владимиръ на Клязьмѣ. Впослѣдствіи, послѣ вторичнаго разгрома Кіева татарами въ 1299 году, митрополитъ Максимъ также долженъ былъ жить во Владимирѣ. Послѣ этого галицкіе князья выхлопотали у патріарха и византійскаго императора, во власти которыхъ находилась православная церковь, отдѣльнаго митрополита. Въ первой половинѣ XV вѣка изъ-за княжества Галицко-Волынскаго началась война между

сосѣдними государствами Польшей и Венгріей; та и другая хотѣла овладѣть сосѣдними землями. Но въ это же время наступаетъ расцвѣтъ великаго княжества Литовскаго, въ составъ котораго входятъ потомъ и Галицко-Волынскія области.

Съ незапамятныхъ временъ литовскія племена жили по берегамъ рѣкъ Западной Двины и Нѣмана, при впаденіи ихъ въ Рижскій заливъ. Затерянная среди лѣсовъ и болотъ, Литва дольше всѣхъ сосѣднихъ съ нею народовъ оставалась въ язычествѣ и дикомъ состояніи. Часто дѣлала она грабительскіе набѣги на близлежащія славянскія княжества, но, на ряду съ этимъ, мало-по-малу втягивалась и въ торговыя сношенія съ ними. Долгое время литовскія племена жили разрозненно, не имѣли ни гражданскаго устройства, ни городовъ. Объединенію ихъ способствовала общая опасность отъ нѣмцевъ, поселившихся по сосѣдству съ ними, на берегахъ Рижскаго залива. Нѣмецкіе рыцари духовныхъ орденовъ насиліемъ вводили въ Литвѣ христіанство, разоряли и жгли селенія, забирали непокорныхъ жителей въ рабство, а покоренныхъ облагали тяжелыми налогами. Къ концу XIII столѣтія нѣкоторыя литовскія племена были совершенно покорены нѣмецкими крестоносцами, зато другія объединились для рѣшительной борьбы съ ними. Междоусобныя распри русскихъ князей были на руку вождямъ этой борьбы—талантливымъ литовскимъ князьямъ того времени. Ссорящіеся между собой русскіе князья приглашали ихъ на помощь противъ своихъ родичей. Они помогали однимъ и отбирали въ свою пользу земли у другихъ. Начиная съ XIII столѣтія, литовцы безпрестанно появляются на Руси, то въ качествѣ союзниковъ, то въ качествѣ враговъ, и расширяютъ свои границы. Постепенно

присоединяются къ Литвѣ земли полоцкія, туровскія, пинскія, и, наконецъ, въ половинѣ XIII вѣка, литовцы пробираются въ предѣлы Кіевской области.

Энергичный и честолюбивый князь Мендовгъ мечтаетъ уже о сліяніи Литвы съ Русью и объ образованіи могучаго Литовско-Русскаго государства. Усиленію могущества Литвы препятствуютъ съ одной стороны князья галицко-волынскіе, Польша и нѣмецкіе крестоносцы, свившіе прочное гнѣздо въ Литовской землѣ и образовавшіе могучій Ливонскій орденъ. Съ другой стороны тормозитъ дѣло внутренняя вражда между литовскими князьями, поборниками христіанства и новой культуры, и князьями, отстаивавшими язычество и старинные обычаи и нравы Литвы. Мендовгъ погибъ въ этой борьбѣ, но его наслѣдники шли впередъ по проложенному имъ пути. Сынъ Мендовга, Войшелкъ, желая упрочить вліяніе русской культуры и христіанства, призвалъ на помощь сына галицко-волынскаго князя Шварна и передалъ ему литовскій великокняжескій столъ. Со смертію Шварна борьба между князьями, представителями христіанства и представителями язычества, возобновилась съ новой силой. Одновременно съ этимъ, при наслѣдникѣ Войшелка, Витенѣ, идутъ безпрерывныя войны Литвы съ крестоносцами и съ Польшей. Но новая объединенная Литва ведетъ свои войны уже не такъ, какъ вели ихъ дикія разрозненныя племена старыхъ временъ. Вмѣсто прежнихъ деревенскихъ ополченій дѣйствуютъ правильно организованныя войска, а границы Литовской земли защищены не болотами и лѣсными дебрями, какъ прежде, а рядами укрѣпленныхъ городовъ и замковъ. Въ литовскихъ войскахъ зачастую встрѣчаются русскіе воины, и самыя войска предводительствуются русскими военачальниками.

После Витеня выступаетъ на сцену его сынъ, знаменитый Гедиминъ, именующійся въ грамотахъ при сношеніяхъ съ иноземными государствами уже королемъ Литвы и Руси. Ядромъ бывшихъ русскихъ владѣній, присоединенныхъ въ то время къ Литвѣ, была такъ называемая Черная Русь, съ городами Новгородкомъ, Слонимомъ и Волковыскомъ. Къ присоединеннымъ раньше княжествамъ Полоцкому и Туровскому былъ присоединенъ центръ Бѣлоруссіи—княжество Витебское. Послѣднее вошло въ составъ Литвы черезъ женитьбу сына Гедимина, Ольгерда, (1318 г.) на дочери витебскаго князя Ярослава. Такимъ же путемъ присоединилась и Волынь послѣ женитьбы другого сына Гедимина, Любарта, на наслѣдницѣ одного изъ волынскихъ князей.

Наконецъ, подъ 1321 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи слѣдующее: «Князь Гидыминъ пошелъ со всѣми силами своими до Кіева; обляже городъ Кіевъ, и кіяне почались ему боронити, и лежалъ князь велики Гидыминъ подъ Кіевомъ мѣсяцъ; а затѣмъ здумали зъ собою горожане кіевскіе, ихъ великаго князя больше терпити не могли... и змовившися одномысльне, подалися великому князю Гидымину; исшедше съ города со кресты: игумены и попы и діаконы, и ворота городовые отворили, и стрѣтили великаго князя Гидымина чесно, и вдарили ему чоломъ, штобы отъ нихъ отчинъ ихъ не отымалъ; и князь Гидыминъ при томъ ихъ зоставилъ, и самъ честью въ городъ Кіевъ въѣхалъ. И услышали то пригородки кіевскіе: Вышегородъ, Черкассы, Каневъ, Путивль и Слеповродъ што кіяне предалися съ городомъ... и вси пришли до великого князя Гидымина... и подалися служити и присягу на томъ дали великому князю Гидымину. И князь велики Гидыминъ, взявши Кіевъ и Переяславль

и вси тые вышеизрѣченные пригородки, и посадилъ на нихъ князя Гольшанскаго». Но, очевидно, на этотъ разъ власть Литвы надъ Кіевомъ не была еще вполнѣ упрочена, такъ какъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ лѣтописи называютъ княземъ кіевскимъ какого-то Ѳедора и при немъ татарскихъ сборщиковъ дани—баскаковъ. Затѣмъ, уже подъ 1362 годомъ разсказывается о сынѣ Гедимина, Ольгердѣ, который побѣдилъ на берегу Синей Воды трехъ татарскихъ темниковъ и освободилъ отъ татаръ землю Подольскую и Кіевщину. «Тогда Кіевъ подъ Ѳедоромъ княземъ взятъ и посади въ немъ Володиміра, сына своего; и нача надъ сими владѣти, имъ же отцѣ его дань даяху». Обширныя подольскія земли Ольгердъ передалъ въ управленіе четверымъ племянникамъ, которые начали вооружать страну и строить въ ней укрѣпленія для защиты отъ татаръ. Въ княженіе Ольгерда была присоединена къ Литвѣ и Черниговская область. Труднѣе всего далась Ольгерду Волынь, которую долго оспаривалъ у него польскій король Казимиръ. Вскорѣ послѣ окончательнаго присоединенія Волыни умеръ (1377) Ольгердъ, одинъ изъ славныхъ князей Литвы, объединившій западно-русскія земли около своего государства и распространившій его предѣлы отъ Балтійскаго моря до Чернаго съ одной стороны и отъ рѣки Оки до западнаго Буга — съ другой. На этомъ обширномъ пространствѣ широко преобладала русская народность надъ небольшимъ ядромъ объединенныхъ литовскихъ племенъ. Называясь княжествомъ Литовскимъ, на дѣлѣ это было великое княжество Западно-Русское. Въ томъ же XIV вѣкѣ появляется въ нѣкоторыхъ документахъ названіе Малой Россіи, относящееся къ южнорусскимъ землямъ.

Входя властителями въ бѣлорусскія и малорусскія

земли, литовскіе князья придерживались правила, которое выражали такими словами: «мы старины не рухаемъ, а новины не вводимъ». И дѣйствительно, они не только не нарушали русской религіи, ея обычаевъ и нравовъ, а, наоборотъ, сами принимали русскую религію и приноровлялись къ русской жизни и ея культурѣ. Потому мы и видимъ, что украинскія земли, одна за другой, часто безъ борьбы, тихо и незамѣтно переходятъ подъ власть литовскихъ князей. Что касается русскихъ удѣльныхъ князей, то тѣ изъ нихъ, которые не боролись съ литовскими князьями, роднились съ ними и оставались на меньшихъ удѣлахъ.

Сыну Ольгерда, Ягайлу, выпало на долю совершенно измѣнить политику своего отца и дѣда и тѣмъ оказать вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ исторіи Литвы, Польши и Малороссіи. Польскіе вельможи предложили ему руку наслѣдницы польскаго престола Ядвиги, съ расчетомъ, что онъ, за честь быть польскимъ королемъ, согласится на всѣ предложенныя ему условія. А требовали они отъ него обѣщанія окрестить въ католичество всю языческую Литву, перейти въ латинство самому и присоединить на вѣчныя времена свои владѣнія—земли литовскія и русскія—къ польской коронѣ. Ягайло, дѣйствительно, согласился на всѣ требованія и въ 1385 году заключилъ въ литовскомъ городѣ Кревѣ такъ называемую «Кревскую унію», или договоръ о союзѣ Литвы съ Польшей. Выйдя замужъ за Ягайла, Ядвига не замедлила кончить многолѣтнюю войну съ Литвой изъ-за Галиціи, или такъ называемой Червонной Руси. Червонная Русь, заключавшая въ себѣ земли Львовскую, Перемышльскую, Галицкую и Холмскую, вошла въ составъ Польши, подъ именемъ Русскаго воеводства. Въ своихъ вотчинныхъ владѣніяхъ Ягайло

поспѣшилъ окрестить всѣхъ язычниковъ по римскому обряду. Затѣмъ онъ присоединилъ эти земли къ польской коронѣ и обѣщалъ литовскимъ дворянамъ польское дворянство и земельныя владѣнія, если они перейдутъ въ католичество. Сильнымъ противникомъ Ягайла, энергично отражающимъ его притязанія на Литву, является двоюродный братъ его Витовтъ. Витовтъ тоже принадлежалъ къ ряду славныхъ и талантливыхъ князей Литвы. Ему не только удалось на нѣкоторое время оберечь самостоятельность Литовско-Русскаго государства, но и одержать верхъ, какъ надъ нѣмецкими рыцарями, такъ и надъ татарами. Мы вернемся еще къ этому князю, когда будемъ говорить о его дѣятельности въ Кіевѣ и Кіевской области.

Ольгердъ, какъ мы видѣли, оставилъ на княженіе въ Кіевѣ своего сына Владимира. Владимиръ княжилъ въ Кіевѣ тридцать лѣтъ, пока не вытѣснилъ его оттуда Витовтъ за то, что онъ «не всхотѣ покоры учинити и челомъ ударити». Онъ ревностно заботился о благоустройствѣ Кіева, о судьбѣ православной церкви. Желая возстановить митрополичью каѳедру въ Кіевѣ, Владимиръ призналъ и поддерживалъ митрополита Кипріана, отвергнутаго московскимъ княземъ. Лѣтопись такъ описываетъ вторичный пріѣздъ Кипріана въ Кіевъ: «пришедъ въ Кіевъ на свое мѣсто митропольское въ соборной церкви кіевской, матери всѣмъ церквамъ русскимъ. И пріятъ былъ митрополитъ отъ всѣхъ со многою честью и сретоша далече отъ града со кресты и князе, и боляре, и вельможи, и народы мнози съ радостью... и пребываше Кипріянъ митрополитъ въ кіевскихъ странахъ... и вси послушаху и чествоваху его...» Изгнанный Витовтомъ, Владимиръ искалъ поддержки у московскаго князя, но

не нашелъ ея и умеръ мелкимъ удѣльнымъ княземъ въ Копылѣ. Похороненъ онъ былъ все-таки въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. При слѣдующемъ князѣ, Скиргайлѣ, Кіевъ сдѣлался центромъ для всѣхъ, оберегающихъ русскою народность. Скиргайло Ольгердовичъ, «чудный добрый князь», по выраженію лѣтописи, былъ вполнѣ преданъ русской народности и православной религіи. Но онъ княжилъ всего четыре года, умеръ внезапно и былъ съ великимъ горемъ похороненъ кіевлянами въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, у гроба преподобнаго Θеодосія.

Желая сохранить силу и самостоятельность Литовскаго княжества, Витовтъ стремился къ уничтоженію удѣловъ и, прежде всего, Кіевскаго, какъ самаго значительнаго. Но исполнить свое намѣреніе—подчинить Кіевъ князю литовскому, пославъ туда намѣстника или воеводу,—онъ рѣшился только послѣ смерти Скиргайла. Первымъ кіевскимъ воеводой былъ князь Гольшанскій. Уничтожая въ Кіевѣ княжескій столъ, Витовтъ заботился, однако, о возстановленіи тамъ митрополичьей каθедры, хотя самъ и былъ католикомъ. Онъ считалъ унизительнымъ для Кіева тотъ фактъ, что митрополиты жили въ Москвѣ и управляли кіевской церковью черезъ намѣстниковъ. Особенно онъ возмутился, когда митрополитъ Фотій забралъ для московскихъ церквей почти всю драгоцѣнную утварь изъ Софійскаго собора. Въ 1414 году для Кіева былъ избранъ особый митрополитъ. Лѣтопись такъ сообщаетъ объ этомъ: «Витовтъ великій князь литовскій, видя, яко святая Софья столная церковь митрополяя красоты своея лишена есть, такожде и во всей митрополіи Кіевской строенія нѣсть, а митрополитове, пришедъ зъ Москвы, о семъ токмо пекутся, еже обрѣтше што красно въ Софьи себѣ-

Алтарь Софійскаго собора.

Нерушимая стѣна съ мозаичными образами.

взяти, такожде дани отъ священниковъ и иныхъ христолюбецъ собравши въ Московскую землю съ собой отнести, сожалѣ о томъ... Собравшеяся, по повелѣнію его епископы всѣ... и весь священный соборъ, и всѣ бояре, избраша себѣ на митрополію благовѣйна мужа Григорія Цемивляка. Фотѣй же митрополитъ тогда убо восхотѣ ити въ Царьградъ увѣдѣ бо, яко Витовтъ хощетъ на столъ митропольскій въ Кіевѣ поставити другого митрополита... и тако поиде съ Москвы въ Кіевъ, и яко доиде Литвы и пойма его Витовтъ... и ограбивъ его возврати къ Москвѣ. А грады митропольскія Кіевскія церкви великія соборныя, и власти, и села роздаде паномъ своимъ, а намѣстниковъ фотѣевыхъ митрополичьихъ ограбилъ и отосла на Москву». Несмотря на то, что Витовтъ сильно укрѣпилъ южнорусскія границы со стороны степи, Кіевъ въ его княженіе потерпѣлъ еще разъ страшное разореніе отъ хана Эдигея, въ 1416 году. «Татарове воеваше около Кіева и монастырь Печерскій пограбиша и пожгоша и со землею соравна яко оттодѣ Кіевъ погуби красоту свою и даже доселѣ уже не може быти таковъ, но единаче замку тогда не може взяти въ Кіевѣ Едигея, хотя усиленно добывалъ его; имущество же все и множество людей поплѣнилъ, самъ городъ Кіевъ ограбилъ и сжегъ».

Послѣ назначенія въ Кіевъ намѣстника, русская партія объединилась около князя Свидригайла, сначала въ земляхъ Сѣверской и Волынской, а потомъ сосредоточилась въ удѣлѣ Свидригайла—городахъ Витебскѣ и Полоцкѣ. Оставшись наслѣдникомъ литовскаго престола послѣ Витовта, Свидригайло еще больше началъ стремиться къ обособленію Литовскаго княжества отъ Польши. Но само княжество

распалось при немъ на двѣ части: коренныя литовскія земли признали власть брата Витовта, Сигизмунда, а всѣ русскія княжества и области отошли къ Свидригайлу. Отсюда беретъ свое начало стремленіе Малой Россіи къ отдѣленію отъ Литвы и самостоятельности. Въ возникшей войнѣ Сигизмундъ одержалъ верхъ, и города Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ сдались ему. Свидригайло и его послѣдователи нашли убѣжище въ Кіевѣ, который, вмѣстѣ съ Волынью, остался вѣрнымъ русской партіи. Кіевомъ Сигизмунду не удалось овладѣть, а черезъ пять лѣтъ онъ и погибъ, вслѣдствіе заговора кіевскихъ и литовскихъ бояръ, подъ предводительствомъ князей Черторыйскихъ. Сигизмунду ставили въ вину его жестокость по отношенію къ польскимъ князьямъ и дворянству—шляхтѣ. Не желая уступать первенство русской—украинской и бѣлорусской—партіи, литовскіе аристократы не допустили до великокняжескаго престола Свидригайла. Великимъ княземъ былъ избранъ малолѣтній сынъ Ягайла Казимиръ, а Свидригайло остался въ Волыни. Но, чтобы не раздражать и русскую партію, рѣшено было сдѣлать ей большія уступки. Виленскій воевода Гаштовтъ, управлявшій за Казимира, возстановилъ Кіевское княжество въ качествѣ удѣла и послалъ туда князя, преданнаго интересамъ русской народности.

Такимъ княземъ былъ Олелько, сынъ Владимира Ольгердовича, изгнаннаго Витовтомъ. До назначенія кіевскимъ княземъ, Олелько выдержалъ пятилѣтнее заточеніе въ тюрьмѣ, по повелѣнію Сигизмунда, видѣвшаго въ немъ соперника по литовскому престолу. Кіевское княженіе Олелька ознаменовано первой попыткой къ провозглашенію церковной уніи, т. е. союза православной церкви съ католической. Въ

1441 году пріѣхалъ съ этой цѣлью въ Кіевъ митрополитъ Исидоръ, но кіевляне, увидѣвъ его въ одеждѣ католическаго духовнаго лица, изгнали его. Заботы Олелька о кіевской митрополіи видны изъ одной изъ его грамотъ, сохранившейся до нашего времени. Онъ обезпечиваетъ въ ней неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождаетъ отъ княжескаго суда жителей митрополичьихъ помѣстій. Послѣ его смерти (1455) кіевскимъ княземъ сдѣлался сынъ его Симеонъ, бывшій вполнѣ послѣдователемъ отца. Онъ заботился объ охраненіи Кіевской области отъ татаръ и нѣсколько разъ успѣшно отражалъ ихъ нападенія на Кіевъ. Затѣмъ онъ возстановилъ главную кіевскую святыню—Кіево-Печерскій монастырь, разоренный крымскимъ ханомъ Эдигеемъ еще въ 1416 году и съ тѣхъ поръ лежавшій въ развалинахъ. Онъ «едва не отъ основанія воздвигше Успенскую церковь и украсилъ ее иконнымъ писаніемъ и обогатилъ златомъ и сребромъ и сосуды церковными». Это было послѣднимъ дѣяніемъ послѣдняго удѣльнаго князя Кіевской области. Въ 1470 году окончена была церковь, а черезъ годъ строитель ея былъ похороненъ подъ ея сводами.

Казимиръ, всегда поддававшійся польскому вліянію рѣшилъ снова покончить съ Кіевской областью, какъ удѣльнымъ княжествомъ, и унизить князей Олельковичей, изъ поколѣнія въ поколѣніе покровительствовавшихъ русскому населенію. Послѣ смерти Симеона въ Кіевъ былъ посланъ намѣстникъ воевода Мартинъ Гаштолдъ. Кіевляне возмутились и не впустили въ городъ новаго воеводу, «яко не токмо не князь бѣ, но болѣе, яко ляхъ бѣ». Они отправили посольство къ королю, прося назначить имъ княземъ брата Симеона, Михаила Олельковича или какого-нибудь дру-

гого православнаго князя. Казимиръ находился тогда въ столицѣ Литвы Вильнѣ. Паны литовской партіи тоже не совѣтовали ему уступать кіевлянамъ. Гаштолдъ былъ вторично отправленъ въ Кіевъ, но уже съ литовскимъ войскомъ, которое и взяло приступомъ старый стольный городъ Руси. Смирились и съ этимъ фактомъ украинцы и бѣлоруссы, но съ горемъ вспоминали славныя времена, когда бѣдная и дикая Литва платила Руси дань лыкомъ и вѣниками, за неимѣніемъ ничего лучшаго. Уступили по необходимости и главари русской партіи, но втайнѣ готовили заговоръ, который и обнаружился черезъ нѣсколько лѣтъ. Цѣлью этого заговора, по свидѣтельству однихъ, было поднятіе возстанія Украйны противъ литовскаго владычества и подчиненіе ея Московскому государству, родственному по вѣрѣ. Другіе предполагали, что предводители заговора, князья Михаилъ Олельковичъ, Ѳедоръ Бѣльскій и Иванъ Гольшанскій, думали захватить Казимира и заставить его отказаться отъ великокняжескаго престола въ пользу Михаила Олельковича. Заговоръ былъ открытъ за нѣсколько дней до осуществленія, Бѣльскому удалось спастись, а Михаилъ и Гольшанскій были заключены въ тюрьму до суда. По приговору суда, утвержденному великимъ княземъ, оба были приговорены къ смертной казни. 30 августа 1482 года кіевляне увидали на лобномъ мѣстѣ, у воротъ литовскаго замка, обезглавленный трупъ князя изъ любимаго ими рода Олельковичей.

Такъ покончило литовское правительство съ послѣдней попыткой возстановить систему удѣльныхъ княжествъ. Но зародыши неудовольствія и глухого протеста противъ иноземнаго владычества и вліянія не уничтожились, а притаились только на

время въ нѣдрахъ русскаго населенія. Пока литовскіе князья не только не нарушали старой русской культуры, а даже сами приноровлялись къ украинскому и бѣлорусскому быту, населеніе охотно подчинялось имъ. Но, когда Литва, находясь подъ польскимъ вліяніемъ, начала тѣснить и русскую религію и русскій бытъ, населеніе стало склоняться на сторону Московскаго государства, которое соперничало съ Литвой въ собираніи и объединеніи русскихъ земель. Во второй попыткѣ поднять возстаніе предводители заговора уже прямо обратились за помощью къ московскому царю и даже къ крымскому хану. Жалкіе остатки мелкихъ удѣльныхъ князей сгруппировались на этотъ разъ вокругъ богатаго и вліятельнаго потомка татарскихъ выходцевъ изъ Крыма, еще во времена Витовта. Это былъ князь Михаилъ Глинскій, получившій прекрасное образованіе за границей и служившій долгое время у разныхъ иностранныхъ государей. Послѣ смерти Казимира, русской партіи, подъ предводительствомъ Глинскаго, удалось настоять на избраніи Александра Казимировича, въ то время какъ польскимъ королемъ былъ избранъ его старшій братъ Янъ-Альбрехтъ. Такимъ образомъ была предупреждена и на этотъ разъ опасность сліянія Литвы съ Польшей. Александръ княжилъ 14 лѣтъ (1492—1506), и все это время Глинскій былъ при дворѣ и пользовался огромнымъ вліяніемъ, которое и употреблялъ на усиленіе русской партіи. Литовская аристократія относилась къ нему съ большой подозрительностью. Она все время опасалась, что Глинскій воспользуется своимъ положеніемъ, чтобы произвести переворотъ и способствовать отложенію русскихъ земель къ Московскому государству. Преемникъ Александра, Сигизмундъ, очевидно, раздѣ-

лялъ подозрѣніе литовскихъ магнатовъ и старался не только отдалить Михаила Глинскаго, но и лишить его и его родственниковъ разныхъ матеріальныхъ преимуществъ. Тогда Глинскій, можетъ быть, до тѣхъ поръ и не замышлявшій о заговорѣ, рѣшилъ прибѣгнуть къ защитѣ московскаго царя Василія Ивановича. Разсчитывая на помощь московскаго войска и на союзничество крымскаго хана Менгли-Гирея, Глинскій началъ войну въ самой Литвѣ, въ окрестностяхъ Гродна. Возбуждая бѣлорусское населеніе противъ Литвы, Глинскій шелъ навстрѣчу московскому войску. Но бѣлоруссы не отозвались на призывъ къ возстанію, какъ отозвались украинцы. Между тѣмъ, ханъ не подалъ обѣщанной помощи, а московскія войска выжидали въ бездѣйствіи у верховій Днѣпра. Сигизмундъ въ это время пришелъ съ сильнымъ войскомъ изъ Польши и пополнилъ его еще въ Литвѣ. Московскій князь, не рѣшившись на сраженіе, заключилъ съ нимъ миръ. Глинскіе, лишенные всѣхъ своихъ земель, должны были скрыться въ Москву. Впослѣдствіи Михаилу Глинскому удалось все-таки отплатить литовскому князю. Онъ предводительствовалъ московскимъ войскомъ въ новой войнѣ Москвы съ Литвой и помогъ оттягать отъ Литвы Смоленскъ. Еще до этого заговора многіе удѣльные князья отошли къ Москвѣ со своими удѣлами. Такимъ образомъ получило Московское государство древне-русскіе города: Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Гомель, Бѣльскъ, Трубчевскъ, со многими волостями. Литва пыталась силой удержать отложившіяся области, но Москва одержала побѣду, послѣ которой, по договору 1503 года, Литва отдала ей 319 городовъ и 70 волостей, т. е. всю область стараго Черниговскаго княжества.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Внутреннее состоянiе Кiева и Кiевской области при литовскихъ князьяхъ. — Торговля. — Общественное устройство. — Казачество. — Люблинская унiя и ея слѣдствiя.

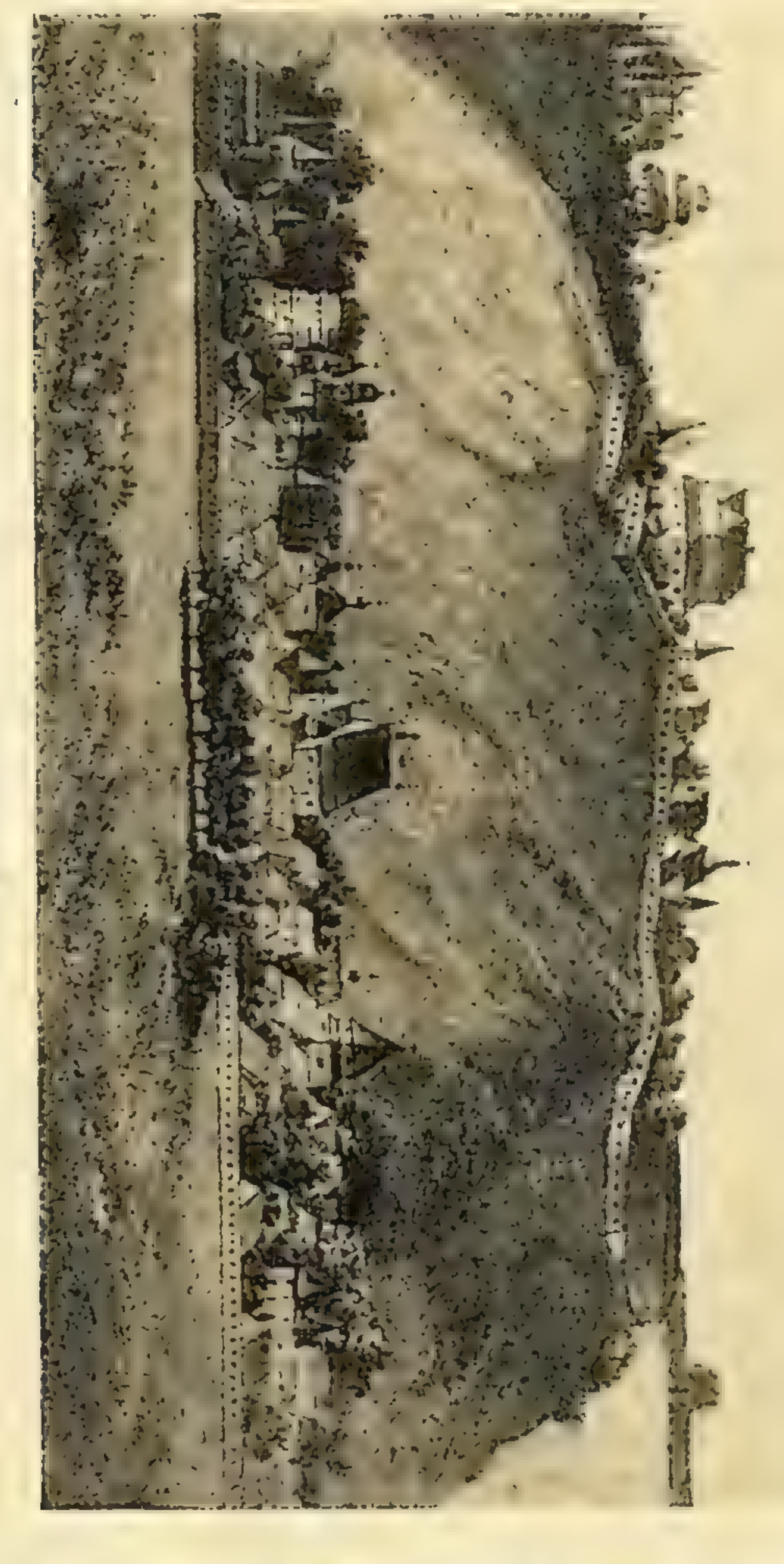
Литовскiе князья, знать и власти не возобновляли стараго разрушеннаго города на Горѣ, чтобы, по примѣру предшественниковъ, поселиться въ немъ. Старый городъ лежалъ въ развалинахъ, и только полуразрушенные, когда-то величественные храмы св. Софiи, св. Михаила и Золотоворотскiй напоминали о прошломъ. Эти печальные свидѣтели былого заставляли митрополитовъ скорбѣть здѣсь душою и искать церковнаго благолѣпiя и мирной молитвы въ сѣверо-восточной Руси. Заботы литовскихъ князей о православной кiевской церкви все-таки не уничтожали постепенно распространявшагося католическаго влiянiя. Въ Московской Руси возобновлялись потерпѣвшiе отъ татарскихъ погромовъ города, и возобновлялся въ нихъ старый укладъ жизни, лишь при новомъ условiи подчиненiя татарскимъ ханамъ.

На другой возвышенности, отдѣльно стоящей отъ всего ряда кiевскихъ горъ, между старымъ городомъ и Подоломъ, былъ построенъ «Литовскiй замокъ». Въ этомъ замкѣ жили князья Олельковичи, а потомъ

воеводы и намѣстники, возлѣ него, на лобномъ мѣстѣ, была совершена и казнь послѣдняго Олельковича, Михаила. Замокъ былъ срубленъ изъ дерева и въ 1482 году, при новомъ страшномъ разгромѣ Кіева крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, былъ разрушенъ до основанія. Лѣтъ черезъ тридцать, въ первомъ десятилѣтіи XVI вѣка былъ снова выстроенъ Литовскій замокъ «добродеревцами зъ верху», т. е. плотниками съ Кіевскаго Полѣсья, считавшимися тогда лучшими мастерами. Мѣстность, гдѣ былъ выстроенъ замокъ, получила впослѣдствіи названіе Киселевки, по имени польскаго воеводы Адама Киселя, жившаго тамъ. Въ постройкѣ прочныхъ стѣнъ замка принимали участіе кіевскіе землевладѣльцы, или земяне. За это они получали право дѣлать пристройки въ стѣнахъ для храненія собственнаго имущества и помѣщенія семьи во время вражескаго нашествія. Стѣны были снабжены пятнадцатью трехъэтажными башнями, съ бойницами въ каждомъ этажѣ. На одной изъ башенъ помѣщались городскіе часы, которыми кіевляне очень гордились. За стѣнами, внутри замка, стоялъ домъ воеводы и нѣсколько десятковъ домовъ для ротмистра и солдатъ. Кромѣ того, здѣсь же помѣщались склады пороха, ядеръ, свинца и всякаго оружія, три православныхъ церкви и одна католическая каплица. Послѣдняя предназначалась для воеводы или служащихъ, если они были католиками. Многіе изъ знатныхъ земянъ или городскихъ мѣщанъ добивались чести имѣть свои дома въ замкѣ.

Весь трудовой и торговый людъ Кіева попрежнему ютился на Подолѣ, десятки разъ сжигаемомъ и разоряемомъ татарами и снова упорно воздвигаемомъ терпѣливыми руками жителей, избѣжавшихъ

плѣна или смерти. Наскоро построенные, деревянные, крытые дранью или соломой, домишки были

Замки на Киселевкѣ и Кудрявцѣ въ Кіевѣ. 1651 г.

всегда готовымъ матеріаломъ для громаднаго костра. Не удивительны вслѣдствіе этого повторяющіяся грамоты князей и воеводъ, запрещающія сидѣть съ

огнемъ ночью и назначающія штрафъ за это. Употребленіе свѣчей было тогда еще незначительно, и въ большинствѣ случаевъ жители пользовались лучинами. Но среди грязныхъ, невзрачныхъ жилищъ закипала торговая жизнь, какъ только являлась возможность караванамъ пробираться по дорогамъ, какъ только возобновлялись старые укрѣпленные города по водянымъ и сухимъ путямъ, словомъ, какъ только люди начинали чувствовать возможность вздохнуть болѣе свободно и приняться за житейскія дѣла. Какъ не могла прекратиться навсегда торговля въ населенной мѣстности, такъ не могли Кіевъ и Днѣпръ остаться въ сторонѣ отъ торговаго движенія. Снова потянулись сюда со всѣхъ сторонъ разными путями разные товары. По указаніямъ торговыхъ договоровъ, сохранившихся отъ того времени, мы видимъ, что на кіевскомъ рынкѣ снова появились дорогія восточныя ткани, издѣлія изъ кожи и разныя пряности съ одной стороны и драгоцѣнные мѣха бобровъ, куницъ, лисицъ, горностаевъ—съ другой. Кромѣ сырья, Кіевъ отправлялъ за границу готовыя шубы, шлыки, колпаки и издѣлія кіевскихъ оружейныхъ мастеровъ—луки, стрѣлы, сѣдла и проч. Какъ въ былыя времена княжескія дружины охраняли купеческіе караваны отъ хищничества степныхъ кочевниковъ, такъ теперь кіевскіе воеводы и старосты попутныхъ городовъ снабжали ихъ вооруженнымъ конвоемъ для защиты отъ татаръ. За это власти пользовались опредѣленнымъ въ договорахъ вознагражденіемъ или подарками. Многіе заграничные торговцы имѣли свои склады въ Кіевѣ. Для внутренней торговли еще больше, чѣмъ для внѣшней, имѣлъ значеніе Днѣпръ и его широкіе судоходные притоки. Съ сѣвера, какъ и въ давнія времена, спускались по Днѣпру лѣсъ и

деревянныя издѣлья, изъ Кіева поднимались вверхъ рыба и соль, получаемая изъ Крыма и Галиціи. Затѣмъ, съ разныхъ сторонъ привозились скотъ, хлѣбъ, воскъ, медъ и мѣха.

Торговая дѣятельность Кіева снова стала привлекать туда громадное количество иностранцевъ. Уже въ XV столѣтіи въ Кіевѣ имѣется многочисленная армянская коллегія, члены которой владѣютъ домами и лавками въ самомъ Кіевѣ, а также и землями въ кіевскихъ уѣздахъ, или повѣтахъ, по тогдашнему названію. Въ томъ же вѣкѣ въ Кіевѣ имѣли торговые дворы и проживали генуэзцы, турки, татары, москвичи, греки, молдаване, поляки. Кромѣ торговли, кіевскіе горожане занимались разнообразными ремеслами. Въ документахъ XV столѣтія перечислено много различныхъ ремесленныхъ цеховъ. Тутъ есть чеботари, лучники, стрѣлочники, ковали, рыболовы, плотники, цирульники и многіе другіе. Особенно славились въ то время кіевскіе золотари, металлическія издѣлія которыхъ расходились по всей Руси и Литвѣ. Кіевскія стрѣлы, кованныя изъ желѣза и обдѣланныя въ древко съ орлиными перьями, покупались въ большомъ количествѣ крымскими татарами.

Какъ и другіе города юго-западной Руси того времени, Кіевъ имѣлъ общинное устройство. Витовтъ, уничтожая княжескіе удѣлы, особыми грамотами поддерживалъ самоуправленіе русскихъ городовъ и областей. Его преемники возобновляли эти грамоты до тѣхъ поръ, пока въ 1499 году князь Александръ Казимировичъ не пожаловалъ Кіеву новую грамоту, устанавливающую самоуправленіе жителей по Магдебургскому праву, которымъ пользовались нѣмецкіе торговые города того времени. Въ силу этой грамоты, кіевскіе городскіе жители или мѣщане, какъ ихъ

тогда называли, становились независимыми отъ мѣстнаго воеводы и неподсудными ему. Городомъ управляли двѣ выборныя коллегіи подъ предсѣдательствомъ выборныхъ же войтовъ или представителей общины. Торговля и промыслы Кіева были или вовсе освобождены отъ пошлины, или обложены умѣренной, точно опредѣленной въ грамотѣ, податью въ пользу государства и воеводы. Сверхъ того, кіевскіе мѣщане получили право безпошлинной торговли по всему княжеству Литовскому. Со своей стороны, мѣщане были обязаны держать на свой счетъ стражу въ замкѣ и на татарскихъ путяхъ.

Упразднивъ князя въ Кіевѣ и назначивъ воеводъ и намѣстниковъ для управленія областью, Витовтъ сохранилъ въ полной широтѣ прежнее самоуправленіе и въ волостяхъ. Старинныя вѣча, называясь теперь сеймами на манеръ польскихъ шляхетскихъ собраній, попрежнему собирались, и мѣстные землевладѣльцы епископы, служилые люди, горожане и крестьяне обсуждали на нихъ свои дѣла. Основнымъ образомъ измѣнился только порядокъ землевладѣнія въ Кіевской области, какъ и въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ. Земля, которой прежде владѣли смерды, принадлежала теперь государству, князь распоряжался ею и раздавалъ ее въ пользованіе частнымъ лицамъ, подъ условіемъ исполненія извѣстныхъ военныхъ обязанностей. Такіе землевладѣльцы назывались земянами и составляли также военное служилое сословіе. Сословіе это съ теченіемъ времени увеличивалось, хотя разселеніе его по области было неравномѣрно. Особенно охотно земяне разбирали земли въ лѣсной полосѣ на сѣверѣ. Здѣсь размѣщались всѣ самые родовитые и богатые. Въ южныхъ степныхъ повѣтахъ, какъ Черкасскомъ, Каневскомъ, Житомир-

комъ, земли разбирались мало, наконецъ въ самыхъ южныхъ — Звенигородскомъ и Переяславскомъ — земянъ не было вовсе. Объясняется это, во-первыхъ, сравнительной безопасностью сѣверныхъ земель относительно южныхъ и, во-вторыхъ, хозяйственными соображеніями. Въ эти вѣка такъ же, какъ и въ древнія времена, главными русскими промыслами были лѣсные, а не земледѣльческіе, хлѣбъ же добывался почти исключительно для личныхъ потребностей. Доходными статьями хозяйства, какъ и въ старину, были пчеловодство, звѣриный промыселъ, рыбная ловля и лѣсъ. Что же касается безопасности, то въ степныхъ повѣтахъ помѣстья зачастую разорялись татарами, а повѣты Звенигородскій и Переяславскій въ XV столѣтіи были совершенно опустошены ими. Кромѣ земянъ, несли военную службу и бояре, которые имѣли небольшія земли, преимущественно вблизи замковъ и были на службѣ въ этихъ замкахъ или у намѣстниковъ. Потомки древнихъ княжескихъ дружинниковъ, теперешніе бояре были не только менѣе знатны и богаты, чѣмъ земяне, но и находились въ подчиненіи у нихъ, обязаны были «служити и послушными быти». Въ случаѣ неповиновенія, имъ предписывалось оставлять землю и сохранять за собой только движимое имущество. Вся остальная масса жителей принадлежала къ сословію крестьянъ, или «людей служилыхъ» и «людей панскихъ и земянскихъ». Служилые люди жили на замковыхъ земляхъ, а панскіе на земляхъ земянъ. Нѣкоторые крестьяне имѣли свою землю, за которую платили опредѣленную подать государству, такіе назывались данниками. Всѣ крестьяне, въ началѣ литовскаго владычества надъ Русью, были свободны и могли переходить съ мѣста на мѣсто. Владѣльцамъ

земли они были обязаны платить подать деньгами или отработкой, по уговору.

Пользуясь внутреннимъ самоуправленіемъ, литовско-русскія области подчинялись высшему правительственному совѣту, называемому «радою». Значеніе рады было очень велико въ правительственной жизни тогдашняго Литовскаго княжества. Великій князь обязывался всѣ государственныя дѣла рѣшать съ согласія рады. Въ составъ рады входили представители знатнѣйшихъ княжествъ и боярскихъ фамилій и католическіе епископы. Попадали туда и русскіе знатные люди, но только противъ закона или по закону, если были католиками. Православные, по установленію Ягайла, въ раду не допускались. Эти и многія другія привилегіи, даваемыя католикамъ, усиливали національную и религіозную рознь между русской и литовской партіями. Русская знать считала себя униженной недопущеніемъ въ раду, а такое же недопущеніе православнаго митрополита и епископовъ считалось оскорбленіемъ православія. Польша, между тѣмъ, все больше и больше стремилась къ полному слiянію съ Литвой. Чтобы расположить въ пользу уніи многочисленное землевладѣльческое сословіе, называвшееся теперь шляхтой, сторонники уніи въ радѣ не скупились на привилегіи для нея. Одна изъ такихъ привилегій сильно повредила торговлѣ Литовскаго княжества. Въ силу этой привилегіи всѣ лица шляхетскаго происхожденія имѣли право безпошлинно вывозить изъ-за границы всѣ товары, необходимые для личнаго употребленія. Другія привилегіи повели за собой закрѣпощеніе крестьянъ на громадныхъ пространствахъ панскихъ земель. Постепенное закрѣпощеніе крестьянъ началось съ подчиненія ихъ суду землевладѣльцевъ, ограниченія права

перехода и увеличенія барщины. Разрастаясь въ численности и пріобрѣтая могущество и богатства, вслѣдствіе разныхъ привилегій, католическая шляхта овладѣвала главнымъ теченіемъ жизни въ городской и сельской юго-западной Руси. Забирая въ руки и власть и земли, она притѣсняла подневольныхъ людей. На почвѣ разрастающихся притѣсненій, съ одной стороны, и постоянныхъ разорительныхъ набѣговъ крымскихъ татаръ, съ другой, постепенно создается въ Польско-Литовской Руси новый слой населенія, которому суждено было сыграть важную роль въ дальнѣйшемъ ходѣ ея исторіи.

Около половины XV вѣка въ татарской ордѣ, причинившей столько вреда Руси, произошелъ расколъ. Татары, кочевавшіе у устьевъ Днѣпра и Днѣстра, объединились подъ властью отдѣльнаго хана, поселившагося въ Крыму. Желая найти себѣ поддержку противъ хана Золотой орды, крымскій ханъ обратился за союзничествомъ къ литовскому князю и Польшѣ. Но Литовское княжество не дало опредѣленнаго отвѣта и продолжало дружескія отношенія съ Золотой ордой. Тогда слѣдующій крымскій ханъ Менгли-Гирей вошелъ въ союзъ съ Москвою, которая все время соперничала съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. При помощи богатыхъ подарковъ и уговоровъ, московскому князю удалось склонить Менгли-Гирея къ походу на украинскія земли, принадлежавшія Литвѣ и Польшѣ. Разгромивъ въ 1482 году Кіевъ, Менгли-Гирей послалъ московскому князю Ивану золотую чашу и дискосъ изъ Софійскаго собора. Затѣмъ онъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ разорялъ Волынь и Бѣлоруссію. Князья Михаилъ Глинскій и Константинъ Острожскій прославились въ это время своими побѣдоносными выступленіями противъ врага.

Но большею частію татары одерживали верхъ, выжигали селенія и уводили толпы невольниковъ на крымскіе рынки. До сихъ поръ поются въ Малороссіи скорбныя пѣсни невольниковъ и разоренныхъ поселянъ того времени.

Литовское правительство плохо защищало русскія области и въ лучшемъ случаѣ откупалось только подарками и возстановленіемъ хановъ противъ Москвы. Татары опустошали московскія земли, но не переставали опустошать и южную Русь. Кіевскія земли по Днѣпру запустѣли хуже, чѣмъ при Батыѣ, заброшенные поля и луга заросли и одичали.

Зажурилась Україна, що ніде прожити —
Витоптала орда кіньми маленькії діти.
Ой маленьких витоптала, великих забрала,
Назад руки постягала, під хана пігнала.

На берегахъ Днѣпра, на краю крещенаго міра, въ роскошныхъ по растительности пустыняхъ, и появились новые бродники, получившіе имя казаковъ. Земледѣлецъ, рыболовъ, звѣроловъ или пчеловодъ соединялись здѣсь воедино съ неустрашимымъ воиномъ. Уйдя отъ притѣснителя пана-землевладѣльца или войта, мѣщанинъ или крестьянинъ дорого платилъ за свою свободу и пользованіе роскошными природными богатствами—не одна пядь земли была, можетъ быть, полита кровью землепашца. Весной и лѣтомъ, когда татары рыскали по степи, земледѣльцы, рыболовы и звѣроловы выходили вооруженные на промыселъ или на пашню. Всюду построены были маленькіе острожки, куда укрывались они, въ случаѣ неожиданнаго появленія татаръ въ степи. Но никакая опасность не могла задержать постоянный приливъ колонизаторовъ благословенной «Украйны, текущей

млекомъ и медомъ». Слишкомъ привольна была жизнь на необозримыхъ степяхъ, залитыхъ яркимъ солнцемъ, на землѣ, дающей урожай нѣсколько лѣтъ послѣ одного засѣва, по разсказамъ современниковъ, нѣсколько, можетъ быть и преувеличеннымъ. Множество всякой дичи, разсказываютъ тѣ же современники, водилось въ обильной растительности края. Зубровъ, дикихъ коней, оленей и козъ били и ловили безъ счета. По берегамъ свѣтлыхъ, спокойныхъ рѣкъ селились во множествѣ бобры, въ прибрежныхъ кустахъ безъ числа вили гнѣзда дикіе утки, гуси, журавли и лебеди, а разнообразная рыба скоплялась иногда въ рѣкахъ въ такомъ изобиліи, что копье, брошенное въ воду, задерживалось и торчало, какъ воткнутое въ землю.

Если прибавить ко всему этому еще отсутствіе пановъ и податей, то не понятно ли будетъ, что уходившіе сюда забывали думать о саблѣ или неволѣ татарской? Уцѣлѣвшіе закалялись въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ опасностями и изъ поколѣнія въ поколѣніе создавали тотъ типъ неустрашимаго казака, который сдѣлался впослѣдствіи грозой татаръ, турокъ и пановъ.

Старосты укрѣпленныхъ городовъ или замковъ, какъ тогда называли пограничные со степью города, Хмельницкаго, Брацлавскаго, Винницкаго и особенно Каневскаго и Черкасскаго—пользовались людьми, всегда готовыми къ оборонѣ жизни и имущества, и организовывали изъ нихъ постоянные военные отряды. Въ послѣднемъ десятилѣтіи пятнадцатаго вѣка появляются уже опредѣленныя указанія на казаковъ то въ жалобахъ крымскихъ татаръ литовскому князю, то въ разныхъ уставныхъ грамотахъ. Такъ, въ 1492 году крымскій ханъ жалуется, что кіевляне и черкасцы

разгромили татарскій корабль на Черномъ морѣ, и князь Александръ обѣщаетъ найти виновныхъ среди украинскихъ казаковъ. Въ уставной грамотѣ, выданной Кіеву въ 1499 году, упоминаются казаки, привозящіе черезъ Черкассы и Кіевъ въ верхніе города запасы свѣжей, вяленой и соленой рыбы. Казаки появляются въ качествѣ степныхъ промышленниковъ, самовольныхъ добычниковъ и въ качествѣ дружины пограничнаго старосты. Въ казачество идутъ мѣщане, крестьяне, старостинскіе слуги, даже бояре и шляхтичи, ищущіе военныхъ приключеній и славы. Многіе изъ замковыхъ старостъ прославились въ мелкихъ казацкихъ войнахъ съ татарами и походами на черноморскіе города, принадлежавшіе въ то время туркамъ, но истинное казачество, конечно, не состояло изъ людей обезпеченныхъ и гоняющихся за славой. Въ степь, на промыслы мирнаго и боевого характера шли украинскіе бѣдняки, жители пограничныхъ селеній, скрывающіеся отъ притѣсненій старосты или мстящіе татарамъ и туркамъ за разореніе родного гнѣзда, за смерть и неволю близкихъ. Въ половинѣ XVI столѣтія пограничные старосты начинаютъ жаловаться на уменьшеніе доходовъ отъ промысловъ, вслѣдствіе массоваго ухода жителей вглубь степей. Тамъ поселялись казаки на жительство и жили «на мясѣ, на рыбѣ, на меду изъ пасѣкъ, и сытятъ себѣ медъ какъ дома», т. е. не платя податей старостамъ. Не легка, конечно, была эта жизнь, приходилось терпѣть порой и голодъ и холодъ или приходить въ замокъ съ повинной къ старостѣ.

Съ теченіемъ времени въ староствахъ Каневскомъ и Черкасскомъ образовались свободныя воинскія «околицы», доставлявшія вооруженныя роты для походовъ на татаръ. Новые пришельцы не довольство-

вались уже этими староствами, а занимали новыя мѣста по Днѣпру, какъ часть бывшаго Переяславскаго княжества и опустѣвшій въ XV вѣкѣ повѣтъ Звенигородскій. Соединяясь для безопасности въ большіе отряды, казаки устраивали «городки» и засѣки или «сѣчи». Центромъ составившагося такимъ образомъ союза сдѣлалось со временемъ Запорожье, часть берега Днѣпра ниже пороговъ. Здѣсь, въ безконечныхъ зарослях камыша, на мелкихъ островахъ среди пѣнящагося и кипящаго Днѣпра, гдѣ когда-то подкарауливали печенѣги дружину Святослава, нашли себѣ пріютъ выгнанные изъ родныхъ гнѣздъ люди. Здѣсь, внѣ досягаемости польскихъ и литовскихъ властей, росло и крѣпло знаменитое запорожское братство, на условіяхъ полнаго равноправія древняго вѣчевого управленія.

Уже въ началѣ XVI столѣтія украинскимъ старостамъ и намѣстникамъ приходила въ голову мысль объ устройствѣ постояннаго гарнизона изъ казаковъ на Низу, т. е. въ низовьяхъ Днѣпра. Но у правительства не было денегъ на уплату жалованья казакамъ, на содержаніе такой стражи. Впослѣдствіи одинъ изъ украинскихъ князей, Дмитрій Вишневецкій, принялся за осуществленіе этой мысли, не дожидаясь помощи правительства. Онъ выстроилъ укрѣпленный замокъ на островѣ Хортица и помѣстилъ въ немъ казацкій гарнизонъ. Не найдя помощи у литовскаго правительства ни въ военныхъ припасахъ, ни въ деньгахъ, онъ вступилъ въ союзъ съ Москвой. Соединившись съ казаками, московское войско напало на крымскіе города и перебило много турокъ и татаръ. Ханъ мстилъ за это нѣсколькими нападеніями на Хортицу, Вишневецкій отражалъ нападенія, но мечты его объ окончательномъ истребленіи крымскаго гнѣзда

съ помощью Москвы не удались. Союзъ съ Москвой скоро порвался, а Вишневецкій былъ убитъ во время междоусобныхъ войнъ въ Молдавіи, куда отправился съ казацкимъ войскомъ.

Мало-по-малу, казаки завоевываютъ полное довѣріе украинскихъ жителей. Онѣ являются въ ихъ представленіи героями, храбро борющимися съ злѣй-

Казакъ побѣдитель.
(Рисунокъ XVIII вѣка).

шимъ врагомъ и не только не просящими помощи у правительства, но даже и не считающимися съ нимъ, какъ съ властью. Въ плохомъ вооруженіи, въ бѣдной, оборванной одеждѣ идутъ казаки на богатые татарскіе или турецкіе отряды, одерживаютъ надъ ними безпрестанныя побѣды и приводятъ ихъ, въ концѣ концовъ, въ бѣшенство и ужасъ. Но дѣлаясь все

больше и больше предметомъ поклоненія народа, казаки дѣлаются въ то же время предметомъ безпокойства правительства. Татары жалуются на казаковъ и грозятъ войной за ихъ набѣги. Начиная съ половины XVI столѣтія, литовско-польское правительство старается внушать старостамъ и намѣстникамъ, чтобы они не только не помогали казакамъ, а даже подчиняли ихъ строгому надзору и наказанію за грабительскіе набѣги на татаръ. Если предписанія исполнялись, казаки уходили глубже въ степь, и старосты лишались львиной доли, которую получали изъ ихъ добычи. Наконецъ, въ 1560 году, послѣ одной изъ жалобъ турокъ, король приказалъ казакамъ выйти съ низа и явиться на службу въ пограничные замки. Часть казаковъ согласилась на предложенныя условія, а часть осталась на мѣстѣ. Но такъ какъ жалованье было только обѣщано и не выдавалось, то принятые на службу казаки скоро вернулись къ своимъ товарищамъ. Возобновились столкновенія съ татарами и турками, росла казацкая слава, и крѣпла, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣренность казаковъ въ правѣ на полную свободу, завоеванномъ борьбой съ врагомъ государства и постоянной охраной границъ. Такъ образуется окончательно казацкое сословіе, которое постоянно увеличивается новыми пришельцами.

Между тѣмъ, польское правительство не оставляло мысли о полномъ сліяніи Литвы съ Польшей. Только при такомъ условіи Польша могла считать себя въ большей безопасности отъ притязаній турокъ съ одной стороны и Москвы съ другой. Вопросъ объ новой уніи былъ поднятъ на «спольномъ сеймѣ», такъ назывались совмѣстныя польско-литовскія собранія представителей высшихъ сословій Литвы и Польши. Русско-литовская шляхта, даже православ-

ная, была расположена въ пользу единенія съ Польшей многочисленными привилегіями, полученными отъ правительства. Но все-таки вначалѣ сейму пришлось выдержать довольно сильную борьбу съ нѣкоторыми литовскими аристократами, пытавшимися отстоять самостоятельность Литвы. Въ концѣ концовъ они оставили сеймъ, надѣясь этимъ «сорвать» его, т. е. сдѣлать недѣйствительнымъ. Но поляки, при поддержкѣ короля Сигизмунда Августа, рѣшили не отступать отъ своего намѣренія. Унія была скрѣплена, несмотря на отсутствіе литовскихъ представителей. Такъ слились въ 1569 году королевство Польское и великое княжество Литовское въ единое нераздѣльное тѣло и единое общее государство—Рѣчь Посполитую[1]). Оно на вѣчныя времена должно было имѣть одного общаго короля, избираемаго совмѣстно поляками и литовцами. Сеймъ долженъ быть общій, монета также общая. За Литвой осталось наименованіе великаго княжества, но размѣръ ея сократился почти вдвое. Къ Польшѣ отошли принадлежавшія Литвѣ южно-русскія области и между ними Кіевская.

Люблинская унія закончила давно уже идущее переустройство быта литовско-русскихъ земель на польскій ладъ. Болѣе всѣхъ выигрывало отъ этого переустройства шляхетское сословіе, къ которому причислялось теперь и русское боярство, болѣе всѣхъ проигрывало крестьянство. Пріобрѣтая громадныя права, шляхта освобождалась отъ всякихъ налоговъ и даже отъ обязательства военной службы. Только шляхтичи получали земли въ пожизненное владѣніе, они же завладѣвали всѣми общественными должностями въ городахъ и законодательствовали на сей-

---

[1]) Отъ слова «республика».

махъ, почти не считаясь съ властью короля. Эта свобода, принадлежавшая только высшимъ сословіямъ государства, повела за собой полное порабощеніе всей остальной массы населенія, особенно крестьянской. Крестьяне были окончательно прикрѣплены къ помѣщичьимъ землямъ, на которыхъ родились. Даже дѣти ихъ преслѣдовались за самовольный уходъ съ панскихъ земель, гдѣ жили ихъ родители. Панъ-помѣщикъ былъ полнымъ хозяиномъ жизни и имущества своихъ подданныхъ. Онъ могъ даже убить своего крестьянина, и никто не имѣлъ права суда надъ нимъ. Въ городахъ шляхта забирала въ свои руки всѣ правительственныя мѣста и утѣсняла мѣщанъ. Толпами бѣжали люди отъ шляхетскаго произвола и пополняли казацкіе отряды.

Михайловскій Златоверхій монастырь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Подготовленіе церковной уніи и введеніе ея.—Общественная защита православія. Казацкія войны.—Гетманъ Сагайдачный и просвѣтительное движеніе въ Кіевѣ.—Продолженіе казацкихъ войнъ.

Не разъ приходилось намъ отмѣчать, что Литва, сливаясь съ Русью, воспринимала ея бытъ и религію. Польша была чужда объединенному Литовско-Русскому княжеству, хотя населеніе ея и принадлежало къ одному изъ славянскихъ племенъ. Ея бытъ былъ ближе къ западно-европейскому, чѣмъ къ литовско-русскому, и въ ней господствовало католическое

вѣроисповѣданіе. По принятіи католичества Ягайломъ, на сеймѣ 1413 года было заявлено, что разновѣріе признается вреднымъ для цѣльности и безопасности государства. Послѣ этого не разъ производились попытки соединенія церквей латинской съ греческой. Польское правительство находило въ этомъ поддержку въ высшемъ католическомъ духовенствѣ въ Римѣ. Папы съ давнихъ поръ стремились къ подчиненію своей власти восточной церкви. Но литовскіе князья, отстаивавшіе самостоятельность великаго княжества Литовскаго, отстаивали также и прежнее положеніе православной церкви, хотя сами, наравнѣ со многими литовскими аристократами, переходили въ католичество и подчинялись вліянію польской культуры.

Послѣ митрополита Исидора, изгнаннаго изъ Москвы и изъ Кіева за свое сочувствіе союзу восточной церкви съ западной, въ Кіевѣ до конца XVI вѣка управляли митрополиты, признававшіе власть константинопольскаго патріарха. Великіе князья, Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ, не стѣсняли ни православной церкви, ни духовной власти митрополитовъ. Напротивъ, цѣлымъ рядомъ грамотъ они подтверждали полную свободу церковнаго управленія, независимость митрополичьяго суда въ дѣлахъ, касавшихся религіи и семейныхъ отношеній, а также и неприкосновенность земельныхъ имуществъ митрополичьихъ и церковныхъ. Кіевъ сдѣлался въ это время снова центромъ религіозной жизни западной Руси. Представители православной церкви выбирались на мѣстныхъ соборахъ. Какъ и въ древности, міряне имѣли право голоса въ выборѣ епископовъ и право участія въ засѣданіяхъ соборовъ. Чувствуя себя живыми членами православной церкви, жители западной Руси глубоко любили ее и переживали съ

ней вмѣстѣ горе и радости. Кіевская святыня—Печерскій монастырь, неоднократно разоряемый татарами, возобновлялся литовскими князьями съ помощью всего населенія. Вслѣдствіе доброхотныхъ даяній, Печерская обитель быстро оправлялась и пріобрѣтала большія земельныя богатства.

Между тѣмъ въ Польшѣ, послѣ смерти короля Сигизмунда-Августа, прекратилась династія Ягайла, и сеймъ установилъ за собой право на избраніе королей. На томъ же сеймѣ было сдѣлано постановленіе о полной свободѣ вѣроисповѣданія въ государствѣ. Послѣ этого въ Польшѣ появились въ большомъ количествѣ іезуиты для борьбы съ протестантствомъ и другими вѣроученіями, распространявшимися въ то время повсюду. Въ концѣ XVI столѣтія іезуиты появились въ столицѣ Литвы Вильнѣ, затѣмъ, при королѣ Стефанѣ Баторіи, въ старомъ Полоцкѣ и, наконецъ, проникли въ южную Русь. Они занялись воспитаніемъ юношества, и король поддерживалъ ихъ въ этомъ, сознавая недостаточность просвѣщенія въ Рѣчи Посполитой. Заводя всюду школы, іезуиты не брали за ученіе денегъ, довольствуясь разными приношеніями и подарками родителей. Стремясь сравняться въ образованіи съ поляками, литовскіе и русскіе шляхтичи и аристократы отдавали дѣтей въ іезуитскія школы, такъ какъ своихъ не было ни въ Литвѣ, ни въ Руси. Вообще при столкновеніи съ образованными людьми въ Польшѣ и въ особенности въ западной Европѣ, литовцы и русскіе увидали и почувствовали всю темноту и невѣжество своей родной страны. Какъ протестантскому, такъ и католическому духовенству не трудно было соперничать съ православнымъ, которое, помимо полнаго невѣжества, начало утрачивать въ то время и преж-

нюю строгость нравовъ. Подражаніе внѣшней роскоши въ жизни польскихъ пановъ проникло не только въ русскую и литовскую шляхетскую среду, но также и въ среду православнаго духовенства. Полный произволъ по отношенію къ массѣ трудящагося народонаселенія и продажность въ полученіи свѣтскихъ и духовныхъ должностей процвѣтали повсюду. А іезуиты пользовались всѣмъ этимъ и съ успѣхомъ распространяли католичество. Мало-по-малу большинство русской и литовской знати отпало отъ православной церкви, и незамѣтно создалось понятіе о православной вѣрѣ, какъ о холопской, соединенной съ темнотой, невѣжествомъ и убогой жизнью.

Вначалѣ іезуиты дѣйствовали очень осторожно, вполнѣ сохраняя внѣшнее уваженіе къ догматамъ греческой церкви и внушая только мысль о соединеніи ея съ римской, подъ властью единаго главы—папы, безъ нарушенія этихъ догматовъ. Мысль эта не противорѣчила ученію православной церкви, постоянно молящейся о соединеніи всѣхъ церквей. Многіе раздѣляли эту мысль, какъ, напримѣръ, князь Константинъ Острожскій, который часто бесѣдовалъ о соединеніи церквей съ іезуитами.

Православному духовенству іезуиты рисовали картины уваженія и почета, какимъ оно будетъ пользоваться, наравнѣ съ католическимъ духовенствомъ. Они указывали на несообразность подчиненія православной церкви константинопольскому патріарху, рабу турецкаго султана, такъ какъ Константинополь былъ въ то время уже во власти турокъ. Но Стефанъ Баторій, сохраняя хорошія отношенія съ іезуитами, не поощрялъ ихъ стараній ввести унію, онъ говорилъ такъ: «Мы хвалимъ Бога, что, прибывши въ Польское королевство, нашли русскій на-

родъ великій и могучій въ согласіи съ народами польскимъ и литовскимъ. У нихъ одинъ промыселъ, одно равенство, они уважаютъ другъ друга. Между ними нѣтъ зачатковъ вражды. Въ римскихъ костелахъ и греко-русскихъ церквахъ отправляется богослуженіе равно спокойно и безпрепятственно. Мы радуемся этому согласію и не считаемъ нужнымъ принуждать къ соединенію съ римской церковью русскую церковь. Мы не знаемъ, что изъ этого можетъ выйти и что выростетъ впослѣдствіи, но думаемъ и предвидимъ, что, вмѣсто единства и согласія, водворимъ раздоръ и вражду между Польшей и Русью и поведемъ ихъ обѣихъ къ безпрерывнымъ несчастіямъ, упадку и окончательной гибели».

При слѣдующемъ королѣ, Сигизмундѣ III, іезуитамъ легче было приводить въ исполненіе свое намѣреніе. Одинъ изъ ученыхъ іезуитовъ, Петръ Скарга, былъ духовникомъ этого короля. Убѣждая его провести унію, онъ не только говорилъ ему о вѣчной наградѣ на небеси, но и указывалъ также на политическое значеніе церковной уніи. Онъ говорилъ, что Русь сольется тогда духовно съ католической Польшей и окончательно порветъ всѣ связи съ Московскимъ государствомъ, съ которымъ соединяетъ ее теперь единая церковь. Отпоръ своимъ дѣйствіямъ іезуиты больше встрѣчали среди православнаго общества, не перешедшаго еще въ католичество, чѣмъ среди высшаго духовенства, склонявшагося на ихъ льстивыя обѣщанія и предложенія. На защиту православія стали сплоченныя братства, составлявшіяся изъ городскихъ жителей, преимущественно членовъ различныхъ ремесленныхъ цеховъ. Первое братство образовалось въ Львовѣ, при церкви Успенія Богородицы. Членомъ братства могъ быть всякій,

платившій ежегодно въ общую кружку шесть грошей. Константинопольскіе патріархи покровительствовали братствамъ и поручали имъ наблюденіе за благочиненіемъ и порядкомъ всей русской церкви. Это наблюденіе оскорбляло и раздражало духовенство, особенно высшее. Митрополиты и епископы знатнаго рода считали для себя униженіемъ подчиняться сужденію обществъ, состоявшихъ изъ пекарей, кожемякъ, чеботарей и разныхъ другихъ ремесленниковъ и мѣщанъ. Члены братства понимали, что бороться можно только равнымъ оружіемъ, поэтому старались устраивать въ противовѣсъ католическимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ такія же свои. Они основывали училища и типографіи, печатали книги, учили языкамъ славянскому и греческому. Но борьба была все-таки неравная. Не было православныхъ учителей для школъ, благодаря поголовному невѣжеству русскихъ, неоткуда было и взять ихъ. Московское государство было тогда въ еще бо̀льшей невѣжественной темнотѣ. Іезуиты постоянно противопоставляли славянскому языку латинскій, на которомъ писались въ то время всѣ ученыя сочиненія. Петръ Скарга называлъ славянскій языкъ источникомъ темноты и невѣжества русскаго народа. «Еще не было,—говоритъ онъ,—на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по-славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ и не разумѣетъ писаннаго на немъ? На немъ нѣтъ ни грамматики, ни риторики и быть не можетъ. Попы русскіе на немъ отправляютъ богослуженіе, а сами не въ силахъ объяснить, что̀ они въ церкви читаютъ, и даже принуждены бываютъ у другихъ спрашивать объясненія по-польски». Запад-

ное просвѣщеніе щеголяло тогда изобиліемъ умственнаго развитія и смѣялось надъ скудостью славянства, а православіе указывало на науку, какъ на грѣховное дѣло. Такъ, напримѣръ, говорилъ одинъ изъ видныхъ проповѣдниковъ-монаховъ того времени, Іоаннъ Вишенскій: «Соблюдайте вашихъ дѣтей отъ яда. Истинно говорю вамъ: кто съ духомъ любви прильнетъ къ этимъ мечтательнымъ догматамъ, тотъ навѣрное погрѣшитъ въ вѣрѣ и отпадетъ отъ благочестія, что съ вами и дѣлается, какъ только вы начали лакомиться на латинскую мерзкую прелесть. Не лучше ли тебѣ изучить часословецъ, псалтырь, апостолъ, евангеліе и другія церковныя книги и быть простымъ богоугодникомъ и пріобрѣсти вѣчную жизнь, чѣмъ постигнуть Аристотеля, Платона и прослыть въ сей жизни мудрымъ философомъ, а потомъ отойти въ геенну?..»

Невѣжество среди высшаго и низшаго духовенства было такое, что вслѣдствіе непониманія часто искажалось содержаніе священныхъ книгъ. Одинъ изъ писателей того времени говорилъ, что нѣкоторые изъ пастырей разумнаго стада Христова едва достойны быть пастухамиословъ. «Не пастыри они, а волки хищные, не вожди ихъ начальники, а львы голодные, пожирающіе овецъ своихъ. О несчастное стадо! Какъ можетъ быть учителемъ такой пастырь, который самъ ничему не учился и не знаетъ, чѣмъ онъ обязанъ Богу и ближнему, когда онъ съ дѣтскихъ лѣтъ занимался не изученіемъ св. писанія, а несвойственными духовному званію занятіями: кто изъ корчмы, кто изъ панскаго двора, кто изъ войска, кто проводилъ время въ праздности, а когда не стало на что ѣсть и во что одѣться и нужда ему шею согнула, тогда онъ начинаетъ благовѣствовать, а самъ не

смыслить, что такое благовѣствованіе и какъ за него взяться. Церковь наша наполнена на духовныхъ мѣстахъ мальчишками, недоростками, грубіянами, нахалами, гуляками, обжорами, подлипалами, ненасытными сластолюбцами, святопродавцами, несправедливыми судьями, обманщиками, фарисеями, коварными іудами».

Это обличеніе указываетъ на то, что, кромѣ невѣжества, духовенство далеко не отличалось тѣми нравственными качествами и смиренномудріемъ, которыя характеризовали монаховъ первыхъ временъ христіанства на Руси. Іоаннъ Вишенскій укоряетъ русскихъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ за то, что они отнимаютъ воловъ и лошадей у бѣдныхъ поселянъ, выдираютъ отъ нихъ денежныя дани, дани пота и труда, высасываютъ кровь изъ бѣдняковъ, а сами живутъ въ роскоши, наряжаются и наряжаютъ слугъ своихъ, въ то время, какъ у бѣдныхъ подданныхъ нѣтъ и сермяжки, чтобы прикрыть наготу свою. Все это, конечно, относилось къ высшему духовенству изъ дворянъ, которое тянулось за роскошной и привольной жизнью своихъ родичей шляхтичей и такъ же, какъ шляхтичи, выжимало соки изъ крестьянъ своихъ помѣстій. Состояніе же низшаго духовенства было порой не менѣе плачевно, чѣмъ состояніе подневольныхъ холоповъ. Владыки обращались съ священниками и другими духовными лицами грубо, облагали ихъ налогами въ свою пользу, наказывали тюремнымъ заключеніемъ и побоями, не давая никому отчета. Паны также угнетали священниковъ, наравнѣ съ холопами. Но особенно плохо жилось низшему духовенству тамъ, гдѣ панъ былъ католикъ или протестантъ. Каждое богослуженіе оплачивалось тогда пошлинами въ пользу пана. Иногда русскіе шляхтичи, обратив-

шись въ протестантство, изъ усердія уничтожали церковь, а зданіе, гдѣ она находилась, обращали въ хлѣвъ.

Въ 1590 году митрополитъ созвалъ въ Брестѣ соборъ для совѣщанія о безпорядкахъ православной церкви. На этомъ соборѣ было указано, какъ на одну изъ причинъ неурядицы, на подчиненіе константинопольскаго патріарха турецкой власти. Епископы признавали тягость такой зависимости православной церкви и высказывали пожеланіе соединенія ея съ католической. Послѣ обсужденій рѣшено было выразить письменно это желаніе признать власть римскаго первосвященника, при условіи полнаго сохраненія церковнаго устава восточной церкви. Митрополитъ изъ осторожности отклонился отъ участія въ составленіи такого документа. Іезуиты долго увѣщали его. Они говорили ему о великой чести возсѣдать въ соборахъ рядомъ съ первымъ лицомъ католическаго духовенства. Затѣмъ они увѣщали его не обращать вниманія на упрямство неразумной черни или нѣкоторыхъ лицъ изъ родовитаго духовенства, остающихся вѣрными власти греческаго патріарха. Такихъ они совѣтовали удалять и замѣнять ихъ простыми людьми, на которыхъ можно легче воздѣйствовать. Рекомендовали также облагать большими поборами, отсылать подальше упорныхъ, оказывающихъ вліяніе на другихъ, не допускать сходокъ и общихъ разсужденій, карать ослушниковъ тюрьмою и другими наказаніями. Совѣтовали особенную осторожность въ отношеніи прихожанъ, чтобы не давать имъ никакого повода къ неудовольствію, ни въ какомъ случаѣ не измѣнять ничего въ обрядахъ и только исподоволь подготовлять почву къ соединенію церквей. Слово унія, котораго такъ боятся

православные, должно быть совершенно изъято изъ обращенія. Слѣдуетъ остерегать православныхъ отъ общенія съ протестантами.

Болѣе всего препятствовали всѣмъ такимъ посягательствамъ на власть константинопольскаго патріарха распространявшіяся повсюду братства. Въ членахъ братства патріархи имѣли вѣрныхъ друзей и помощниковъ въ наблюденіи надъ высшими духовными лицами, что особенно раздражало послѣднихъ. Они искали сочувствія у русской и литовской православной аристократіи. Князь Острожскій начиналъ уже склоняться въ пользу уніи, но только въ томъ случаѣ, если на нее согласится вся православная церковь, а не только русская. Онъ совѣтовалъ митрополиту поговорить съ московскимъ патріархомъ и государемъ. На это митрополитъ не согласился. Вообще духовенство прибѣгало ко всякимъ хитростямъ и даже обманамъ, опасаясь итти прямымъ путемъ къ своимъ цѣлямъ. Обращеніе епископовъ къ королю имѣло полный успѣхъ. Выслушавъ заявленіе, онъ пожелалъ, чтобы къ нему примкнула вся западно-русская церковь, и чтобы всѣ владыки гласно засвидѣтельствовали свое согласіе подчиниться папѣ. Послѣ этого нѣсколько лѣтъ шла работа надъ окончательной формой уніи для представленія королю и папѣ. Вліятельныя лица русскаго общества и духовенства участвовали въ этой работѣ. Константинъ Острожскій, бывшій тогда кіевскимъ воеводой, оказалъ сильный протестъ проведенію уніи такимъ способомъ. Онъ написалъ посланіе ко всѣмъ христіанамъ, называя епископовъ волками и злодѣями и убѣждая единовѣрцевъ стоять непоколебимо въ отеческой вѣрѣ. Онъ изъявлялъ даже готовность выставить собственное войско на защиту православія.

Посланіе произвело сильное впечатлѣніе на многихъ православныхъ шляхтичей, духовныхъ лицъ и горожанъ. Король встревожился и думалъ повременить съ поѣздкой назначенныхъ епископовъ въ Римъ для окончательныхъ переговоровъ съ папой. Но тѣ успокоили и убѣдили его. Въ Римѣ епископы присягнули за себя и за другихъ русскихъ владыкъ въ томъ, что они принимаютъ вѣроисповѣданіе, установленное для грековъ, переходящихъ въ католицизмъ. Эта присяга была сочтена за установленіе уніи. Для торжественнаго объявленія о ней западно-русскому населенію, король назначилъ соборъ въ Брестѣ, въ 1566 году.

На соборъ пріѣхали и протестовавшіе противъ уніи православные — духовные и свѣтскіе. Собрались представители братствъ, городовъ, шляхты, а также князья и аристократы. Во главѣ послѣднихъ были князь Острожскій съ сыномъ. Уніатскіе владыки, съ католическимъ духовенствомъ и королевскими комиссарами, открыли свои засѣданія въ соборной церкви, а православные собрались въ частномъ домѣ. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, уніатскіе владыки провозгласили унію и предали проклятію все протестующее духовенство. Православные, въ свою очередь, прокляли и провозгласили отступниками и отверженными отъ церкви всѣхъ, принимающихъ унію. Король оставался на сторонѣ уніатовъ. На защиту православія выступили проповѣдники и духовные писатели и между ними тотъ же Іоаннъ Вишенскій. Несмотря на свой старинный, не согласующійся съ требованіями времени, взглядъ на просвѣщеніе, Вишенскій дѣйствовалъ неподкупной искренностью, горячей преданностью вѣрѣ и, главное, своимъ заступничествомъ за угнетаемый народъ и безстрашнымъ обличеніемъ

угнетателей. Въ борьбѣ одерживали верхъ уніаты, такъ какъ находились подъ покровительствомъ короля и властей. Они силой отбирали церкви у православныхъ и отдавали ихъ епископамъ-уніатамъ, вообще всѣми мѣрами притѣсняли не подчинявшееся духовенство. Православные пробовали защищать свои права на сеймахъ, но и это не удавалось имъ, такъ какъ они всегда были въ меньшинствѣ относительно католиковъ. Въ Волынской и Кіевской земляхъ православные особенно старались противодѣйствовать уніатамъ. Когда король захотѣлъ отобрать отъ православнаго архимандрита Никифора Тура Печерскій монастырь, то кіевскій воевода Острожскій отказался отъ выполненія королевскаго указа. Король приказалъ отнять монастырь силой, но Никифоръ отстоялъ его съ помощью вооруженнаго населенія. Также отстаивалъ онъ съ помощью населенія и казаковъ всѣ помѣстья монастыря. Въ это время казаки уже опредѣленно являются главной опорой въ защитѣ православія, такъ какъ число духовныхъ лицъ, отстаивавшихъ его, а также аристократовъ и шляхтичей, имѣвшихъ право участія и голоса въ сеймахъ, все уменьшается. Уніатскій митрополитъ Потѣй, разгромивъ православныхъ въ Вильнѣ, хотѣлъ сдѣлать то же и въ Кіевѣ, но его намѣстникъ получилъ предостереженіе отъ казачьяго гетмана. Ему было прямо сказано, что если онъ вздумаетъ притѣснять мѣстное духовенство, то будетъ убитъ казаками. Въ 1612 году въ Кіевъ пріѣзжалъ греческій митрополитъ и подъ защитой казаковъ освящалъ церкви и поставлялъ священниковъ.

Правительство опасалось сплоченной казацкой силы и не рѣшалось противодѣйствовать ей. Уже не разъ приходилось ему усмирять казацкіе бунты, осо-

бенно сильно проявившіеся въ тѣ года, когда проводилась церковная унія. Главной причиной этихъ бунтовъ были стѣсненія, которымъ подвергалось казачество, вслѣдствіе правительственныхъ указовъ. Но своевольные набѣги казаковъ на турецкія владѣнія грозили Польшѣ серьезными осложненіями. Не разъ дѣлались попытки организовать изъ казаковъ правильную стражу съ постояннымъ жалованьемъ, подъ начальствомъ старшого, назначаемаго правительствомъ. Пробовали составлять списки или реестры, но жалованье не выплачивалось, и реестровые казаки возвращались на Низъ къ вольнымъ. Наконецъ, Стефанъ Баторій окончательно утвердилъ организацію служебныхъ казаковъ. Чтобы они не сосредоточивались на Запорожскомъ Низу, онъ отдалъ имъ Трахтемировскій замокъ, находившійся выше города Канева на Днѣпрѣ. Здѣсь должно было быть ихъ главное сборное мѣсто, а въ ближайшемъ древнемъ монастырѣ былъ устроенъ пріютъ для стариковъ и изувѣченныхъ на войнѣ. Такимъ реестровымъ казакамъ была отдана земля и полагалось жалованье отъ правительства. Такимъ образомъ вольные запорожскіе казаки были отдѣлены, но они все-таки составляли главную казацкую массу и не переставали быть предметомъ безпокойства правительства. Стефанъ Баторій старался неоднократно усмирять низовыхъ казаковъ и разсылалъ приказы и кіевскому воеводѣ и пограничнымъ старостамъ, чтобы они всѣми мѣрами препятствовали своеволію ихъ. Но количество вольныхъ казаковъ увеличивалось недовольными крестьянами, и они добывали средства къ существованію или разбойничьими набѣгами на турецкіе города, или участіемъ въ войнахъ иноземныхъ государей. Все-таки этому энергичному королю удавалось хотя отчасти

удерживать казаковъ отъ крупныхъ военныхъ походовъ. Послѣ его смерти они сдѣлали подрядъ нѣсколько набѣговъ на татаръ и турокъ и разорили главные невольничьи рынки на Черномъ морѣ, черезъ которые прошло много русскихъ людей. Въ отместку за это татары стали опустошать Червонную Русь, а турки грозили Польшѣ немедленной войной. Наконецъ, въ 1590 году, сеймъ постановилъ окончательно уничтожить самоуправленіе казаковъ. Ихъ подчинили коронному гетману и другимъ начальникамъ, назначавшимся правительствомъ изъ польской шляхты. Безъ согласія и вѣдома этихъ начальниковъ никто не могъ уходить въ казачество. Кромѣ того, стали строго карать крестьянъ за побѣги. Эти стѣсненія и вызвали первый бунтъ подъ предводительствомъ Косинскаго. Возстаніе охватило разомъ три южно-русскія воеводства—Кіевское, Брацлавское и Волынское. Отрядъ, посланный старостами Кіевскаго воеводства, былъ разбитъ казаками, разорявшими панскія и шляхетскія помѣстья. Они съ особеннымъ озлобленіемъ уничтожали попадавшіяся имъ шляхетскія грамоты, какъ бы желая уничтожить права и привилегіи, создающія неравенство между людьми, котораго они не хотѣли признавать. Въ 1592 году Косинскій овладѣлъ Кіевомъ, а потомъ Бѣлой Церковью. Все украинское населеніе встрѣчало его съ сочувствіемъ, въ городахъ отворяли ворота, въ церквахъ звонили въ колокола. Взявъ еще нѣсколько городовъ, Косинскій сталъ думать объ отторженіи Руси отъ Польши. Онъ не только убивалъ пановъ, грабилъ помѣстья, бралъ города и земли, но и заставлялъ шляхтичей и мѣщанъ присягать себѣ. Первое пораженіе потерпѣлъ Косинскій отъ сына Константина Острожскаго, Януша. Послѣ этого казаки предложили миръ и обязались

прекратить бунтъ и смѣнить Косинскаго. Оставленный на свободѣ, Косинскій не угомонился, а принялся набирать новый отрядъ казаковъ, но былъ убитъ въ Черкасахъ, въ домѣ, гдѣ остановился.

Возстаніе Косинскаго повлекло за собой еще большія стѣсненія для казаковъ и еще болѣе суровыя наказанія для бѣглецовъ-хлоповъ. Отвѣтомъ на это были новыя возстанія. Предводителями слѣдующаго возстанія являются новый гетманъ казаковъ Лобода въ одномъ мѣстѣ и казакъ Наливайка въ другомъ. Оба сначала дѣлали набѣги на турокъ, а потомъ пришли въ Украйну. Какъ разъ въ это время владыки собирались ѣхать въ Римъ для рѣшенія дѣла съ уніей. По Руси ходили слухи о подчиненіи русской церкви папѣ, возмущеніе начинало принимать религіозный характеръ. Населеніе вѣрило, что казаки не только отстаиваютъ свои права, но и становятся на защиту православной вѣры. Снова началось уничтоженіе шляхетскихъ имѣній, сопровождаемое жестокой рѣзней, и снова всюду замѣчалось сочувствіе простого населенія. Для усмиренія возстанія выступило правительственное войско, подъ начальствомъ польскаго гетмана Жолкѣвскаго. Сначала казацкіе отряды встрѣтились съ гетманскимъ войскомъ на Днѣпрѣ, въ окрестностяхъ Кіева, потомъ казаки ушли въ Переяславль, и Жолкѣвскій погнался за ними. Недалеко отъ Лубенъ казаки были заперты и послѣ двухъ недѣль осады были взяты и изрублены всѣ, съ женами и дѣтьми, за исключеніемъ небольшого количества, успѣвшаго прорваться и спастись бѣгствомъ. Лобода былъ убитъ еще раньше самими казаками, по наущенію Наливайки, а Наливайка былъ увезенъ Жолкѣвскимъ въ Варшаву и тамъ казненъ, послѣ жестокихъ пытокъ. Въ народѣ ходили разныя

сказанія о его смерти и о мукахъ, перенесенныхъ имъ. Разсказывали, что его посадили на раскаленнаго желѣзнаго коня и на голову ему надѣли раскаленный желѣзный обручъ. Затѣмъ говорили, что его заключили въ мѣднаго быка, котораго поджигали медленнымъ огнемъ, пока тѣло Наливайки не обратилось въ пепелъ.

По новому постановленію сейма, у казаковъ былъ отнятъ Трахтемировъ, и они были лишены и тѣхъ незначительныхъ правъ, которыя оставилъ имъ Стефанъ Баторій. Государство признавало ихъ только пограничной стражей. Одновременно съ этимъ въ самомъ казачествѣ начались раздоры. Часть ихъ соглашалась итти на примиреніе съ правительствомъ, а другая часть подбивала къ новымъ бунтамъ и возстаніямъ. Раздоры прекратились въ гетманство Самойлы Кишки. Въ это время правительству понадобилась помощь казаковъ для военнаго похода въ Молдавію. Кишка согласился итти съ казаками, только подъ условіемъ возвращенія имъ всѣхъ прежнихъ правъ вольности и обезпеченія ихъ отъ притѣсненій со стороны старостъ и другихъ правительственныхъ лицъ. Послѣ непродолжительной войны въ Молдавіи, началась война Польши съ шведами, и снова король обратился за помощью къ казакамъ хотя обѣщанія, данныя имъ, не были еще выполнены. Кишка повторилъ свои требованія передъ выступленіемъ въ походъ. На этотъ разъ сеймъ издалъ законъ, которымъ отмѣнялось уничтоженіе казачества, снималось съ него осужденіе въ измѣнѣ и возвращались ему старыя права, хотя и не въ полной мѣрѣ. Въ тяжелой войнѣ со шведами казаки потеряли много людей и, наконецъ, своего предводителя и заступника Кишку. По окончаніи войны, казаки потребовали полнаго воз-

становленія своихъ прежнихъ правъ и снова стали господами Поднѣпровья. Шляхта начала опять жаловаться на своеволіе казаковъ, но на жалобы ея правительство не обращало вниманія, такъ какъ нуждалось еще въ казакахъ.

Это были первые годы семнадцатаго столѣтія, когда началась смута въ Московскомъ государствѣ, и поляки взяли подъ свое покровительство Лже-Дмитрія. Московская смута продолжалась почти десять лѣтъ, и казаки принимали въ ней большое участіе. Было время, когда польскій король думалъ завладѣть московскимъ престоломъ. Казаковъ призывали постоянно на королевскую службу. А такъ какъ служившіе королю казаки считали себя людьми вполнѣ свободными, то находилось много охотниковъ пополнять ихъ ряды. Не довольствуясь московскими походами, казаки снова принялись за свои обычные набѣги на южные турецкіе города. Въ это время крѣпнетъ опять казацкая воля, и напряженнѣе дѣлается борьба съ шляхетскимъ гнетомъ. Правительству, занятому московскими дѣлами, не до казаковъ и вообще не до Украйны, которая рвется на свободу. Мѣщане и крестьяне выходятъ изъ повиновенія помѣщикамъ и старостамъ, и чуть не все поднѣпровское населеніе превращается въ вольныхъ казаковъ. Уже въ 1596 году казаковъ числилось 20 тысячъ, а съ начала семнадцатаго столѣтія количество ихъ все увеличивалось.

Казаки не любили жить въ пожалованномъ имъ Трахтемировѣ, потому что онъ былъ на глазахъ у правительства. Центромъ казачьихъ поселеній попрежнему была Запорожская Сѣчь на Низу. Мелкіе острова на Днѣпровскихъ порогахъ укрѣплялись валами и засѣками, за которыми скрывались пушки и разныя военныя принадлежности. У казаковъ были

свои знамена и войсковая музыка, состоявшая изъ трубачей, сурмачей и довбышей, бившихъ въ котлы и барабаны. Весной и лѣтомъ, между походами, казаки приготовляли суда и лодки, или занимались рыболовствомъ, охотою, солянымъ промысломъ. Въ мирное время они вели также торговлю съ татарами и турками въ пограничныхъ городахъ. На зимовку оставались здѣсь немногіе и только для охраненія оружія, такъ какъ жилья, приспособленнаго для холодной погоды, не было. Войско дѣлилось на полки. Кромѣ гетмана или старшого, котораго выбирали казаки, начальствовали есаулы, атаманы, сотники. Въ войсковой канцеляріи былъ писарь. Важныя дѣла рѣшались общимъ собраніемъ или радой.

Въ 1613 году прекратилась московская смута, и съ этихъ поръ начались опять морскіе походы казаковъ. Они подходили на своихъ большихъ лодкахъ-чайкахъ подъ самый Константинополь, грабя и разоряя попутно города и селенья. Турецкій султанъ ежегодно угрожалъ войной и посылалъ войска на границу, а польское правительство, опустошившее совершенно казну на войны съ Москвой, не имѣло даже возможности держать пограничную охрану. Въ переговорахъ съ турками поляки слагали съ себя отвѣтственность за своевольные набѣги казаковъ, но турки не переставали грозить войной. Никакія убѣжденія и предписанія не дѣйствовали на казаковъ, понимавшихъ, что въ настоящее время правительственному войску съ ними не справиться. Они держали себя мирно внутри государства, обѣщали королевскимъ комиссарамъ исполнять ихъ требованія, но продолжали поступать по-своему. Гетманомъ былъ въ то время Петръ Сагайдачный, который старался поддерживать миръ съ польскимъ правительствомъ.

Сагайдачный предводительствовалъ въ нѣсколькихъ удачныхъ морскихъ походахъ и пользовался славой искуснаго и храбраго полководца. Польскому правительству онъ оказалъ услуги въ новой войнѣ съ Москвой въ 1617 году. Онъ привелъ подъ Москву на помощь королевичу Владиславу 20 тысячъ казаковъ.

Запорожцы.

(Старинная картина).

Московское правительство согласилось на разныя уступки Польшѣ, и война была прекращена, по требованію сейма. Но какъ только исчезла надобность въ казацкой помощи, такъ возобновились притѣсненія со стороны правительства. Опять явился Жолкѣвскій съ комиссарами и войскомъ, чтобы наводить порядокъ среди казаковъ. Онъ требовалъ, чтобы казаки сократили войско, сожгли лодки и прекратили совершенно морскіе походы. Большинству участни-

ковъ московской войны было приказано вернуться въ прежнее крѣпостное состояніе. Сагайдачный не хотѣлъ доводить до войны, и требованія Жолкѣвскаго были исполнены. Рѣшено было оставить только три тысячи казаковъ. Казаки были недовольны податливостью Сагайдачнаго, и часть ихъ выбрала новаго гетмана Бородавку.

Въ Кіевѣ мы видимъ Сагайдачнаго на совершенно иномъ поприщѣ дѣятельности. Воспитанникъ братской школы въ Острогѣ, Сагайдачный былъ близокъ интересамъ просвѣщенія и понималъ пользу его въ борьбѣ съ натискомъ іезуитовъ на православіе. Въ это время игуменомъ Печерскаго монастыря былъ преемникъ Никифора Тура Елисей Плетеницкій. Съ нимъ-то и соединился Сагайдачный для просвѣтительной дѣятельности въ Кіевѣ. У Сагайдачнаго было казацкое войско, всегда готовое на защиту вѣры и старинныхъ святынь, а у игумена монастырскія средства, сберегаемыя и накопляемыя, вслѣдствіе прекращенія прежняго пьянства и объяденія среди монаховъ. На эти средства Плетеницкій купилъ старую типографію, оборудовалъ ее заново и выпустилъ первую книжку въ 1616 году. Въ это время въ Кіевѣ было уже нѣсколько ученыхъ людей галичанъ, земляковъ Сагайдачнаго и Плетеницкаго, пріѣхавшихъ изъ Львова. Всѣ они объединились и дружно работали, распространяя просвѣщеніе въ древнемъ русскомъ городѣ. Въ то же время основалось здѣсь и братство на Подолѣ, на усадьбѣ богатой кіевской шляхтенки Гальшки Гулевичъ. Здѣсь долженъ былъ основаться монастырь, при немъ школа для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ, затѣмъ «гостиница для странниковъ православной вѣры». Въ члены новаго братства записалось громадное количество людей изъ украин-

ской шляхты и мѣщанства, а также, конечно, и весь кружокъ Плетеницкаго. Сагайдачный поступилъ въ братство со всѣмъ казацкимъ войскомъ, которое брало его подъ свою защиту и покровительство. Братство немедленно основало на пожертвованной землѣ Богоявленскій монастырь и открыло при немъ школу. Бывшій преподаватель львовской школы Зизаній привезъ книги и все необходимое для школы изъ Львова, и въ 1617 году началось ученіе. Въ школѣ обучали «грецко-славянскому и латино-польскому письму», а также изучался часословъ, который поторопилась отпечатать печерская типографія. Учениками школы были дѣти кіевскихъ мѣщанъ, духовныхъ лицъ и нѣкоторыхъ украинскихъ помѣщиковъ. Для новой типографіи была устроена бумажная фабрика и словолитня. При энергичномъ содѣйствіи просвѣтителей, въ Кіевѣ было выпущено за пятнадцать лѣтъ столько книгъ, сколько не вышло до этого времени во всей Украйнѣ. Конечно, книги были всѣ духовнаго содержанія, такъ какъ въ то время весь интересъ просвѣщенія сосредоточивался около церкви. Уніаты скоро почувствовали сильнаго врага въ новомъ братствѣ и указывали на него правительству. Но мысль о Сагайдачномъ и его казакахъ заставляла правительство быть осторожнымъ. Кіевъ сдѣлался снова центромъ русской національной жизни въ ея новомъ, просвѣтительномъ, направленіи.

Смѣлѣло, мало-по-малу, и кіевское общество, чувствуя себя подъ защитой. Оно рѣшилось воспользоваться пріѣздомъ въ Украйну іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, чтобы возстановить православную іерархію. Такъ какъ король раздавалъ высшія духовныя должности только уніатамъ, то можно было опасаться, что скоро исчезнутъ всѣ православные

епископы и православная церковь придетъ въ полное разрушеніе. Приглашенный въ Кіевъ, Өеофанъ сначала не рѣшался на посвященіе митрополита и епископовъ, боясь короля и поляковъ, но Сагайдачный, правившій всѣми казаками въ волости, поручился ему за полную безопасность. Въ теченіе зимы и осени 1620 года Өеофанъ посвятилъ митрополита и епископовъ для всѣхъ епархій Украйны и Бѣлоруссіи. Хиротонія новаго митрополита происходила въ церкви Братскаго монастыря. Церковь была окружена вооруженными казаками, окна ея были завѣшены, читалъ и пѣлъ одинъ изъ монаховъ, сопровождавшихъ патріарха. Затѣмъ казаки благополучно проводили Өеофана въ Молдавію. Но новые владыки не признавались правительствомъ, потому не могли начать службу церкви. Сагайдачный выжидалъ времени, когда услуги казаковъ снова понадобятся государству.

Время это не замедлило наступить, такъ какъ султанъ осуществилъ, наконецъ, свою давнишнюю угрозу и открылъ военныя дѣйствія противъ Польши. Жолкѣвскій выступилъ съ небольшимъ войскомъ, которое было тотчасъ же разбито. Жолкѣвскій былъ убитъ, а его помощникъ, гетманъ Конецпольскій, взятъ въ плѣнъ. Волей-неволей пришлось тогда обратиться къ казакамъ. Кіевляне совѣтовали имъ воспользоваться случаемъ и требовать за участіе въ войнѣ правъ для владыкъ, посвященныхъ Өеофаномъ. Но ни король, ни правительство не соглашались на такую уступку. Нѣкоторое время Сагайдачному удавалось еще удерживать казаковъ отъ соблазна откликнуться согласіемъ на призывъ короля. Не только самые походы, но и приготовленія къ нимъ доставляли много выгодъ казакамъ. Со всѣхъ волостей начинали они собирать лошадей, порохъ, сви-

нецъ и разные припасы. Лѣтомъ была созвана большая козацкая рада, въ ожиданіи королевскихъ пословъ съ деньгами. Митрополитъ Іовъ Борецкій и Сагайдачный отправились туда со многими духовными лицами. Борецкій въ горячихъ и трогательныхъ словахъ изобразилъ радѣ насилія и издѣвательства правительства надъ вѣрой и православнымъ духовенствомъ. Казаки обѣщали защищать вѣру, не жалѣя жизни. Рѣшили послать къ королю Сагайдачнаго и игумена Трахтемирскаго монастыря, чтобы снова просить о признаніи правъ духовенства, посвященнаго Ѳеофаномъ. Но король видѣлъ, что казаки не устоятъ противъ желанія итти на войну, потому отдѣлался отъ пословъ неопредѣленными обѣщаніями. И онъ не ошибся—казаки не дождались Сагайдачнаго и двинулись къ мѣсту войны, подъ начальствомъ Бородавки. Бородавка былъ потомъ осужденъ и казненъ за самовольство, а Сагайдачный сдѣлался опять гетманомъ и привелъ около сорока тысячъ казаковъ къ турецкой крѣпости Хотину. Турки долго отстаивали крѣпость, пока султанъ, потерявъ надежду на побѣду, не заключилъ миръ съ поляками. Правительство прекрасно понимало, что только казаки спасли Польшу отъ разорительной и, можетъ быть, гибельной войны, но требованій казацкихъ все-таки не исполнило. Отдѣлавшись небольшими денежными наградами, король снова уменьшилъ казацкое войско до трехъ тысячъ, приказавъ всѣмъ остальнымъ хотинскимъ воинамъ вернуться въ помѣстья своихъ пановъ. И относительно вѣры все осталось по-старому.

Раненный подъ Хотиномъ, Сагайдачный прожилъ еще годъ, удрученный горемъ отъ несбывшихся надеждъ. Все свое состояніе онъ завѣщалъ братствамъ

Богоявленская церьковь Братскаго монастыря.

львовскому и кіевскому на устройство школъ и на содержаніе ученаго магистра, искуснаго въ греческомъ языкѣ. Умеръ онъ въ 1622 году и былъ похороненъ на погостѣ Богоявленскаго братства.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Петръ Могила и его просвѣтительная дѣятельность въ Кіевѣ.— Внѣшній видъ Кіева передъ освободительными войнами Хмельницкаго, по описанію инженера Боплана.—Возобновленіе казацкихъ войнъ.—Богданъ Хмельницкій, его возстаніе.

Продолжателемъ просвѣтительнаго дѣла Сагайдачнаго и его сподвижниковъ былъ Петръ Могила, сначала монахъ Печерской лавры, а потомъ кіевскій митрополитъ. Сынъ молдавскаго воеводы, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, Могила недолго оставался простымъ монахомъ. Черезъ годъ онъ былъ уже архимандритомъ лавры и вскорѣ вступилъ въ ряды кіевскихъ просвѣтителей. Сознавая недостатки русской школы того времени, онъ хотѣлъ преобразовать ее, по образцу заграничныхъ іезуитскихъ коллегій. Отправивъ на свой счетъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, монаховъ и мірянъ, для обученія въ заграничныхъ академіяхъ, онъ думалъ изъ нихъ составить впослѣдствіи кадръ учителей для новой кіевской школы. Кіевское общество, особенно духовенство, отнеслось вначалѣ съ большимъ подозрѣніемъ къ нововведеніямъ архимандрита, думая, что онъ открываетъ іезуитамъ путь къ воспитанію православнаго юношества. Но Могила проявлялъ не

меньшее усердіе и въ заботахъ о православной церкви. При его вліяніи и содѣйствіи, былъ вырванъ изъ рукъ уніатовъ Софійскій соборъ, полуразрушенный и разграбленный. Могила возстановилъ его, стараясь сохранить его древній видъ и стиль. Въ такомъ же разоренномъ видѣ перешелъ къ нему изъ рукъ уніатовъ древній Выдубицкій монастырь и такъ же былъ возстановленъ имъ. Въ лаврѣ онъ обновилъ храмъ Успенія и возстановилъ изъ развалинъ древнюю церковь св. Спаса на Берестовѣ, построенную, по преданію, еще Владиміромъ Святымъ. Другую церковь Владимира—Десятинную, нѣсколько вѣковъ лежавшую подъ землей въ развалинахъ, Могила откопалъ, нашелъ подъ обломками ея гробъ князя, и началъ возобновлять, но за смертію не успѣлъ кончить и оставилъ денегъ на окончаніе.

Во время этой своей дѣятельности онъ былъ уже кіевскимъ митрополитомъ и пользовался полнымъ довѣріемъ своей паствы. По просьбѣ братчиковъ Богоявленскаго братства, онъ не открывалъ новой школы, а взялъ на себя заботы о существующей уже братской школѣ, принявъ званіе старшаго брата, опекуна, смотрителя и защитника училища. Сдѣлавшись митрополитомъ, Могила ходатайствовалъ передъ королемъ Владиславомъ о преобразованіи братской школы въ академію. Владиславъ благосклонно относился къ православнымъ, онъ утверждалъ ихъ братства, училища и типографіи, но уніаты не допустили преобразованія средняго православнаго училища въ высшее. Уступая ихъ настояніямъ, онъ не исполнилъ просьбу митрополита. Школа сдѣлалась академіей уже послѣ смерти Могилы, но всегда называлась въ честь его Могилянской. Онъ заботился и о ея внутреннемъ устройствѣ: построилъ церковь для нея и основалъ бурсу, или

Десятинная церковь.

общежитіе для неимущихъ учениковъ. Долгое время Могилянская академія была центромъ просвѣщенія не только южной Руси, но, впослѣдствіи, и всего Московскаго государства.

Незадолго до начала войнъ Хмельницкаго, въ Кіевѣ жилъ инженеръ Бопланъ, служившій польскому правительству. Онъ оставилъ подробное описаніе Украйны того времени. Кіевъ онъ называетъ однимъ изъ древнѣйшихъ европейскихъ городовъ, указывая на слѣды прежнихъ окоповъ, развалины старыхъ церквей и древнія княжескія гробницы. Изъ старинныхъ храмовъ, по его свидѣтельству, сохранились отчасти только Софійскій и Михайловскій. Онъ обращаетъ также вниманіе на полуразрушенныя стѣны храма св. Василія, вышиною отъ пяти до шести футовъ, покрытыя греческими надписями. Софійскій храмъ онъ называетъ прекраснымъ, восхищается мозаичными образами и картинами, сохранившимися на его стѣнахъ. Подолъ онъ называетъ новымъ Кіевомъ, въ отличіе отъ древняго, лежащаго на горѣ. «Городъ малолюдный, отъ пяти до шести тысячъ жителей. Обнесенъ деревянными стѣнами съ башнями и окопанъ ничтожнымъ рвомъ, видомъ похожъ на треугольникъ. Замокъ новаго Кіева стоитъ на горѣ, надъ нижнимъ городомъ, а старый Кіевъ возвышается надъ замкомъ. У католиковъ въ городѣ четыре храма. Съ недавнихъ поръ здѣсь поселились іезуиты. Жители греко-россійскаго вѣроисповѣданія владѣютъ десятью храмами. Одинъ изъ нихъ съ университетомъ или академіей, извѣстный подъ именемъ Братской церкви, находится близъ ратуши».

По порученію польскаго правительства, инженеръ Бопланъ выстроилъ крѣпость Кодакъ на Днѣпрѣ у пороговъ. Эта крѣпость была завершеніемъ цѣлаго

ряда притѣснительныхъ мѣръ правительства противъ казаковъ. Но всѣ такія мѣры не только не усмиряли казаковъ, а, напротивъ, возбуждали ихъ ненависть къ притѣснителямъ. Въ этой ненависти поддерживало ихъ и православное духовенство, опиравшееся на нихъ, какъ на вооруженную защиту. Оно же внушало имъ склонность къ единовѣрному Московскому государству. Съ другой стороны, въ это же время особенно развивалось шляхетское хозяйство въ южной Руси. Шляхта захватывала земли и устраивала на нихъ помѣстья или фольварки, закрѣпощая мѣстныхъ жителей и превращая ихъ въ своихъ подданныхъ или хлоповъ. Такъ какъ русское общество стремилось къ единенію съ польскимъ, то среди польскихъ помѣщиковъ было много и русскихъ, перешедшихъ въ католичество и усвоившихъ отношеніе поляковъ къ русскимъ хлопамъ. Ближайшими посредниками между панами и хлопами были арендаторы помѣстій, преимущественно евреи. Являясь представителями пановъ и усердными исполнителями ихъ велѣній, арендаторы тоже не мало отягощали положеніе крестьянъ. Противъ всѣхъ этихъ притѣснителей и возставали хлопы, толпами уходившіе на Низъ въ Запорожскую Сѣчь и лишавшіе фольварки работниковъ. Казацкія полчища этими пришельцами увеличивались и обогащались добычей отъ турецкихъ военныхъ походовъ. Турція не переставала грозить войной Польшѣ. Всѣ эти обстоятельства постоянно создавали разныя тренія, нарушавшія спокойный ходъ государственной жизни Рѣчи-Посполитой.

Усмирителя «наливайковцевъ» Жолкѣвскаго смѣнилъ его тесть Конецпольскій, такой же талантливый полководецъ и такъ же ненавидѣвшій и презиравшій бунтующую русскую чернь. Казацкія волненія усили-

лись вскорѣ послѣ смерти Сагайдачнаго, который сдерживалъ ихъ. Причиной этихъ волненій служило, отчасти, и то, что послѣ смерти Сагайдачнаго наступили усиленныя гоненія на членовъ возстановленной православной іерархіи. Въ концѣ 1624 года нѣкоторые представители кіевскаго городского управленія стали запечатывать въ Кіевѣ православные храмы. На защиту явились съ Низу казаки, которые убили войта или начальника города. Въ слѣдующемъ году на Запорожьѣ образовалась крайняя партія, совершенно отказавшаяся подчиняться польскому правительству и избравшая себѣ отдѣльнаго гетмана. Противъ этой партіи и двинулся Конецпольскій со своими войсками. Не считая выгоднымъ раздражать казаковъ, Конецпольскій обратился къ нимъ сначала съ увѣщаніями. Но взбунтовавшіеся казаки не хотѣли и слышать о какихъ-либо уступкахъ, хотя и видѣли, что дисциплинированное польское войско превосходитъ ихъ какъ вооруженіемъ, такъ и численностью. Въ битвѣ у Курукова озера они потерпѣли пораженіе. Слѣдствіемъ этого пораженія былъ такъ называемый Куруковскій договоръ, втиснувшій въ новыя рамки жизнь казаковъ. По этому договору, казаки не имѣли права предпринимать какіе-либо походы, сухопутные или морскіе, безъ разрѣшенія правительства. Также они не имѣли права входитъ въ сношенія съ иностранными державами, минуя правительство. Послѣднее лишало ихъ окончательно политическихъ правъ и дѣлало простыми подданными Польскаго государства. Кромѣ того, казацкое войско должно было отнынѣ состоять только изъ шести тысячъ казаковъ, которыхъ называли реестровыми, т. е. состоящими въ реестрахъ или спискахъ. Реестровые казаки должны были нести обязанности пограничной стражи, а всѣ остальные воз-

вращались въ прежнее состоянiе, т. е. дѣлались опять городскими мѣщанами или шляхетскими подданными. За казаками оставалось ихъ право самоуправленiя, право пользованiя рыбацкими и звѣриными промыслами, кромѣ того, они получали жалованье отъ правительства.

Самъ [Конецпольскiй считалъ установленный реестръ невозможнымъ. Онъ указывалъ королю, что въ эти шесть тысячъ не войдутъ весьма многiе казаки, воевавшiе уже не одинъ десятокъ лѣтъ и забывшiе даже о томъ состоянiи, въ какомъ когда-то находились. Но правительство считало для себя небезопаснымъ даже и это количество казаковъ.

Пока тогдашнiй гетманъ Михаилъ Дорошенко, преодолѣвая трудности предписанiя, приводилъ его въ исполненiе, у поляковъ началась война со шведами. Всѣ выписанные казаки снова понадобились имъ. Такимъ образомъ опять произошло то, что происходило потомъ не одинъ разъ: установленный реестръ нарушался самимъ правительствомъ.

Одержавъ побѣду надъ шведами, казаки, разлакомившись войной, снова принялись за свои турецкiе и крымскiе походы. Не прекращались попутно и частичныя возстанiя, вслѣдствiе притѣсненiй вѣры и хлоповъ Особенно сильное неудовольствiе возбудили польскiе солдаты, размѣщенные въ окрестностяхъ Кiева. Всюду распространились слухи, что поляки хотятъ вывести православiе и обратить всѣхъ насильно въ римскую вѣру. Предводителемъ новаго возстанiя былъ низовый гетманъ Тарасъ Ѳедоровичъ, по прозвищу Трясило. Конецпольскому и на этотъ разъ удалось усмирить казаковъ и возобновить статьи Куруковскаго договора.

Въ 1632 году реестръ былъ снова нарушенъ са-

мимъ королемъ Владиславомъ, начавшимъ войну съ Москвой, на что онъ никогда не рѣшился бы, если бы не разсчитывалъ на помощь казаковъ. Пятнадцать тысячъ казаковъ способствовали заключенію Поляновскаго мира, по которому Польша получила области Чернигова, Новгородъ-Сѣверска и Смоленска.

Бунты казаковъ, превращавшихся послѣ войны снова въ хлоповъ, не прекращались. Запорожская Сѣчь непрерывно пополнялась новыми пришельцами и все время кипѣла и волновалась. Наконецъ Конецпольскому пришло въ голову отрѣзать Запорожье отъ Украйны. Бопланъ выстроилъ крѣпость Кодакъ, которая отдѣляла Сѣчь, не допуская туда хлоповъ и стѣсняя сношенія ея съ населеніемъ, подвозившимъ казакамъ хлѣбъ, горѣлку и лѣсъ, т. е. все самое необходимое для ихъ жизни. Конечно, казаки не дали времени торжествовать своимъ врагамъ. Не прошло и года, какъ пересталъ существовать ненавистный Кодакъ, связавшій ихъ по рукамъ и ногамъ. Во главѣ нѣсколькихъ тысячъ вольныхъ казаковъ явился нѣкій Самуилъ Сулима, давно уже прославившійся своими походами и на Черномъ и на Средиземномъ морѣ. Онъ взялъ крѣпость, разрушилъ ее, перебилъ солдатъ и разстрѣлялъ крѣпостного начальника, нѣмца Маріэта. Сулима былъ выданъ правительству реестровыми казаками и, конечно, казненъ мучительной казнью. Эта выдача предводителя вольныхъ казаковъ реестровыми указывала на рознь, которую удалось-таки поселить между ними полякамъ.

Кодакъ былъ возстановленъ, послѣдующія казацкія возстанія подавлены. Наступило временное затишье, и снова вступили въ свои права шляхтичи-землевладѣльцы и евреи-арендаторы. Искры вражды и ненависти тлѣлись нѣкоторое время въ душахъ

разоряемыхъ и угнетаемыхъ хлоповъ, чтобы разгорѣться яркимъ пламенемъ и зажечь всю Украйну страшнымъ пожаромъ возстанія 1648 года. Вождемъ этого новаго возстанія казаковъ явился человѣкъ, имя котораго осталось навѣки неизгладимымъ и въ устахъ народа и на страницахъ исторіи.

Центромъ развернувшихся дальше событій было мѣстечко Чигиринъ, неподалеку отъ котораго, на горѣ, надъ рѣчкой Тясминой, пріютился хуторъ казака Хмельницкаго, Субботово. Отецъ Богдана въ молодости служилъ при дворѣ богатаго воеводы чигиринскаго и корсунскаго. Чигиринъ стоялъ тогда на краю русской земли. За нимъ тянулись безконечныя степи, по которымъ паслись табуны дикихъ лошадей и воловъ, а ближе къ морю бродили орды румынъ, турокъ и татаръ со своими стадами овецъ. Ихъ и подстерегали запорожскіе казаки, засѣвшіе на днѣпровскихъ островахъ. Они не пускали ихъ грабить пограничныя украинскія селенія и уводить жителей въ неволю.

Вырастая на этомъ краю крещенаго міра, Богданъ, какъ и всѣ другія казацкія дѣти, съ дѣтства привыкъ презирать опасности. Отецъ его былъ зажиточный человѣкъ и по тому времени достаточно просвѣщенный. Онъ не хотѣлъ оставлять безъ образованія единственнаго сына и послалъ его въ галицкую іезуитскую коллегію. Но не долго учился тамъ Богданъ. Городская жизнь наводила на него тоску, его тянуло на Днѣпръ, въ родныя привольныя степи. Онъ скоро бросилъ школу, ушелъ въ Сѣчь и зажилъ тамъ вольной казацкой жизнью, воюя то съ турками, то съ татарами. Въ одну изъ войнъ поляковъ съ турками онъ попалъ въ плѣнъ и пробылъ въ Турціи два года, послѣ чего былъ обмѣненъ на польскихъ

плѣнниковъ турокъ. Долгое время Богданъ былъ войсковымъ казацкимъ писаремъ. Это была очень важная должность. На войсковомъ писарѣ лежали всѣ дѣла войска. Онъ писалъ всѣ грамоты въ сношеніяхъ казаковъ съ иностранными державами или польскимъ правительствомъ. Будучи писаремъ, Богданъ участвовалъ въ посольствѣ къ королю Владиславу и потому былъ лично ему извѣстенъ.

Получивъ послѣ отца хуторъ Субботово, Хмельницкій женился и жилъ обыкновенной жизнью зажиточнаго казака, пока не столкнулся съ чигиринскимъ подстаростой Чаплинскимъ. Пользуясь обычнымъ произволомъ польской администраціи и шляхты, Чаплинскій отнялъ у Хмельницкаго хуторъ, увезъ жену и засѣкъ до смерти маленькаго сына. Не найдя нигдѣ управы на оскорбившаго и разорившаго его шляхтича, Хмельницкій сталъ жаловаться королю. Нужно сказать, что король Владиславъ вообще заискивалъ у казаковъ, желая съ помощью ихъ затѣять войну съ турками. Но польскій сеймъ не давалъ согласія на эту войну, потому Владиславъ разсчитывалъ, что казаки своими набѣгами вызовутъ на нее турокъ. Говорили, что онъ даже подбивалъ на это казаковъ, обѣщая имъ за то права и вольности. Въ отвѣтъ на жалобу Хмельницкаго, онъ, какъ разсказывали, многозначительно напомнилъ ему о казацкой саблѣ, которой можно отмстить за обиду. Оскорбленный, разоренный и убитый горемъ, Хмельницкій бросился въ Запорожскую Сѣчь. Тамъ онъ нашелъ всегда готовую для возстанія почву, среди товарищей по несчастію, людей, бѣжавшихъ сюда отъ панскаго гнета и произвола.

Прослышавъ про воинственныя приготовленія на Сѣчи, коронный гетманъ Потоцкій послалъ польскихъ

солдатъ и реестровыхъ казаковъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, поймать Хмельницкаго и его помощниковъ. Но казаки перебили въ пути солдатъ и соединились съ запорожскими свояками. Такъ началась великая война за освобожденіе, сопровождаемая съ обѣихъ сторонъ неописуемыми жестокостями и потоками крови.

Хмельницкій пригласилъ на помощь татаръ. Потоцкій расположилъ свои войска въ Черкасахъ, Каневѣ, Корсуни и Богуславѣ—по границѣ Запорожской Сѣчи. По совѣту короля, онъ написалъ Хмельницкому примирительное письмо, снова обѣщая нѣкоторыя льготы казакамъ. Не разсчитывая, однако, на удовлетворительные результаты, онъ продолжалъ готовиться къ бою. Дѣйствительно, Хмельницкій не повѣрилъ обѣщаніямъ и надвигался на поляковъ со своими полчищами казаковъ и татаръ. Въ первой же битвѣ, въ лѣсной болотистой мѣстности, у городка Корсуни на рѣкѣ Роси, польское войско было разбито на голову. Хмельницкій подходилъ съ другимъ отрядомъ къ Бѣлой Церкви въ то время, когда разнеслась вѣсть о смерти Владислава, единственнаго человѣка, который могъ еще имѣть кое-какое вліяніе на него. Онъ все время старался показать, что не выходитъ изъ повиновенія королю и правительству, а мститъ только за свои обиды и за нарушеніе казацкихъ правъ и вольностей. Но подъ его знаменами шли не только казаки, къ нему стекались всѣ хлопы, возставшіе противъ утѣснителей пановъ и евреевъ. Несмѣтныя казацкія полчища гнали тѣхъ и другихъ изъ Украйны съ невыразимымъ звѣрствомъ. Не меньшимъ, впрочемъ, звѣрствомъ отвѣчали грубымъ, невѣжественнымъ казакамъ просвѣщенные польскіе паны-полководцы. Среди такихъ особенно преславился племянникъ

Петра Могилы, перешедшій въ католичество русскій вельможа Іеремія Вишневецкій. Какъ частоколомъ уставлялъ онъ дороги колами съ корчившимися на нихъ бунтовщиками. Имя «Яремы» было пугаломъ для жителей всѣхъ селеній, гдѣ проходилъ онъ, отмѣчая путь заревомъ пожаровъ и грудами труповъ. А навстрѣчу шли казаки, очищая Украйну отъ ненавистныхъ поработителей. Уже въ половинѣ лѣта 1648 года были очищены такимъ образомъ воеводства Кіевское, Черниговское и Брацлавское. Затѣмъ поднялись Подолія, Волынь и Галицкая Русь. Въ то же время въ мѣстечкѣ Пилявцахъ должно было быть новое сраженіе польскихъ войскъ съ казаками. Но здѣсь произошло что-то необъяснимое. Увидѣвъ татаръ среди казаковъ, поляки поддались паникѣ и обратились въ бѣгство безъ боя, бросивъ все свое вооруженіе и всѣ богатства въ лагерѣ. Хмельницкій захватилъ еще нѣсколько городовъ и направился къ Львову, жители котораго дали ему богатый выкупъ.

Между тѣмъ шли выборы новаго короля. Хмельницкій принялъ въ нихъ участіе и выразилъ желаніе свое и казаковъ, чтобы былъ выбранъ братъ покойнаго Владислава, Янъ-Казиміръ. Говорятъ, что послѣдній еще до избранія прислалъ Хмельницкому письмо. Онъ обѣщалъ ему прекратить войну, не мстить ни ему, ни запорожскому войску и подкрѣпить казацкія вольности. Послѣ избранія онъ прислалъ казацкому вождю грамоту, которая окончательно обнадежила его. «Начиная счастливо наше царствованіе», писалъ онъ, «по примѣру предковъ нашихъ, пошлемъ булаву и хоругвь нашему вѣрному войску запорожскому, пошлемъ въ ваши руки, какъ старшаго вождя этого войска, и обѣщаемся возвратить давнія рыцарскія вольности ваши. Что же ка-

сается смуты, которая до сихъ поръ продолжалась, то сами видимъ, что произошла она не отъ войска запорожскаго, но по причинамъ, въ грамотѣ вашей означеннымъ». Обѣщая исполнить требованія Хмельницкаго, король предписывалъ ему распустить чернь и отослать татаръ. Но паны, узнавъ о милостяхъ короля Хмельницкому и казакамъ, возмутились. Они грозили, что вся Рѣчь Посполитая выступитъ противъ казаковъ и хлоповъ и будетъ мстить имъ за униженіе и разореніе. Кромѣ того, польскіе паны были недовольны назначеніемъ на воеводство въ Кіевѣ Адама Киселя, русскаго и православнаго шляхтича.

Какъ бы то ни было, но война на время прекратилась, и въ январѣ 1649 года Хмельницкій торжественно въѣхалъ въ Кіевъ. Во время въѣзда около него ѣхали казацкіе полковники въ золотѣ и серебрѣ, захваченномъ у поляковъ, несли польскія хоругви и всякую другую военную добычу. Въ церквахъ звонили въ колокола, духовенство шло навстрѣчу съ крестами, въ сопровожденіи всего состава академіи и громадной толпы народа. Хмельницкаго воспѣвали въ стихахъ и прославляли въ привѣтственныхъ рѣчахъ, сравнивали его съ Моисеемъ, освободившимъ евреевъ изъ тьмы египетской. Бывшій въ это время въ Кіевѣ іерусалимскій патріархъ Паисій величалъ его княземъ Руси, главой независимаго Украинскаго государства.

Всѣ эти прославленія и рѣчи навели Хмельницкаго на мысли, которыхъ не было у него, когда онъ шелъ мстить за свою личную обиду и отстаивать права и вольности казаковъ. Теперь только пришла ему въ голову мысль объ освобожденіи всей Украйны отъ польскаго порабощенія. Теперь онъ увидѣлъ, что эта задача не только не выполнена, но что для нея

упущено настоящее время. И вотъ, во время торжествъ въ городѣ и молитвъ въ православныхъ храмахъ, виновникъ всего этого былъ одинъ мраченъ и задумчивъ. Онъ ворожилъ у колдуновъ и колдуній и проговаривался о своихъ мечтахъ во время казацкаго разгула.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Продолженіе освободительныхъ войнъ.—Обращеніе къ Москвѣ.— Малороссія и старая Украйна послѣ смерти Хмельницкаго.— Разореніе.

Не трудно было возбудить къ войнѣ не успокоившееся еще населеніе, тамъ и сямъ вступавшее въ мелкія стычки съ польскими солдатами. Война возобновилась, но на этотъ разъ счастье и удача отвернулись отъ казаковъ и ихъ вождя. Въ первомъ же крупномъ сраженіи подъ мѣстечкомъ Зборовомъ татары были подкуплены поляками и измѣнили союзникамъ. Ханъ сталъ настаивать на мирѣ, Хмельницкому пришлось уступить, чтобы не потерпѣть пораженія. Въ августѣ 1649 года былъ заключенъ такъ называемый Зборовскій договоръ. Для казацкихъ поселеній отводились по этому договору воеводства Кіевское, Черниговское и Брацлавское. Сюда совершенно не допускались евреи, а іезуиты могли жить только въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было православныхъ школъ, чтобы не имѣли возможности вмѣшиваться въ воспитаніе православнаго юношества. Шляхтичи-землевладѣльцы возвращались въ свои помѣстья. Всѣ должности въ указанныхъ воеводствахъ должны были замѣщаться исключительно православными рус-

скими. Казакамъ, поселившимся здѣсь, предоставлялось полное самоуправленіе, во главѣ съ выборнымъ гетманомъ, подчиненнымъ непосредственно королю. Число реестровыхъ казаковъ доводилось до сорока тысячъ, остальные казаки возвращались къ своимъ панамъ. Участвовавшія въ возстаніи Волынь и Подолія оставались въ прежнемъ подчиненіи Польшѣ.

Нечего было и думать о томъ, чтобы такія условія успокоили и удовлетворили казаковъ. Главнымъ неисполнимымъ пунктомъ было, конечно, возвращеніе пановъ-землевладѣльцевъ и подчиненіе имъ не вошедшихъ въ реестръ казаковъ или хлоповъ, участвовавшихъ въ возстаніи и очищавшихъ Украйну отъ тѣхъ же пановъ. Хмельницкому, какъ повелителю Украйны, приходилось защищать пановъ отъ насилій хлоповъ, но заставить послѣднихъ работать попрежнему онъ не могъ.

Общее недовольство усиливалось еще и голодомъ, наступившимъ послѣ войны въ разоренныхъ областяхъ. Въ Подоліи и Волыни положеніе было еще хуже, такъ какъ тамъ хлопы были беззащитны, и паны свободно вымещали на нихъ свою злобу. Не было довольно условіями договора и польское правительство, считая ихъ унизительными для государства. Вернувшіеся изъ плѣна гетманы Калиновскій и Потоцкій мечтали о мести казакамъ.

Все это подготовляло почву къ новой войнѣ, и Хмельницкій искалъ союзниковъ. Прежде всего онъ обратился къ Москвѣ. Но такъ какъ тамъ медлили съ согласіемъ, онъ сталъ искать покровительства у турецкаго султана. Султанъ принялъ казаковъ подъ свою руку и запретилъ крымскому хану вступать въ союзъ съ Польскимъ государствомъ.

Военныя дѣйствія открылись въ 1651 году. Въ

Польшѣ снова было объявлено «посполитое рушеніе», т. е. всеобщее ополченіе. Первое сраженіе подъ Берестечкомъ опять кончилось полной неудачей для казаковъ. Въ самый разгаръ битвы скрылся съ поля отрядъ татаръ и увлекъ за собой Хмельницкаго. Лишенное предводителя и союзниковъ, казацкое войско растерялось и частію было перебито поляками, а частію погибло въ непроходимыхъ трясинахъ и болотахъ. Въ это же время литовскій гетманъ Радзивиллъ завладѣлъ Кіевомъ, разорилъ и сжегъ много церквей и монастырей и перебилъ жителей. Вернувшійся Хмельницкій не рѣшился продолжать войну и согласился на заключеніе новаго договора въ Бѣлой Церкви. Конечно, поляки воспользовались своей побѣдой, чтобы измѣнить условія Зборовскаго договора. Теперь количество реестровыхъ казаковъ было опредѣлено только уже въ двадцать тысячъ и для поселенія они получили только одно Кіевское воеводство. Казацкое самоуправленіе было ограничено, казацкій гетманъ былъ поставленъ въ зависимость отъ польскаго короннаго гетмана. Условія договора не могли удовлетворить казаковъ, особенно тѣхъ, которымъ предстояло опять превратиться въ хлоповъ и вернуться на издѣвательство къ своимъ панамъ.

Въ это время особенно усилилось начавшееся еще раньше переселеніе украинцевъ за границы Московскаго государства, на лѣвую сторону Днѣпра. Большая часть казаковъ, не попавшихъ въ реестръ, скрылись туда, другіе разсыпались по Запорожской Сѣчи, разнося неудовольствіе противъ поляковъ и самого Богдана Хмельницкаго. Московское правительство радушно принимало переселенцевъ и даже помогало имъ обзаводиться на новыхъ земляхъ. Такъ образовались въ предѣлахъ Московскаго государства ка-

зацкія поселенія или слободы, изъ которыхъ выросли потомъ города и мѣстечки, какъ Харьковъ, Сумы, Лебедянь, Ахтырка, Короча и друг. Польская пограничная стража не могла остановить переселеніе, казаки отбивались отъ нея силою. И вырастала новая Украйна въ то время, какъ старая не переставала волноваться и вести распри съ Польшей и самимъ старымъ гетманомъ. Хмельницкій тоже принималъ жестокія мѣры противъ зачинщиковъ возстаній противъ него. Уже нѣсколько было предано смертной казни. Волненія не утихали, Кіевское воеводство страдало отъ постоянныхъ войнъ и разорялось, Кіевъ снова лежалъ на половину въ развалинахъ.

Хмельницкій все время обдумывалъ планъ новой войны, хлопоча о надежномъ союзникѣ и покровителѣ. Москва все еще не рѣшалась опредѣленно выступать противъ Польши, потому Хмельницкій задумывалъ союзъ съ молдавскимъ господаремъ, къ дочери котораго сватался его сынъ. Съ 1652 года война возобновилась и тотчасъ же съ обѣихъ сторонъ начали проявляться еще большія жестокости, чѣмъ въ предыдущія столкновенія. Умершаго Іеремію Вишневецкаго смѣнилъ полякъ Стефанъ Чарнецкій, отличавшійся горячей любовью къ Польшѣ и непомѣрной кровожадностью въ отношеніи къ врагамъ. Истребляя все по пути въ Украйнѣ, онъ наткнулся, наконецъ, на серьезный отпоръ, который далъ ему казацкій отрядъ, подъ предводительствомъ Богуна. Въ битвѣ подъ Монастырищемъ Чарнецкой былъ раненъ, а войско его разбѣжалось, напуганное слухомъ о приближающихся татарахъ. Послѣ этого король сталъ самъ во главѣ войска. Войско расположилось на берегу Днѣстра, противъ города Хотина, у мѣстечка Жванца. По обыкновенію, въ польскомъ войскѣ былъ

сильный безпорядокъ. Хмельницкій могъ бы безъ труда одержать надъ нимъ верхъ, если бы снова не измѣнили ему въ важную минуту его вѣроломные союзники татары. Опять принудили они его заключить миръ съ поляками. Новый договоръ подтвердилъ статьи Зборовскаго. Вдобавокъ къ этой непріятности, татары, въ награду за союзничество, опустошили и безъ того уже разоренную и почти обезлюдѣвшую Украйну хищническими набѣгами.

Богданъ Хмельницкій.

Невесело было возвращаться Хмельницкому въ Чигиринъ. Его горе было усугублено еще и личнымъ несчастіемъ—потерей сына, женившагося на дочери молдавскаго господаря и вскорѣ послѣ этого умершаго отъ раны. Но черезъ нѣкоторое время надежды его на освобожденіе Украйны отъ Польши опять оживились. Въ Чигиринъ прибыло московское посольство, сообщившее о готовности государя Алексѣя Михайловича принять подъ свое покровительство Украйну. Въ январѣ собралась общая казацкая рада въ Переяславлѣ. Гетманъ вышелъ на площадь въ парадной одеждѣ, прикрытый бунчукомъ, за нимъ шла вся украинская старшина. Въ своей рѣчи къ собравшемуся народу Хмельницкій предложилъ ему избрать государя изъ четверыхъ: турецкій султанъ, крымскій ханъ, польскій король и православный царь Великой Руси, царь восточный. «Избирайте, кого хотите.

Царь турецкій бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья православные христіане греки и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ. Хотя мы по нуждѣ и свели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ не надобно вамъ и сказывать, сами знаете! А православный христіанскій царь восточный одного съ нами греческаго благочестія, одного исповѣданія; мы съ православіемъ Великой Руси едино тѣло церкви, имѣющее главой Іисуса Христа». Тысячи голосовъ отвѣтили: «Волимъ подъ царя восточнаго православнаго! Лучше намъ умереть въ нашей православной вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганину!» Потомъ начали читать условія, на которыхъ Украйна должна была соединиться съ Москвой. Главными изъ нихъ были: во-первыхъ, цѣлость и нераздѣльность области Украйны по обѣ стороны Днѣпра. На правой сторонѣ въ эту область должны были входить воеводство Кіевское и части воеводствъ Подольскаго и Волынскаго. Затѣмъ, Украйна должна имѣть: право собственнаго управленія, независимаго отъ царскихъ чиновниковъ, право собственнаго законодательства и судопроизводства, право избирать гетмановъ и чиновниковъ вольными голосами, право принимать пословъ и сноситься съ иноземными государями; сохраненіе прежнихъ правъ городовъ, неприкосновенность личныхъ правъ сословій: шляхетскаго, духовнаго, мѣщанскаго, казацкаго и посполитаго (народнаго); неприкосновенность имуществъ, умноженіе реестроваго войска до 60000, жалованье казакамъ изъ мѣстныхъ доходовъ, когда эти доходы опредѣлятся. Украйна, съ своей стороны, обязыва-

лась платить своему государю дань, но безъ вмѣшательства московскихъ сборщиковъ, а также помогать царю войсками на войнахъ, а царь долженъ былъ защищать ее и совершенно освободить отъ притязаній Польши.

Условія пришлись всѣмъ по вкусу, и, послѣ произнесенія рѣчи главнымъ московскимъ посломъ Бутурлинымъ, рада разошлась, а гетманъ поѣхалъ въ соборъ для принесенія присяги новому государю. Но здѣсь произошло первое недоразумѣніе, за которымъ слѣдовали потомъ и другія. Гетманъ предложилъ посламъ присягнуть за своего государя въ томъ, что «его величество, великій государь, не нарушитъ нашихъ правъ, даруетъ намъ на права наши и имущества грамоты и не выдастъ насъ польскому королю». «Никогда не присягнемъ мы за своего государя, отвѣчали послы: да гетману и говорить о томъ непристойно: подданные должны дать вѣру своему государю, который не оставитъ ихъ жалованьемъ, будетъ оберегать отъ недруговъ, не лишитъ правъ и имѣній вашихъ». «Мы поговоримъ объ этомъ съ полковниками и со всѣми людьми», отвѣчалъ гетманъ и вышелъ изъ церкви. Пришедшіе затѣмъ въ церковь полковники также требовали присяги. Послы отказались наотрѣзъ. Хмельницкому невыгодно было ссориться въ настоящее время съ московскими послами и онъ, вмѣстѣ съ старшинами, присягнулъ въ вѣчномъ подданствѣ царю отъ всей Украйны, въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она была поставлена Зборовскимъ договоромъ.

Послѣ этого послы отправили стольниковъ и стряпчихъ по всѣмъ городамъ и полкамъ Украйны для приведенія жителей къ присягѣ, а сами отправились въ знатнѣйшіе города: Кіевъ, Нѣжинъ и Чер-

ниговъ. 14 января въѣхали они въ Кіевъ. Кіевскіе казаки встрѣтили ихъ съ девятью распущенными знаменами, за десять верстъ отъ города. Они пристали къ посламъ и открыли торжественное шествіе. За казаками вели двѣнадцать царскихъ лошадей турецкой породы, въ златоглавыхъ чепракахъ, которые волочились по землѣ. На нихъ лежали вышитыя золотомъ сѣдла. За ними шелъ полкъ дѣтей боярскихъ, одѣтыхъ въ собольи шубы; за ними еще рядъ турецкихъ лошадей, которыхъ сбруя сверкала золотомъ и жемчугомъ и между ними несли четыре знамени, удивлявшихъ своей огромностью и искусно вышитыми на нихъ изображеніями: на одномъ былъ вышитъ левъ, на другомъ единорогъ, на третьемъ и на четвертомъ морская рыба съ дѣвичьимъ лицомъ. Позади всѣхъ ѣхали послы. Процессія слѣдовала къ Золотымъ воротамъ и версты за полторы была встрѣчена духовенствомъ.

Митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, но, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ духовенствомъ, рѣшительно отказался принести присягу московскому царю. Онъ боялся, что, при соединеніи Украйны съ Московскимъ государствомъ, ему придется подчиниться московскому патріарху. Послы привели къ присягѣ казаковъ и горожанъ. Немедленно вслѣдъ за отбытіемъ посольства, въ Кіевѣ водворился московскій воевода съ сильнымъ гарнизономъ, и вскорѣ была построена новая крѣпость. Эти первые шаги московскаго правительства уже разочаровали гетмана и другихъ украинскихъ патріотовъ. Они увидѣли въ нихъ первое нарушеніе самостоятельности ихъ родины. Хмельницкій, между тѣмъ, ожидая мести со стороны поляковъ, немедленно разослалъ универсалъ всей старшинѣ: «Панове полковники, сотники

и вся атаманія войска Запорожскаго и городового. Добраго здоровья вамъ желаю отъ Бога и учиняю вамъ извѣстнымъ, чтобы вы были осторожны въ замкахъ и исполняли воинскія обязанности по обычаю, какъ сами знаете. Чтобы у васъ пороха, свинца, борошна и всякаго продовольствія было довольно, потому что я съ королемъ лядскимъ мира не постановилъ, и вы непріятелей нашихъ ляховъ бейте, если они посмѣютъ нападать на насъ, а царь московскій, сражаясь за вѣру, будетъ помогать вамъ. Препоручаю васъ Господу Богу».

Въ томъ же 1655 году московскій царь началъ войну съ Польшей изъ-за Малороссіи. Успѣху русскихъ содѣйствовала Швеція, напавшая на Польшу съ другой стороны. Скоро Польское государство было разобрано. Русскіе захватили Литву и Южную Русь по Львовъ и Люблинъ, а шведы сѣверную часть. Поляки, видя неминуемую гибель, прибѣгли къ хитрости. Они пообѣщали царю Алексѣю Михайловичу избрать его на польскій престолъ и тѣмъ склонили его къ миру съ собой и къ войнѣ съ Швеціей. Онъ заключилъ миръ въ Вильнѣ, удержавъ за собой Малороссію и Бѣлоруссію. Хмельницкій, радовавшійся пораженію исконнаго врага Украйны, Польши, негодовалъ на виленскій миръ, заключенный такъ не вò-время. Онъ зналъ, что пока Польша существуетъ, она не оставитъ своихъ притязаній на Украйну. Что же касается Московскаго государства, то, какъ онъ думалъ, тамъ больше соблюдали свои выгоды, чѣмъ заботились о пользѣ Украйны. Онъ присоединился къ недовольству духовенства и старшины и началъ строить планы новыхъ союзовъ. Онъ входилъ даже въ переговоры съ Швеціей, бывшей во враждебныхъ отношеніяхъ съ Москвой, и не отказывался слушать

поляковъ, снова обѣщавшихъ казакамъ всѣ права и вольности, если они вернутся къ нимъ. Отъ огорченій и непріятностей старый гетманъ расхворался и умеръ въ 1657 году, оставивъ родину далеко не успокоенной.

Послѣ его смерти въ Украйнѣ поднялись раздоры партій, окончательно разорившіе ее. Одни тянули несчастную страну къ Польшѣ, другіе къ Москвѣ, третьи къ Турціи. Такъ метались изъ стороны въ сторону гетманы и старшины, хотя большинство изъ нихъ явно склонялись къ Польшѣ, ожидая отъ нея большей свободы, чѣмъ отъ Москвы. Что же касается казаковъ и простого народа, то они симпатизировали Москвѣ, какъ единовѣрному государству, и, кромѣ того, надѣялись, что она избавитъ ихъ отъ произвола шляхты. При этомъ, друзья Москвы жили преимущественно на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ новой Украйнѣ или Малороссіи, а друзья Польши въ старой Украйнѣ, на правомъ берегу Днѣпра.

Ближайшій преемникъ Хмельницкаго Выговскій склонился на предложеніе польскаго правительства и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому казаки присоединялись къ Польшѣ, какъ «вольные къ вольнымъ и равные къ равнымъ». Украйна, по этому договору, дѣлалась союзнымъ съ Польшей государствомъ и должна была пользоваться самоуправленіемъ со своимъ сеймомъ, судебнымъ трибуналомъ, должностными лицами изъ мѣстныхъ уроженцевъ, съ полной свободой православія и народнаго образованія. Съ помощью старыхъ союзниковъ татаръ, Выговскій разбилъ московское войско при Конотопѣ. Но побѣда эта не принесла никому пользы, такъ какъ приверженцы Москвы едва не убили Выговскаго, смотря на его соглашеніе съ поляками, какъ на из-

мѣну русскому народу и православію. Измѣнилъ также Москвѣ и сынъ Хмельницкаго Юрась, выбранный на гетманство послѣ Выговскаго. Вслѣдствіе этой измѣны, московскія войска снова потерпѣли пораженіе отъ польскихъ. Послѣ этого пораженія правобережная Украйна отпала отъ Москвы и управлялась нѣкоторое время отдѣльнымъ гетманомъ. Эта вторая война Москвы съ Польшей кончилась въ 1667 году Андрусовскимъ перемирьемъ. По Андрусовскому договору, за Москвой оставался Смоленскъ, лѣвобережная Украйна и на два года Кіевъ. Весь правый берегъ Днѣпра снова принадлежалъ Польшѣ.

Многіе украинцы горевали о раздѣленіи Украйны и мечтали о соединеніи ея подъ какимъ-нибудь новымъ покровительствомъ. Одинъ изъ такихъ былъ правобережный гетманъ Дорошенко. Въ 1672 году онъ обратился къ турецкому султану и призвалъ его на помощь. Султанъ разорилъ и Польшу и правобережную Украйну.

Между тѣмъ, Москва вводила мало-по-малу свои обычаи и порядки въ подчиненной ей Малороссіи. Воеводы злоупотребляли своей властью, оказывая полное пренебреженіе къ правамъ казаковъ и всего населенія. Московскій патріархъ явно стремился къ подчиненію себѣ южно-русской церкви. Все это настолько усиливало общее недовольство московскимъ правительствомъ, что оно стало распространяться и среди жителей лѣваго берега. Вліянію Дорошенка подчинился сначала гетманъ Брюховецкій, до тѣхъ поръ вѣрнѣйшій слуга московскаго правительства, а затѣмъ и его преемникъ Многогрѣшный. Но въ то же время нашествіе приглашенныхъ Дорошенкомъ турокъ привело въ такой ужасъ жителей разоренной и выжженной правобережной Украйны, что оно толпами

стало переселяться за Днѣпръ. Въ скоромъ времени Дорошенку оставалось гетманствовать въ пустынѣ или присягнуть московскому царю, что онъ и сдѣлалъ.

Теперь Москвѣ приходилось выцарапывать правобережную Украйну изъ рукъ Турціи, и при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ началась война съ нею. Война была неудачна для русскихъ. Послѣ Бахчисарайскаго мира (1681) правобережная Украйна, къ югу отъ Кіева, все-таки осталась за Турціей, которая передала ее молдавскому господарю. Наконецъ, еще черезъ пять лѣтъ Москва заключила вѣчный миръ съ Польшей и вступила съ ней въ союзъ противъ Турціи. Двадцати пяти лѣтъ не прошло еще со смерти «батьки Богдана», а правобережная Украйна, за которую онъ боролся, особенно воеводства Подольское и Брацлавское и большая часть Кіевскаго, превратилась въ сплошныя развалины и почти безлюдную пустыню. Турецкій гарнизонъ стоялъ въ Каменцѣ и сторожилъ разоренную и опустѣвшую страну, когда-то богато населенную и радовавшую взоры привѣтливой красотой плодородныхъ полей и пышныхъ садовъ. Какъ во времена Батыя, прекратилось торговое движеніе, заросли дороги и заглохли пути, оживляемые въ прежнее время многочисленными караванами.

Но какъ только возстановилось здѣсь хотя и это грустное затишье, снова потянулись на старое пепелище прежніе жители съ лѣваго берега или изъ Малороссіи, какъ опредѣленно называлась теперь эта сторона въ отличіе отъ правобережной Украйны. Гетманомъ Малороссіи былъ въ то время Самойловичъ. Какъ и многимъ другимъ украинскимъ патріотамъ, ему не нравилось заключеніе Бахчисарайскаго мира съ Турціей, и такъ же, какъ они, не могъ онъ

примириться съ фактомъ вѣчнаго мира съ Польшей. Открыто высказываемое неудовольствіе подвело его подъ гнѣвъ московскаго правительства и погубило. Не мало способствовалъ этой гибели и преемникъ Самойловича Мазепа, давно добивавшійся гетманства. Онъ былъ избранъ на радѣ 1687 года.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Внутреннее и внѣшнее состоянiе Кiева при переходѣ украинцевъ въ московское подданство. — Братская школа и ея ученики. — Заботы Мазепы о школѣ и кiевскихъ церквахъ и монастыряхъ.—Отношенiе народа и казаковъ къ старшинѣ и Мазепѣ.—Дружба Мазепы съ Петромъ Великимъ.—Посѣщенiе Кiева Петромъ.—Великая Сѣверная война.—Успѣхи шведовъ и замыслы казаковъ и Мазепы о переходѣ на ихъ сторону.—Окончательная измѣна Мазепы.—Полтавская битва и смерть Мазепы.—Посѣщенiе Кiева Петромъ.—Бѣдствiя Кiева.

Въ печальномъ видѣ былъ Кiевъ, когда перешелъ отъ польскаго правительства къ московскому, и перемѣна не облегчила его положенiя. Московскiе воеводы, смѣнившiе польскихъ войтовъ и воеводъ, не меньше ихъ притѣсняли и обирали жителей, тормозили торговлю и нарушали спокойный ходъ жизни. Не больше ихъ заботились они и о внѣшнемъ видѣ города и благосостоянiи его жителей. Исправивъ земляные окопы древняго Кремля или Верхняго малаго города, какъ его тогда называли, новые правители сосредоточили здѣсь главное военное и гражданское управленiе. Вмѣстѣ съ Софiйской частью, или Верхнимъ большимъ городомъ, обѣ части составляли одну крѣпость. Весь Кiевъ въ это время

имѣлъ видъ жалкаго, малолюднаго селенія, съ полуразрушенными частными и общественными зданіями. Особенно грустное впечатлѣніе производилъ Подолъ, населенный бѣднымъ торговымъ и ремесленнымъ людомъ.

Хотя городу было оставлено его самоуправленіе по прежнему Магдебургскому праву, но, очевидно, оно нарушалось московскими правителями, такъ какъ мѣщане обращались по этому поводу съ челобитной къ царю Алексѣю Михайловичу. На челобитную послѣдовало правительственное распоряженіе, въ которомъ, между прочимъ, были такіе параграфы: «ихъ же бы мѣщанъ воеводъ не судить, а судиться имъ по своимъ правамъ въ ратушѣ, и кому не полюбится ѣхать къ Москвѣ». Одинъ изъ слѣдующихъ затѣмъ параграфовъ указываетъ на притѣсненія, которые чинили московскіе люди мѣстнымъ торговцамъ: «кіевскимъ мясникамъ и рыбникамъ торговать въ Нижнемъ городѣ (на Подолѣ) на старомъ мѣстѣ, а русскимъ (ратнымъ) бы людямъ торговать въ Верхнемъ городѣ (на старомъ Кіевѣ, въ крѣпости), а не съ ними вмѣстѣ». Затѣмъ, гетманъ Мазепа универсаломъ отъ 1689 года запретилъ кіевскому полковнику вмѣшиваться въ права городскаго магистрата. Въ это время въ Кіевѣ принимались уже письма для разсылки ихъ почтой, которую царь Алексѣй Михайловичъ началъ вводить въ Малороссіи, начиная съ 1669 года. Конечно, это нововведеніе должно было способствовать развитію культурной жизни края.

Знаменитая Братская школа, совершенно разоренная поляками, во время войнъ Богдана Хмельницкаго, возродилась въ 1673 году, благодаря стараніямъ духовенства и гетмановъ. Ученики не замедлили появиться, и число ихъ постоянно увеличивалось.

Такъ какъ монастырь обѣднѣлъ, и средствъ его не хватало на содержаніе школьниковъ, то имъ приходилось прибѣгать къ сбору доброхотныхъ даяній. Часть учениковъ жила въ бурсѣ и Братскомъ монастырѣ, а самыхъ бѣдныхъ размѣщали по церковно-приходскимъ школамъ. За исполненіе разныхъ мелкихъ церковныхъ службъ они получали отъ прихожанъ пособіе пищей и дровами. Кромѣ того, младшіе ученики занимались миркованіемъ, т. е. пѣли въ обѣденное время подъ окнами обывателей стихи, съ пожеланіями мира въ домѣ и въ сердцахъ обитателей его; старшіе ходили вечеромъ по городу и пѣли у воротъ разные канты. Въ праздники Рождества или Пасхи избранные ученики носили по домамъ звѣзду или вертепъ, т. е. раекъ, въ которомъ куклы изображали Рождество Христово или Воскресеніе. Во время лѣтнихъ вакацій составлялись артели для сбора подаяній. Участники артелей также занимали народъ разными представленіями, пѣніемъ и декламаціей. Лучшіе ученики нанимались въ репетиторы за содержаніе къ шляхетскимъ дѣтямъ. Но, очевидно, всѣ эти средства были

Академія и студенты.
(Съ гравюры XVIII вѣка).

недостаточны для пропитанія школьниковъ. Многіе изъ нихъ голодали и не пренебрегали даже мелкимъ воровствомъ для утоленія голода. У лѣтописцевъ того времени можно встрѣтить живописныя изображенія страха и смятенія, съ какимъ укрывали торговцы и торговки свои товары, когда школьники выходили на прогулку по кіевскимъ базарамъ.

Время гетманства Мазепы было временемъ наибольшого развитія и расцвѣта Братской школы. Въ 1694 году московское правительство признало за ней титулъ и права академіи. Мазепа отстроилъ заново зданіе академіи и братскую церковь Богоявленія. Академія стала пополняться шляхетскими дѣтьми и до половины XVIII вѣка была высшей школой для современнаго украинскаго общества. По ея образцу основывались школы не только въ украинскихъ городахъ, но и великорусскихъ, со временемъ многіе воспитанники ея занимали высшія духовныя должности въ Москвѣ. Мазепа покровительствовалъ также и православной церкви, которая еще при гетманѣ Самойловичѣ и при его содѣйствіи перешла въ подчиненіе къ московскому патріарху. До сихъ поръ стоитъ каменная ограда, которую построилъ Мазепа въ Печерской лаврѣ. Въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ онъ выстроилъ церковь св. Николая, обращенную впослѣдствіи въ военный соборъ. Вообще, онъ не жалѣлъ личныхъ средствъ на поддержку церквей и монастырей въ Украйнѣ. Не оставлялъ онъ также безъ вниманія издательскаго дѣла и литературы того времени. Между прочимъ, онъ оказалъ покровительство старцамъ Печерскаго и Николаевскаго монастырей, направивъ ихъ въ Москву для поднесенія государямъ книгъ «Вѣнецъ Христовъ» и «Вѣнецъ отъ цвѣтовъ духовнаго винограда Печерскаго». Всѣ

эти заслуги Мазепы передъ религіей и культурой страны не оставались незамѣченными украинскимъ обществомъ и духовенствомъ того времени. Но двойственность его политики, по отношенію къ Московскому государству да и къ самой Малороссіи, а особенно измѣна его во время войны заглушили многое хорошее, сдѣланное имъ прежде, и навѣки предали его личность порицанію.

Эта же двойственность въ поведеніи Мазепы, его заискиваніе вначалѣ передъ московскимъ правительствомъ, высокомѣрное отношеніе къ подчиненнымъ и репутація «чужого ляха, католика» возбуждали, еще задолго до измѣны, антипатію и недовѣріе къ нему въ простомъ народѣ. Даже среди казаковъ, къ которымъ онъ стоялъ ближе всего, не пользовался онъ ни уваженіемъ, ни любовью. Послѣднему особенно способствовало обстоятельство, общее всей казацкой старшинѣ того времени. Желая расположить въ свою пользу старшинъ послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго, московское правительство раздавало имъ очень много земель въ Малороссіи. Незамѣтнымъ образомъ, старшина заступила мѣсто польскихъ пановъ. Къ подареннымъ имъ участкамъ они прибавляли еще и захваченные самовольно. Постепенно они вводили въ этихъ земляхъ панщину, т. е. обработку полей при помощи дарового крестьянскаго труда. И казаки, вернувшіеся къ своимъ хозяйствамъ, снова стали убѣгать въ Запорожскую Сѣчь отъ притѣсненія новыхъ помѣщиковъ—собственныхъ старшинъ. Старшины боролись съ этимъ стремленіемъ мужиковъ въ казаки, желая удержать ихъ у себя въ подданствѣ. А Мазепа, повинный во всемъ этомъ, запретилъ еще жителямъ вести торговлю съ Сѣчью. Сѣчь опять зашевелилась, и появились новые вожаки бунтующихъ казаковъ.

Воспитанный въ Польшѣ и проведшій молодость среди польскихъ аристократовъ при дворѣ короля, Мазепа отличался утонченными свѣтскими манерами и вкрадчивостью, помогавшими ему обвораживать нужныхъ людей. Въ гетманы онъ прошелъ еще въ правленіе въ Москвѣ царевны Софьи, при содѣйствіи сильнаго человѣка того времени Голицына. При воцареніи Петра, онъ сумѣлъ понравиться и ему съ перваго знакомства, несмотря на цѣлый рядъ доносовъ на его приверженность къ Польшѣ, начавшихся еще при царевнѣ Софьѣ. Этой симпатіи царя не помѣшало также и участіе Мазепы въ неудачномъ походѣ Голицына на Крымъ. Усмиреніемъ возстанія запорожцевъ и успѣшными походами на татаръ и турокъ, Мазепа еще больше завоевалъ расположеніе Петра. Казаки много помогли царю и при взятіи турецкаго города Азова, и гетманъ былъ награжденъ за хорошій подборъ войска и удачный выборъ начальниковъ. Въ 1700 году онъ былъ приглашенъ въ Москву и получилъ тамъ орденъ Андрея Первозваннаго за покореніе пяти турецкихъ городовъ. Кромѣ того, онъ самъ выпросилъ у царя отдать въ его гетманское владѣніе городъ Новоборскъ со всѣми жителями, исключая служилыхъ царскихъ солдатъ, которыхъ постановили вывести въ другіе города. Въ благодарность, гетманъ обѣщалъ правительству принимать мѣры для прекращенія побѣговъ украинцевъ въ запорожскія степи и для усмиренія своевольныхъ казаковъ.

Запорожцевъ особенно раздражала въ то время постройка города около Сѣчи. Гетманъ запрещалъ имъ мѣшать царскимъ рабочимъ, но въ отвѣтъ на это запрещеніе кошевой атаманъ прислалъ такое письмо на имя царя отъ всего товарищества: «Объявляемъ вашему царскому величеству всѣ мы единогласно,

что совершенно не хотимъ онаго города близь насъ на Днѣпрѣ имѣть и камня на строеніе брать не дозволимъ. Еще и города не выстроили, а мы уже терпимъ убытки и неправды въ вольностяхъ нашихъ, чего напредь сего ни отъ кого не видали по даннымъ намъ монархами грамотамъ. Теперь же дознались напустнаго утѣсненія товариству нашему, ходящему для своихъ добычъ и промысловъ. Мы на бои противъ бусурманъ по вашему царскому указу идти всегда готовы, а города строить не позволяемъ». Запорожцевъ разжигали и татары, для которыхъ тоже не были выгодны лишнія московскія укрѣпленія на Днѣпрѣ.

Въ то же время ухудшались и отношенія населенія къ великороссійскимъ ратнымъ людямъ, всячески утѣснявшимъ его. «Не такъ страшны запорожцы и татары, — писалъ Мазепа въ Москву: — страшнѣе намъ малороссійскій народъ: весь онъ своевольнымъ духомъ дышитъ; никто не хочетъ быть подъ тою властью, подъ которой пребываетъ». Когда началась война съ Швеціей, царь сталъ требовать постоянной высылки казаковъ на сѣверъ государства. «И казаки и поселяне,—писалъ опять Мазепа,—всѣ злобятся на меня, всѣ кричатъ въ одно: пропадать намъ до конца и сгубятъ насъ москали. У всѣхъ одна мысль уходить за Днѣпръ, и можетъ произойти внезапное зло». А между тѣмъ на правой сторонѣ Днѣпра, въ польской Украйнѣ, снова загорѣлась открытая борьба между польскими панами и мѣстнымъ населеніемъ. Жители лѣваго берега бѣжали за Днѣпръ, чтобы принять участіе въ борьбѣ съ извѣчнымъ врагомъ всего украинскаго народа. Московское правительство не могло на этотъ разъ поощрять борьбы украинцевъ съ Польшей, такъ какъ разсчитывало на

союзъ съ ней въ войнѣ съ общимъ врагомъ, шведскимъ королемъ. Съ 1704 года царь пересталъ брать казаковъ на сѣверъ, а поручилъ гетману вести ихъ на помощь польскому королю Августу противъ тѣхъ же шведовъ. Дружескія отношенія между гетманомъ и царемъ не нарушались, несмотря на повторяющіеся доносы на Мазепу. Они часто обмѣнивались подарками. Мазепа присылалъ Петру дичь, лосей и сернъ своей

Мазепинская церковь въ Лаврѣ.

охоты, или дуль, яблоковъ и вишенъ изъ малороссійскихъ садовъ. Царь отплачивалъ живой рыбой изъ Ладожскаго озера или Невы, на берегахъ которой, въ завоеванной у шведовъ Ингерманландіи, выростала въ то время новая столица Россіи.

Между тѣмъ успѣхи короля шведскаго Карла XII въ Польшѣ заставили Петра опасаться за Украйну и подумывать объ укрѣпленіи Кіева. Въ августѣ 1706 года пушечная пальба въ древнемъ кремлѣ возвѣ-

стила жителямъ Кіева о прибытіи царя. Въ Софійскомъ соборѣ царя привѣтствовалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, котораго онъ впослѣдствіи приблизилъ къ себѣ. Осмотрѣвъ соборъ, царь посѣтилъ митрополита Валаама и въ тотъ же день обошелъ всѣ пещеры. Гетманъ получилъ приказаніе тоже явиться въ Кіевъ съ казаками. Старая кіевская крѣпость была найдена Петромъ неудовлетворительной для военныхъ дѣйствій. Онъ тотчасъ же рѣшилъ строить новую около Печерскаго монастыря. Опредѣливъ ея размѣры, онъ собственноручно заложилъ ее въ день Успенія Богородицы, при многолюдномъ и торжественномъ собраніи духовенства, администраціи и жителей. Строить крѣпость должны были казаки, подъ наблюденіемъ Мазепы и московскихъ надсмотрщиковъ. Послѣдніе крайне грубо обращались съ казаками и возбуждали ихъ ненависть своей жестокостью. Казаки должны были работать во всякую погоду, безъ отдыха и подвергаться еще побоямъ. Осенью, по царскому указу, Мазепа отпустилъ свое войско съ земляныхъ работъ. Казаки, по его донесенію, стали и босы, и голы, и голодны, такъ какъ работали пять мѣсяцевъ на своемъ продовольствіи. Но съ весны 1707 года снова спѣшили казаки всѣхъ гетманскимъ полковъ на окончаніе кіевской «фортеціи».

Между тѣмъ, Карлъ XII еще въ 1704 году добился того, что приверженная ему партія поляковъ провозгласила королемъ незнатнаго пана Станислава Лещинскаго на мѣсто ненавистнаго ему Августа Саксонскаго. Большинство, однако, оставалось на сторонѣ Августа и заключило союзъ съ Петромъ, который двинулъ большое войско въ Литву и въ Гроднѣ передалъ его Августу. Но, когда въ 1706 году въ Гродно пришелъ Карлъ со шведами, Августъ скрылся,

бросивъ войско. Затѣмъ онъ прислалъ отреченіе отъ престола и призналъ королемъ Лещинскаго. Это было тяжелое время для русскихъ. Петръ боялся потерять всѣ свои завоеванія на Балтійскомъ морѣ, а молодой шведскій король прославлялся всюду героемъ, побѣдителемъ. Въ то время, когда Петръ закладывалъ новую крѣпость въ Кіевѣ, разнесся слухъ, что Карлъ направляетъ свои побѣдоносныя войска въ Украйну.

Партія Лещинскаго склоняла на свою сторону Мазепу, прельщая его успѣхами шведскаго короля и указывая на общее недовольство московскимъ правительствомъ въ Украйнѣ и особенно среди казаковъ. Дѣйствительно, въ это время усилились жалобы украинцевъ на своевольства русскихъ солдатъ, прибывавшихъ въ Малороссію. Рада снарядила посольство къ царю въ Кіевъ, но посланный атаманъ не засталъ уже его и ни съ чѣмъ вернулся въ Сѣчь. Запорожцы взбунтовались и хотѣли звать татаръ на помощь противъ Москвы. Казаки, бывшіе при Мазепѣ, тоже жаловались и говорили ему: «всѣ мы за душу Хмельницкаго Бога молимъ за то, что онъ освободилъ Украйну отъ лядскаго ига, а твою душу и кости станутъ дѣти наши проклинать, если ты послѣ себя оставишь казаковъ въ такой неволѣ». Дѣла русскихъ были, между тѣмъ, такъ плохи, что Петръ хотѣлъ даже уступить Польшѣ всю правобережную Украйну, чтобы привлечь ее на свою сторону. Слухи объ этомъ волновали населеніе Малороссіи. Мазепа пересталъ вѣрить въ царя и его силу и замышлялъ о переходѣ на сторону шведскаго короля, который обѣщалъ свободу Украйнѣ и прежнія права запорожцамъ. Наружно гетманъ, конечно, сохранялъ хорошія отношенія къ московскому правительству и царю. Послѣднему онъ только безпрестанно посылалъ жалобы малорос-

совъ на великороссовъ. Петръ самъ видѣлъ, что отношенія между пришельцами и мѣстнымъ населеніемъ дѣлаютъ положеніе тѣхъ и другихъ крайне тяжелымъ. Онъ прислалъ грамоту къ малороссамъ и приказалъ читать ее во всѣхъ полкахъ. Сознавая, что народъ терпитъ отъ военныхъ московскихъ людей, проходящихъ черезъ страну, онъ указывалъ, «что по поводу военнаго съ королемъ шведскимъ случая безъ того обойтись невозможно, что надлежитъ ради общей государственной пользы сносить эти неудобства, такъ какъ и онъ самъ персоны своей не щадитъ». Онъ обѣщалъ явить милость къ народу по окончаніи войны, а пока приказать войску вести себя смирно и не чинить обидъ и разоренія мѣстнымъ жителямъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія.

Съ прежнимъ недовѣріемъ отнесся Петръ къ новому доносу на Мазепу, сдѣланному бывшимъ другомъ послѣдняго, генеральнымъ писаремъ Кочубеемъ и полтавскимъ полковникомъ Искрой. Несмотря на достовѣрность фактовъ, Кочубей и его сообщники не вынесли пытки и признали прежнія показанія вымышленными. И Кочубей и Искра были осуждены на смертную казнь за ложный доносъ. Тѣла ихъ погребены въ Кіево-Печерской лаврѣ. На каменной плитѣ видна еще и теперь полустертая надпись, сдѣланная, вѣроятно, уже послѣ обнаруженія измѣны Мазепы:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій
Елицы здѣсь естемо положени сущи!
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати:
За правду и вѣрность ку Монарсѣ нашу
Страданія смерти испилисимо чашу.
За уданемъ Мазепы, о Всевѣдче правый,
Посѣчени заставши топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычны
Подающій всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный».

На требованія царя вести войско на войну, Мазепа отговаривался своей старческой немощью и невозможностью оставить страну, въ которой непріятель можетъ произвести возмущеніе. Многимъ уже казалось подозрительнымъ поведеніе гетмана, но царь продолжалъ вѣрить ему и выражалъ сочувствіе его болѣзни. Подготовивъ окончательно свой переходъ съ войскомъ въ шведскій лагерь, Мазепа обратился къ казакамъ съ рѣчью. Называя царя утѣснителемъ казацкихъ вольностей, онъ сказалъ, что знаетъ о намѣреніи его окончательно лишить правъ казаковъ и ввести московское правительство въ Малороссіи. «Братія,—говорилъ онъ:—пришла наша пора; воспользуемся представившимся случаемъ: отомстимъ москалямъ за ихъ долговременное насиліе надъ нами, за всѣ совершенныя ими жестокости и несправедливости, охранимъ на будущія времена нашу свободу и права казацкія отъ ихъ посягательствъ. Вотъ когда пришло время свергнуть съ себя ненавистное ярмо и сдѣлать нашу Украйну страною свободною и ни отъ кого независимою. Вотъ къ какой будущности я васъ призываю. Вы, братія, вѣрно достигнете этой цѣли, при вашемъ содѣйствіи и при содѣйствіи шведскаго короля, который предлагаетъ вамъ воевать противъ москалей, вмѣстѣ со шведами». Казаки выслушали гетмана молча, но многіе разбѣжались прежде, чѣмъ онъ успѣлъ представить шведскому королю свое войско. Осталось у него не больше полуторы тысячи человѣкъ.

Между тѣмъ, одинъ изъ приближенныхъ Петра Меншиковъ ѣхалъ въ Батуринъ навѣстить больного гетмана. По дорогѣ онъ получилъ поразившее его извѣстіе о томъ, что Мазепа уѣхалъ къ шведскому королю, а въ Батуринѣ далъ приказаніе не впускать

русскихъ, пока онъ самъ не прiѣдетъ со шведскими силами. Если же русскихъ будетъ мало, то впустить ихъ, но задержать военачальниковъ. Меншиковъ не рѣшился повѣрить донесенiю и все-таки поѣхалъ въ помѣстье Мазепы, которое дѣйствительно нашелъ запертымъ. Люди, охранявшiе крѣпостныя стѣны, сказали его посланнымъ, что «гетманъ не велѣлъ впускать никого изъ великороссiйскихъ людей, потому что отъ нихъ дѣлается великое разоренiе малороссiйскимъ людямъ, и уже не мало городовъ и селъ совсѣмъ отъ нихъ пропали». Отъ другихъ людей Меншиковъ узналъ, что Мазепа переправился съ войскомъ черезъ рѣку Десну, по направленiю къ шведскому лагерю. Оставалось только послать извѣщенiе царю. Можно себѣ представить, какъ пораженъ былъ Петръ, всегда безусловно вѣрившiй Мазепѣ. Но сокрушаться и раздумывать было не время, и Петръ началъ дѣйствовать со свойственной ему энергiей. Прежде всего онъ приказалъ развѣдать со всевозможной осторожностью о настроенiи народа, а затѣмъ былъ изданъ манифестъ о томъ, что «гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божiй и свое крестное цѣлованiе, отъѣхалъ къ непрiятелю, шведскому королю, по договору, заключенному прежде съ нимъ и съ Лещинскимъ, дабы при ихъ содѣйствiи поработить Малороссiйскiй край попрежнему подъ польское владѣнiе и отдать въ унiю церкви Божiи и славные монастыри». Батуринъ былъ взятъ, несмотря на упорное сопротивленiе жителей, и сожженъ.

Мазепа ошибся, разсчитывая на сочувствiе къ себѣ народа, который никогда не относился къ нему съ довѣрiемъ, считая его польскимъ паномъ. Какъ ни тяжело приходилось малороссамъ отъ москалей, но они видѣли въ нихъ все-таки своихъ единовѣрцевъ,

которыхъ, конечно, предпочитали ненавистнымъ полякамъ или неизвѣстнымъ шведамъ. Какъ только стала извѣстна всѣмъ измѣна Мазепы, тотчасъ же посыпались со всѣхъ сторонъ заявленія о вѣрноподданности московскому царю. Гетманомъ былъ избранъ Скоропадскій, согласно желанію самого царя. Еще передъ этимъ Мазепа былъ всенародно отрѣшенъ отъ гетманства, при очень театральной обстановкѣ. На эшафотъ, на которомъ была воздвигнута висѣлица, внесли куклу, изображавшую Мазепу въ андреевской лентѣ. Меншиковъ и Головкинъ разорвали патентъ на званіе кавалера. Затѣмъ былъ прочтенъ длинный перечень благодѣяній, оказанныхъ царемъ Мазепѣ, и въ черныхъ краскахъ изображена неблагодарность послѣдняго. Послѣ этого палачъ сорвалъ ленту съ куклы, которую повѣсилъ. Петръ вспомнилъ о семьяхъ Кочубея и Искры и приказалъ вернуть имъ конфискованныя имущества и щедро наградить ихъ. Только своевольные запорожцы сочувствовали поступку Мазепы и сами были не прочь перейти на сторону Карла. Убѣдившись въ этомъ, Петръ приказалъ Меншикову разорить Запорожскую Сѣчь — «истребить оное измѣнническое гнѣздо». Старый и Новый Кодакъ были сожжены, чтобы не было больше пристанища «ворамъ козакамъ». Пойманные запорожцы подверглись жестокимъ казнямъ.

Между тѣмъ счастье начало измѣнять шведскому королю, и Мазепа не разъ уже подумывалъ о возвращеніи къ русскому царю, но планы его не удавались. Отъ побѣдоносной арміи Карла не осталось и половины, и солдаты были изнурены долголѣтней войной и болѣзнями. Многіе дезертировали, но большинство погибло, вслѣдствіе страшно суровой зимы, бывшей въ этомъ году во всей Европѣ. Современ-

ники разсказывали ужасы объ этой небывалой зимѣ. Говорили, что сугробы въ Швеціи достигали вершины деревьевъ, Балтійское море покрылось толстымъ льдомъ. А въ открытыхъ украинскихъ степяхъ свирѣпствовали страшныя снѣжныя вьюги. Около четырехъ тысячъ шведскихъ воиновъ погибло отъ холодовъ, еще больше отъ болѣзней. Но Карлъ продолжалъ войну и взялъ нѣсколько малороссійскихъ городовъ. Въ февралѣ наступила оттепель, испортившая всѣ дороги и еще больше затруднившая походъ. Въ апрѣлѣ 1709 года Карлъ направилъ часть арміи къ Полтавѣ, разсчитывая на помощь татаръ и турокъ.

Три мѣсяца шла осада маленькой крѣпости, хотя Карлъ не жалѣлъ солдатъ при наступленіяхъ. Петръ расположилъ свои войска на лѣвомъ берегу рѣки Ворсклы и слѣдилъ за обороной Полтавы. Онъ считалъ паденіе ея опаснымъ, такъ какъ оно могло воодушивить упавшій духъ шведовъ и вызвать возбужденіе въ Малороссіи. Обѣ стороны готовились къ генеральному сраженію, которое должно было рѣшить не только участь крѣпости, но и исходъ всей войны. Силы противниковъ были неодинаковы: у русскихъ было почти вдвое больше солдатъ и несравненно больше орудій. Шведскіе генералы тщетно отговаривали Карла отъ неравнаго боя. Онъ возражалъ, что даже ангелъ съ неба не могъ бы убѣдить его отложить битву. Онъ проявлялъ безразсудство въ своей отвагѣ. Незадолго передъ битвой онъ, какъ бы издѣваясь надъ непріятелемъ, прогуливался подъ его пулями, пока не получилъ рану въ ногу. Ко дню битвы рана разболѣлась, и онъ долженъ былъ передать командованіе одному изъ генераловъ.

Петръ думалъ, что сраженіе произойдетъ въ день его именинъ, 29 іюня, и заранѣе подготовлялъ войска

къ важному дню. 26-го іюня былъ прочитанъ указъ гдѣ онъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Воины! Се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложну быти вы сами побѣдами своими надъ ними неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, побороающаго по васъ; на Того Единаго, яко всесильнаго въ бранѣхъ, уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего».

Шведы поторопились наступленіемъ, и знаменитый бой произошелъ 27-го іюня. Оба предводителя сражающихся армій проявляли чудеса храбрости. Петръ былъ все время подъ огнемъ выстрѣловъ. Одна пуля пробила его сѣдло, другая прострѣлила шляпу, а третья попала въ крестъ, висѣвшій на его груди и спасшій его отъ раны. Больного Карла носили все время впереди войска въ носилкахъ, которыя были раздроблены ядромъ. Были убиты почти всѣ сопровождавшіе его люди, а также и лошадь, на которую посадили его, когда были разбиты носилки. Битва была проиграна шведами, и несчастнаго короля насильно увезли съ поля сраженія.

Остатки разбитой арміи, нѣсколько генераловъ, король и Мазепа спасались бѣгствомъ черезъ степи къ Днѣпру. А Петръ праздновалъ въ это время побѣду и на пиру, на который были приглашены плѣнные шведскіе генералы, провозгласилъ свой знаменитый тостъ за учителей шведовъ, научившихъ русскихъ сражаться во время сѣверныхъ боевъ. Затѣмъ

онъ отправилъ погоню за Карломъ и Мазепой, но имъ удалось скрыться въ Бендерахъ и отдаться подъ покровительство турецкаго падишаха. Петръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ измѣнника Мазепу, и предлагалъ за него громадныя деньги, но падишахъ не соглашался выдать его. Больной, разбитый тяжелымъ бѣгствомъ старикъ не выдержалъ постояннаго страха передъ возможностью быть выданнымъ Петру и вскорѣ умеръ. Шведскіе историки описываютъ торжественныя похороны бывшаго гетмана въ Яссахъ, куда перевезли его тѣло. Карлъ присутствовалъ при отдачѣ послѣдняго долга своему союзнику. Въ Малороссіи сохранилось преданіе, что Мазепа не умеръ въ Бендерахъ, но, поручилъ друзьямъ распространить слухъ о своей смерти и устроить подложныя похороны. Самъ же онъ пробрался въ Кіево-Печерскую лавру подъ чужимъ именемъ, гдѣ принялъ иночество и умеръ схимникомъ.

Мазепа.

(Старинный рисунокъ).

Послѣ побѣды надъ шведами Петръ снова посѣтилъ древнія святыни Кіева, и Ѳеофанъ Прокоповичъ привѣтствовалъ его въ Софійскомъ соборѣ, поздра-

вляя съ торжествомъ русскаго оружія. Въ слѣдующемъ году городъ посѣтило страшное несчастіе. Распространившееся среди жителей моровое повѣтріе продолжалось съ марта 1710 года до января 1711-го. Одинъ изъ неизвѣстныхъ малороссійскихъ лѣтописцевъ такъ описываетъ ужасное бѣдствіе: «Тогда пустъ городъ Кіевъ остался, яко выгнано всѣхъ обывателей изъ Кіева. И странствовали отъ града во градъ, единъ другого чуждаючися; отецъ дѣтей, дѣти отца; и многихъ трупы поядаша звѣріе, птицы, пси и свиніи. Церкви Божественніи опустошѣли, такожъ и монастыри, и не было ни жертвы, ни приношенія. И тако было время, что ни купити, ни продати; ибо городы были позапираны, домы позабываны, жители изгнаны и всѣ, кто что имѣлъ, оставлялъ и бѣгалъ во пустынѣхъ и поляхъ. Видѣли другъ друга смерть ходячи, ибо и сидячіи вымирали нечаянно и живые чуждались мертвыхъ своихъ». Не успѣли жители оправиться отъ этого бѣдствія, какъ налетѣвшая саранча опустошила поля. А въ 1713 году воевавшіе съ Россіей турки доходили до Кіева, который три года былъ подъ угрозой разоренія. Тогдашній гетманъ Скоропадскій не покидалъ города, охраняя его своимъ войскомъ. Въ 1718 году погорѣли вся Печерская лавра и весь Подолъ съ церквами. Всѣ эти несчастія, конечно, не могли способствовать внѣшнему улучшенію древней столицы русскихъ князей и благосостоянію ея жителей.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Запорожцы послѣ Мазепы и отношеніе къ нимъ Петра.—Перемѣны въ Малороссіи при Петрѣ и послѣдующихъ государяхъ.—Послѣдніе гетманы.—Посѣщеніе Кіева Елизаветой Петровной.—Малороссія при Екатеринѣ II.—Посѣщеніе Кіева Екатериной II.—Конецъ Польши и присоединеніе правобережной Украйны къ Россіи.

Разореніе Запорожской Сѣчи страшно озлобило запорожцевъ, и безъ того уже недовольныхъ московскимъ правительствомъ. Петръ непремѣнно хотѣлъ укротить ихъ буйное своеволіе и не останавливался передъ самыми жестокими наказаніями за буйство. Пойманныхъ бѣглецовъ сажали на колъ или ссылали на вѣчную каторгу или заточали на всю жизнь въ кельяхъ отдаленнѣйшихъ монастырей. Родная степь попрежнему укрывала бѣглецовъ, ищущихъ лучшей доли и свободы. Вмѣсто разореннаго гнѣзда, казаки построили новую Сѣчь на устьѣ рѣки Каменки, впадающей въ Днѣпръ. Но впослѣдствіи и она была разорена, по приказанію Петра. Казаки разбѣжались и собрались снова, но уже на землѣ, принадлежащей татарамъ, въ мѣстечкѣ Алешки, въ низовьяхъ Днѣпра.

Запорожцы сторонники Мазепы избрали послѣ его смерти гетманомъ генеральнаго писаря Орлика. Всѣ

они были подъ покровительствомъ шведскаго короля и рѣшили продолжать борьбу съ московскимъ правительствомъ. Въ договорѣ, заключенномъ между казаками и новымъ гетманомъ, указывалось, между прочимъ, на то, что за послѣднее время гетманы войска Запорожскаго сами нарушали войсковыя права и вольности, присвоивъ себѣ самодержавную власть надъ войскомъ. Поставивъ себѣ первой задачей освобожденіе Украйны отъ «московскаго гнета», гетманъ долженъ былъ принять слѣдующія условія: сохранять православіе, какъ господствующую религію, и стараться, чтобы единая православная восточная церковь была въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Не допускать ни явнаго, ни тайнаго внѣдренія какаго-либо иновѣрія въ Украйнѣ. Украйна, въ границахъ отъ Польши по рѣку Случъ, проведенныхъ еще при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, должна быть признана навсегда самобытнымъ государствомъ, подъ вѣчнымъ протекторствомъ шведскаго короля и его преемниковъ, которые будутъ оборонять ее и не дозволятъ никому нарушать какъ границъ ея, такъ равно и правъ и вольности. При заключеніи мира съ Московскимъ государствомъ, шведскій король потребуетъ, чтобы Москва возвратила всѣхъ украинцевъ, доставшихся ей въ плѣнъ въ военное время, и вознаградила всѣ убытки, причиненные странѣ московскими войсками. Для ограниченія же полновластія гетмана, должны происходить три раза въ годъ генеральныя рады для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ. На эти рады должны являться: генеральная старшина, полковники со своей полковой старшиной и сотниками и выборные отъ полковъ «генеральные совѣтники» и депутаты отъ Запорожской Сѣчи. Старшина и совѣтники имѣютъ право замѣтить гетману, если увидятъ въ его пове-

деніи что-либо, не идущее на благо народу. Безъ совѣщанія съ генеральной радой гетманъ можетъ рѣшать только неотложныя дѣла. Войсковой казной долженъ завѣдывать избранный генеральный подскарбій. Гетманъ долженъ заботиться о томъ, чтобы никто изъ старшины не притѣснялъ войсковыхъ людей, не приневоливалъ къ работѣ на себя и не отнималъ ни у кого земель. Шведскій король долженъ былъ обѣщать не мириться съ Москвой, пока не добьется возвращенія свободы Украйнѣ.

Въ 1710 году Турція заключила союзъ съ Швеціей и весной начала войну съ Московскимъ государствомъ. Орликъ пошелъ на правый берегъ Днѣпра съ отрядомъ казаковъ и татаръ. Вначалѣ нѣкоторыя селенія сдавались ему, но, когда татары начали свой обычный грабежъ, жители стали обороняться, и Орлику пришлось отступить. Война была неудачна для русскаго войска, зашедшаго слишкомъ глубоко въ турецкія владѣнія. Царю пришлось откупаться деньгами отъ очень невыгодныхъ условій, предложенныхъ врагами. Въ новомъ договорѣ онъ отказывался отъ правобережной Украйны, кромѣ Кіева, который по послѣднему миру съ Польшей навсегда остался за Московскимъ государствомъ. Отказался онъ также и отъ Запорожской Сѣчи, но лѣвобережная Украйна попрежнему осталась за Москвой. На правобережную Украйну тотчасъ же заявила свои претензіи Польша. Такъ снова разорвали на части страну, населенную народомъ, говорившимъ на одномъ языкѣ, исповѣдывавшимъ одну религію и имѣвшимъ за собой одну и ту же исторію жизни, полной страданій отъ постояннаго гнета и разоренія. Въ слѣдующемъ году Москва и Турція заключили миръ, и Карлъ выѣхалъ изъ Турціи. Нѣкоторые мазепинцы, въ томъ числѣ Орликъ,

выѣхали вмѣстѣ съ королемъ, другіе вернулись въ Украйну. Запорожцы оставались въ Турціи до окончанія новой турецкой войны, т. е. до 1733 года.

Попытки Мазепы и запорожцевъ отдѣлить Украйну отъ Московскаго государства дали поводъ русскому правительству относиться съ недовѣріемъ ко всей странѣ. Оно старалось постепенно сократить свободу самоуправленія Малороссіи и слить ее воедино съ Великороссіей. Уже при гетманѣ Скоропадскомъ былъ назначенъ бояринъ Измайловъ для совѣщанія съ нимъ по дѣламъ управленія, для поддержанія спокойствія въ странѣ и попутно для наблюденія за самимъ гетманомъ и всей старшиной. Черезъ годъ былъ присланъ и другой такой «резидентъ». Резиденція гетмана была перенесена изъ Батурина въ Глуховъ, стоящій на московской границѣ. Здѣсь былъ поставленъ московскій гарнизонъ, который могъ арестовать гетмана и старшину, въ случаѣ какихъ-либо подозрительныхъ поступковъ съ ихъ стороны. Петръ старался ввести какъ можно больше великороссовъ въ число старшины, и къ его смерти оставалось уже очень немного старшинъ - украинцевъ. Затѣмъ, ссылаясь на взяточничество и безпорядочное управленіе, онъ организовалъ при гетманѣ совѣтъ изъ шести старшихъ гарнизонныхъ офицеровъ, съ бригадиромъ Вельяминовымъ во главѣ. Совѣтъ этотъ назывался малороссійской коллегіей. Коллегія должна была наблюдать за гетманской канцеляріей и вѣдать всѣ доходы и расходы страны. Обо всѣхъ замѣченныхъ безпорядкахъ она должна была доносить въ Петербургъ сенату. Но послѣ смерти Скоропадскаго Петръ рѣшилъ и совсѣмъ упразднить гетманство. На ходатайство старшины о разрѣшеніи избрать новаго гетмана царь отвѣтилъ, что съ этимъ торо-

питься нечего, такъ какъ въ управленіи страной и безъ гетмана никакого безпорядка не замѣчается. Великорусскіе правители держали себя очень высокомѣрно со старшиной, а коллегія ввела тяжелые подати и налоги, распоряжаясь совершенно произвольно поступающими доходами. Вообще, для Украйны снова настали тяжелыя времена. Московскія войска попрежнему отягощали ее, а казаковъ цѣлыми отрядами изгоняли на сѣверъ рыть каналы или строить крѣпости въ Астраханскомъ краю и на Кавказѣ. Они гибли тамъ тысячами отъ тяжелыхъ условій работы и жестокаго обращенія.

Вступившая на престолъ послѣ смерти Петра Екатерина I, опасаясь народнаго волненія и разсчитывая на помощь казаковъ въ новой войнѣ съ Турціей, рѣшила облегчить положеніе Украйны. Она хотѣла даже отмѣнить коллегію и возстановить прежній порядокъ правленія, но ограничилась только отмѣной нѣкоторыхъ налоговъ и освобожденіемъ заключенныхъ въ Петербургѣ старшинъ-украинцевъ. Но въ слѣдующее царствованіе малолѣтняго внука Петра I, Петра II, правительство рѣшило возвратить Малороссіи ея прежніе порядки. Изъ вѣдомства сената ее перевели снова въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ уничтожили коллегію и установленныя ею подати. Вельяминовъ былъ преданъ суду за разныя злоупотребленія, и остальные старшины украинцы были возвращены на родину. И, наконецъ, лѣтомъ 1727 года было рѣшено приступить къ избранію гетмана. Конечно, гетманъ былъ заранѣе назначенъ правительствомъ, и избраніе было произведено только для виду, но старшина радовалась и этому. Новый гетманъ, миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ, былъ еще современникомъ Мазепы, одно время со-

чувствовалъ его замысламъ, но скоро увидалъ невыполнимость ихъ и отсталъ. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ честныхъ старшинъ, не злоупотреблялъ своей властью, не поощрялъ взяточничества и вообще не притѣснялъ народа. Выражая всегда свою преданность русскому престолу, онъ стремился однако къ возвращенію прежнихъ правъ, подтвержденныхъ договоромъ Богдана Хмельницкаго. Хотя и не всѣ статьи этого договора, но нѣкоторыя ему удалось все-таки возстановить. Въ то же время онъ старался упорядочить производство въ судахъ и во всемъ управленіи, старался оградить народъ отъ старшинскихъ злоупотребленій и вывести самоуправство и взяточничество, чтобы не дать поводъ русскому правительству вмѣшиваться въ украинскія дѣла, подъ видомъ искорененія злоупотребленій.

Но насколько коротко было царствованіе молодого императора, настолько же мимолетна была радость украинскихъ патріотовъ. Царица Анна Іоанновна, вступившая на престолъ въ 1730 году, воспользовалась болѣзнью стараго гетмана и поручила править Украйной своему резиденту Шаховскому съ совѣтомъ, состоявшимъ на половину изъ малороссовъ и на половину изъ великороссовъ. Но народъ получилъ облегченіе въ сложеніи нѣкоторыхъ налоговъ и въ уменьшеніи числа великорусскихъ полковъ, расквартированныхъ по Украйнѣ. Къ сожалѣнію, турецкая война, бывшая въ это царствованіе, почти всей своей тяжестью легла на близкую къ Турціи Малороссію и окончательно подорвала ея благосостояніе.

При царицѣ Елизаветѣ Петровнѣ гетманство еще разъ возродилось въ Малороссіи, чтобы исчезнуть затѣмъ навѣки при Екатеринѣ II. Приближенный ца-

рицы Разумовскій былъ малороссъ, и его заступничество за родину принесло ей пользу. Въ 1744 году императрица посѣтила Кіевъ, жители котораго устроили ей торжественную встрѣчу. Съ нею пріѣхали наслѣдникъ Петръ Алексѣевичъ съ невѣстой и около двухсотъ пятидесяти человѣкъ свиты. Отъ границы Малороссіи гостей сопровождало казацкое войско, а за 60 верстъ отъ Кіева ихъ встрѣтили представители духовенства и городской администраціи. Преосвященный Георгій Кониссній, воспитанникъ кіевской академіи, описываетъ торжественную встрѣчу царской фамиліи, устроенную студентами. За городъ выѣхала процессія, изображающая древнихъ героевъ и боговъ. Впереди ѣхалъ сѣдовласый старецъ—легендарный основатель города Кій—въ богатой древней одеждѣ, въ коронѣ и съ жезломъ, въ колесницѣ, запряженной крылатыми конями пегасами. И старца, и пегасовъ, и всѣхъ прочихъ участниковъ процессіи изображали студенты. Кій привѣтствовалъ императрицу, какъ основатель и хозяинъ древняго Кіева. Онъ встрѣтилъ ее на берегу Днѣпра, когда она переѣхала уже черезъ мостъ, и, называя ее своей наслѣдницей, приглашалъ ее въ городъ и поручалъ его и весь народъ русскій ея милости и покровительству. Въ этотъ пріѣздъ Елизавета собственноручно заложила церковь св. апостола Андрея на горѣ, гдѣ, по словамъ старой легенды, апостолъ отдыхалъ и потомъ пророчествовалъ о Кіевѣ.

Пользуясь благосклонностью императрицы, генеральные старшины и полковники подали ей петицію о разрѣшеніи избрать гетмана. Петиція была принята, и разрѣшеніе было пріурочено ко дню бракосочетанія наслѣдника и дано особой депутаціи, присланной отъ Малороссіи. Гетманъ былъ уже намѣ-

ченъ императрицей, но за молодостью не могъ еще вступить въ свои обязанности. Это былъ братъ Алексѣя Разумовскаго, Кириллъ, Болѣе двухъ лѣтъ

Кириллъ Разумовскій.

ждали депутаты гетмана, наконецъ въ 1749 году они были отправлены домой для подготовки избранія. Въ слѣдующемъ году въ Глуховѣ съ большимъ тор-

жествомъ былъ избранъ на гетманство молодой Кириллъ Разумовскій. Съ не меньшимъ торжествомъ въѣхалъ гетманъ въ свою резиденцію Глуховъ. Гетманскіе клейноды (знаки гетманской власти) везлись генеральными старшинами въ каретахъ и на лошадяхъ, затѣмъ везли царскую грамоту и, наконецъ, ѣхалъ самъ гетманъ въ роскошной каретѣ, запряженной шестью лошадьми, окруженной скороходами и лакеями, въ сопровожденіи бунчуковыхъ товарищей и запорожскихъ казаковъ. Въ церкви было объявлено утвержденіе въ гетманской должности, затѣмъ клейноды были отвезены въ палату, гдѣ гетманъ устроилъ обѣдъ для старшины и прочихъ чиновъ.

Малороссію перевели опять въ министерство иностранныхъ дѣлъ и возобновили въ ней порядокъ правленія, существовавшій до 1722 года—учрежденія малороссійской коллегіи. Запорожцы тоже находились подъ властью гетмана. Пятнадцать лѣтъ управлялъ Малороссіей этотъ послѣдній гетманъ. Но правителемъ онъ былъ больше по имени, такъ какъ управляли за него старшины, причемъ великороссы почти не вмѣшивались, опасаясь вліянія гетмана на императрицу. Что же касается самого гетмана, то онъ скучалъ въ Глуховѣ, такъ какъ провелъ молодость въ Петербургѣ при дворѣ и не могъ обойтись безъ шумной веселой жизни, какая была здѣсь при Елизаветѣ. Мирныя отношенія русскаго правительства съ Малороссіей нарушались въ это время только жалобами турокъ, татаръ или поляковъ на набѣги запорожцевъ.

Въ царствованіе Екатерины II гетманство было упразднено окончательно и навсегда. Екатерина рѣшила это съ самаго начала, во имя единообразія пра-

вленія и законодательства во всей Россійской имперіи. Ускорено было это рѣшеніе слухами о петиціи, которую готовили старшины государынѣ. Они хотѣли просить ее объ оставленіи гетманства въ родѣ Разумовскаго, какъ особенно преданномъ Россійской имперіи. Какъ на примѣръ наслѣдственной передачи гетманскаго званія указывали на Богдана Хмельницкаго, оставившаго гетманство сыну. Такое утвержденіе отдѣльной власти въ Малороссіи вовсе не входило въ планы русскаго правительства и императрицы. Екатерина поспѣшила предложить Разумовскому отказаться отъ гетманства, щедро вознаградивъ его при отставкѣ. Въ 1764 году былъ изданъ манифестъ малороссійскому народу объ увольненіи гетмана. Для управленія страной была снова учреждена малороссійская коллегія, президентомъ которой и генералъ-губернаторомъ Малороссіи назначался графъ Румянцовъ. Новая коллегія должна была состоять изъ восьми членовъ — четверыхъ великороссовъ и четверыхъ малороссовъ. Засѣдать они должны были вперемежку, по старшинству, а не по разнымъ сторонамъ, какъ при императрицѣ Аннѣ. Екатерина болѣе всего хотѣла утвердить въ малороссахъ мнѣніе, что они ничѣмъ отъ великороссовъ не отличаются и составляютъ съ ними единый народъ. Въ этомъ направленіи были даны Румянцову полномочія относительно нововведеній, которыя должны были окончательно приравнять Малороссію къ Великороссіи. Между прочимъ, императрица считала большимъ недостаткомъ отсутствіе закона полнаго закрѣпощенія крестьянъ въ Малороссіи. Въ Великороссіи давно уже всѣ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ своихъ помѣщиковъ, въ Малороссіи они могли еще облегчать свое положеніе переходомъ отъ одного помѣщика къ

другому. Указъ императрицы узаконилъ тѣ крѣпостные порядки, которые до сихъ поръ старшины вводили самовольно.

Еще черезъ нѣсколько лѣтъ были уничтожены и остатки знаменитой когда-то Запорожской Сѣчи, съ уничтоженіемъ даже самаго имени запорожскихъ казаковъ. Большинство запорожцевъ ушло на турецкія земли и поселилось подъ Очаковымъ. Русское правительство было обезпокоено переселеніемъ почти семи тысячъ казаковъ къ туркамъ. Оно уговаривало ихъ вернуться назадъ, обращалось къ турецкому правительству съ просьбой о выдачѣ, но ни казаки не возвращались, ни турецкое правительство не соглашалось выдать ихъ. Послѣ уничтоженія Сѣчи правительство приступило къ полному переустройству Малороссіи. Былы уничтожены и коллегія, и генеральный судъ, и центральныя войсковыя и полковыя управленія. Малороссія была раздѣлена на три намѣстничества: Кіевское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское. Назначены были намѣстники и учреждены суды и палаты по россійскому образцу. Украинскіе города были уравнены съ московскими городами, а украинская старшина съ московскимъ дворянствомъ.

Всѣ эти перемѣны отражались, конечно, почти полностью и на Кіевѣ. Признавая этотъ городъ искони русскимъ, правительство и государи, начиная съ Петра, старались стереть съ него слѣды вліянія иноземнаго владычества. Въ 1782 году здѣсь было утверждено намѣстничество и былъ изданъ указъ, разрѣшающій селиться въ городѣ выходцамъ изъ Великой и Малой Россіи. Съ этихъ поръ хозяйственная часть города поступила въ завѣдыванье казенной палаты, полицейская и административная были возложены на кіевскаго губернатора, а военная на коменданта Пе-

черской крѣпости. Только судопроизводство и внутреннее управленіе оставлено было въ рукахъ городского магистрата на основаніи стараго магдебургскаго права. Но и этому были подчинены только граждане Подола, жители же Верхняго города или Стараго Кіева всегда находились подъ непосредственнымъ управленіемъ воеводъ и губернаторовъ.

Въ сохранившемся отъ того времени дневникѣ бургомистра Александровича интересны страницы съ описаніемъ распоряженій, относящихся къ пріѣзду въ Кіевъ наслѣдника, будущаго императора Павла, въ 1781 году: «Въ магистратѣ, въ присутствіи всѣхъ членовъ разсуждаемо было о наилучшемъ украшеніи города и распоряженіяхъ къ пріему августѣйшихъ гостей опредѣлено: 1) Передъ магистратомъ иллюминацію великолѣпно устроить, а вежу (башню) иллюминовать разныхъ цвѣтовъ фонарями. 2) Внутрь и внѣ магистрата, очистивъ и обѣливъ, пристойными мебелями и украшеніями въ портретахъ, люстрахъ, хрустальныхъ паникадилахъ палату пріудобить. 3) Реестровой хоругвѣ дать приказъ о стройности какъ единокалибернаго платья, такъ сбруи и лошадей, для чего на смотрѣ ихъ, которые бы въ семъ неисправны оказались, исключать изъ параду. 4) Двѣнадцати цехамъ пересмотръ учинить, и которые платьемъ, ружьемъ и собою не сообразовали пригожеству, чтобъ исключены были. 5) Во всемъ городѣ при воротахъ всякаго двора отъ хозяевъ по два столба для фонарей выкрашенныхъ поставить. 6) Всякое въ городѣ ветхое и безобразное строеніе сломать, а другое обновить. 7) Всѣ мостовыя вычистить, иныя починить, а другія вновь сдѣлать, въ томъ числѣ и городскія площадки отъ навозу очистивъ пескомъ бѣлымъ усыпать и соснами утыкать. 8) Всякаго сорту безъ по-

требы праздношатающихся людей, волочугъ и пьяницъ изъ города выслать или наказаніемъ унимать. 9) Дать приказъ черезъ городничаго всѣмъ хозяевамъ, чтобы собакъ и свиней изъ домовъ не выпущали, а въ противномъ случаѣ оный скотъ убивать».

Но, несмотря на всѣ эти старанія администраціи пріукрасить городъ къ пріѣзду высокихъ гостей, онъ не производилъ на нихъ хорошаго впечатлѣнія. Вотъ что пишетъ между прочимъ о Кіевѣ одинъ изъ свиты императрицы Екатерины, пріѣзжавшей въ Кіевъ въ 1787 году: «Теперь я обращаюсь къ Кіеву: когда вы къ нему приближаетесь, то городъ этотъ представляетъ собою ландшафтъ рѣдкой красоты; особенную прелесть производятъ находящіяся на высокихъ горахъ церкви, съ зелеными или даже вызолоченными куполами. Но очарованіе исчезнетъ, когда вы очутитесь внутри этого жалкаго города. Кіевъ состоитъ собственно изъ трехъ городовъ. Печерскъ съ новой крѣпостью и Старый Городъ лежатъ на горахъ, а Подолъ находится на 40 саженъ ниже, у подошвы этихъ горъ, на берегу Днѣпра. Все, что доставляется водою, строительное дерево, дрова, товары—все это нужно тащить съ Подола въ верхніе города, гдѣ недостаетъ даже воды для питья. Хотя Подолъ прижался къ горѣ, однако Днѣпръ каждую весну отнимаетъ у него отъ 20 до 50 хижинъ, которыя вновь строятъ. По причинамъ бездонной грязи, на Подолѣ вымощены улицы сплоченными брусьями. Но если, во время сухой погоды, загорится какой-нибудь домъ, то эти мостовыя тѣмъ легче распространяютъ пожаръ, и въ короткое время пламя пожираетъ цѣлыя улицы. На Печерскѣ я видѣлъ однажды, какъ экипажъ, запряженный парою лошадей, долженъ былъ оставаться въ грязи, а въ другой разъ шесть лошадей не могли

вытащить экипажъ изъ ужаснаго омута. На Печерскѣ только и есть одинъ каменный домъ». «21 апрѣля,— читаемъ дальше въ тѣхъ же запискахъ — «по случаю рожденія императрицы было большое празднество въ Кіевѣ. Для простонародья было приготовлено угощеніе передъ дворцомъ на площади. На веревкахъ, поддерживаемыхъ столбами, развѣшаны были въ видѣ гирляндъ сельди, жареная рыба, на столахъ расположена жареная говядина, бѣлый хлѣбъ и множество лакомствъ. Между столбами стояли чаны съ разными напитками, какъ-то: съ виномъ, медомъ и пивомъ. Во многихъ мѣстахъ возвышались качели и гремѣла музыка».

Одинъ изъ представителей иностранныхъ державъ, сопровождавшихъ императрицу въ Кіевъ, такъ отвѣтилъ на ея вопросъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него городомъ: «Кіевъ представляетъ собой воспоминанія и надежды великаго города»... Онъ также оставилъ описаніе своего путешествія, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «Весь Востокъ собрался здѣсь, чтобы увидать новую Семирамиду, собирающую дань удивленія всѣхъ монарховъ Запада. Это было какое-то волшебное зрѣлище, гдѣ, казалось, сочетались старина съ новизной, просвѣщеніе съ варварствомъ, гдѣ бросалась въ глаза противоположность нравовъ, лицъ, одеждъ самыхъ разнообразныхъ... 22 апрѣля императрица пустилась въ обратный путь на галерѣ, въ сопровожденіи великолѣпной флотиліи, которая когда-либо шла по рѣкѣ. Она состояла изъ 80 судовъ съ 3000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубѣ, блистали золотомъ

и шелками... На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюпокъ носилось вокругъ эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ... Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изукрашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ стаялъ; земля покрылась яркой зеленью; луга запестрѣли цвѣтами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоничные звуки музыки съ нашихъ галеръ, различные наряды побережныхъ жителей разнообразили эту роскошную живую картину»...

Такова была плѣнительная внѣшность, въ какой хотѣла представить администрація Кіевъ и его окрестности своей повелительницѣ и гостямъ русскимъ и иноземнымъ. Но даже поверхностные наблюдатели изъ тѣхъ же иностранцевъ, не знающихъ жизни народа, видѣли подъ этимъ тонкимъ праздничнымъ слоемъ убожество и малокультурность мѣстной жизни. Болѣе откровенный иностранецъ на вопросъ императрицы: «какъ нравится вамъ народъ, который вамъ представляли, какъ нравится вамъ Кіевъ?» отвѣтилъ: «Если сказать правду, такъ это незавидное мѣсто, видишь только развалины да избушки». Еще болѣе незавидную картину разрушенія и нищеты увидѣлъ бы иностранецъ, если бы заглянулъ вглубь страны, разоренной многолѣтними внѣшними и внутренними войнами. А если бы онъ захотѣлъ поговорить съ обнищавшимъ народомъ, измученнымъ подневольной работой на помѣщика, то услыхалъ бы, можетъ быть, горькія жалобы на неосуществившіяся надежды. Много было пролито крови на-

родной за освобожденіе отъ поляковъ, презиравшихъ черный народъ, заставлявшихъ его работать на себя, обиравшихъ его и оскорблявшихъ самое дорогое для него—его религію. Была надежда на покровительство большой сильной державы, родственной по религіи, по древнимъ преданіямъ. Но Русское государство преслѣдовало свои цѣли. Оказывая покровительство странѣ, связанной съ ней вѣроисповѣданіемъ, и освобождая древнѣйшій русскій городъ отъ иноземнаго владычества, оно больше думало о расширеніи своихъ границъ и укрѣпленіи государственнаго значенія чѣмъ объ интересахъ жителей страны и города. Оно не считалось съ тѣми особыми условіями, въ которыхъ вѣками жили эти люди и съ которыми они сжились тѣломъ и душою. Желая слить два народа въ одинъ, русскіе государи подчиняли слабѣйшій сильнѣйшему. Вводя разныя новизны, съ которыми сжились уже великороссы, они ломали живой бытъ малороссовъ, ломали его душу, особенно, когда стѣсняли родную рѣчь, принуждая говорить, читать и даже молиться на чужомъ языкѣ. Этимъ они оскорбляли народъ не меньше, чѣмъ оскорбляла его ненавистная ему Польша, насильственно вводившая чужую религію. Еще при Петрѣ, въ 1720 году, былъ изданъ указъ, воспрещавшій печатать въ Украйнѣ иныя книги, кромѣ церковныхъ. И эти послѣднія допускались только, какъ перепечатки со старыхъ изданій, причемъ ихъ должно было исправлять, по образцу великорусскихъ изданій, чтобы въ нихъ и слѣда не было украинскаго языка, «дабы никакой розни и особаго нарѣчія не было». Въ 1769 году Кіевская лавра ходатайствовала передъ синодомъ о разрѣшеніи напечатать украинскій букварь, такъ какъ московскихъ букварей на Украйнѣ не хотѣли покупать. Но

синодъ не далъ разрѣшенія. Даже старыя церковныя книги украинской печати синодъ велѣлъ забирать изъ церквей и вмѣсто нихъ вводить книги московскаго письма. И всѣ эти нововведенія и стѣсненія отражались опять на томъ же черномъ народѣ, который рвался на свободу изъ-подъ гнета польскихъ пановъ. Верхніе слои населенія такъ же поддались великорусской культурѣ, какъ поддавались ихъ предки польской. Такое насиліе надъ бытомъ и языкомъ породило тяжелыя недоразумѣнія между малороссами и русскимъ правительствомъ, которыя длились многіе годы и продолжаются отчасти теперь.

Пока шло постепенное обрусѣніе лѣвобережной Украйны и города Кіева, вокругъ послѣдняго, въ земляхъ, принадлежащихъ Польшѣ, какъ въ котлѣ, кипѣла и разливалась старая вражда украинцевъ къ полякамъ. Когда въ 1714 году русское правительство вывело за Днѣпръ украинцевъ, бѣжавшихъ изъ Правобережья, и передало ихъ полякамъ, въ пустовавшія земли тотчасъ же устремились потомки шляхтичей, выгнанныхъ отсюда во время войны Хмельницкаго. Они стали снова разводить фольварки и зазывали въ нихъ народъ, обѣщая ему разныя льготы на сроки отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ. Но по мѣрѣ того, какъ истекали сроки, возобновлялись прежнія крѣпостныя отношенія между панами и хлопами. Паны снова стали злоупотреблять даровымъ крестьянскимъ трудомъ и отягощать его разными поборами. Хлопы снова стали скрываться въ степи и присоединяться тамъ къ разбойничьимъ шайкамъ, появлявшимся изъ окрестностей Кіева, изъ-за Днѣпра и больше всего изъ Запорожья. Разбойниковъ этихъ тогда называли гайдамаками. Они грабили панскіе фольварки и пользовались полнымъ сочувствіемъ украинскаго населе-

нія, считавшаго ихъ, какъ въ былое время казаковъ, защитниками своей вѣры и правъ. Жившіе на правомъ берегу монахи, мѣщане и даже русскіе офицеры пограничныхъ командъ тоже смотрѣли на гайдамаковъ, какъ на борцовъ противъ польскаго гнета, и, если не помогали имъ, то во всякомъ случаѣ не мѣшали.

Особенно сильнаго развитія достигло гайдамацкое движеніе въ 1750 году, когда Брацлавское воеводство, восточная Подолія и почти все Кіевское воеводство находились въ рукахъ гайдамацкихъ отрядовъ и возставшихъ крестьянъ. Въ продолженіе года было взято и разорено много городовъ и мѣстечекъ, перерѣзано безъ числа поляковъ и евреевъ. Затѣмъ движеніе стало ослабѣвать само собой, безъ организованнаго сопротивленія со стороны поляковъ, чтобы разгорѣться съ новой силой черезъ десять лѣтъ. На этотъ разъ гайдамаки опредѣленно встали на защиту религіи. Въ это время уніатское духовенство съ особеннымъ усердіемъ принялось за распространеніе уніи въ Кіевскомъ воеводствѣ. Нѣсколько мѣстныхъ монастырей сдѣлались убѣжищемъ и опорой для православныхъ. Уніатское духовенство силой принуждало священниковъ и населеніе къ принятію уніи, ослушниковъ сажали въ тюрьмы и подвергали жестокимъ наказаніямъ. Православные обратились къ защитѣ русскаго правительства, которое приказало русскому послу въ Варшавѣ поднять вопросъ о гоненіи на православную вѣру. Между тѣмъ, въ 1768 году въ Польшѣ поднимается возстаніе шляхты противъ правительства, которое обращается за помощью къ Россіи. Русскія войска, приведенныя въ польскую Украйну для усмиренія шляхты, были приняты украинцами за освободителей ихъ отъ пановъ и уніатовъ. Поднялось страшное

возстаніе, и полякамъ пришлось просить то же русское правительство о содѣйствіи въ подавленіи его. Императрица Екатерина, обезпокоенная слухами, что гайдамаки считаютъ ее своей покровительницей, приказала истреблять ихъ. Послѣднее было не трудно, такъ какъ гайдамаки считали русскихъ солдатъ друзьями и не остерегались ихъ. Безъ труда были захвачены главари возстанія, разогнаны ихъ отряды, и правобережная Украйна смирилась.

Вскорѣ послѣ этого насталъ и конецъ государственной жизни самой Польши. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она была разобрана по частямъ сосѣдними державами. Въ 1791 году, по окончаніи удачной войны съ Турціей, Россія завладѣла Кіевскимъ воеводствомъ, Подоліей, большой частью Волыни и бѣлорусскими землями.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Новыя перемѣны въ Кіевѣ и Малороссіи при императорахъ Павлѣ и Александрѣ Благословенномъ. — Возобновленіе польскаго вліянія въ Кіевѣ.—Первый университетъ въ Малороссіи.—Его просвѣтительное вліяніе.—Университетъ въ Кіевѣ.—Украинскіе общественные дѣятели, ученые и поэты.—Заботы Николая I о Кіевѣ и его благоустройствѣ.—Кіевъ въ настоящее время.

Въ 1797 году, въ царствованіе императора Павла была образована Кіевская губернія съ главнымъ городомъ Кіевомъ. Въ противоположность Екатеринѣ, которая старалась объединить Кіевъ съ русской Украйной—Слободской и Лѣвобережной,—Павелъ отдѣлилъ отъ него всѣ уѣзды лѣваго берега и сдѣлалъ его центромъ земель, принадлежавшихъ прежде полякамъ. Затѣмъ онъ возобновилъ уничтоженное магдебурское право въ городѣ и возродилъ магистратъ съ прежними польско-нѣмецкими наименованіями его членовъ. Возстановилась, между прочимъ, и старинная церемонія освященія два раза въ годъ воды въ Днѣпрѣ. Торжественнымъ маршемъ выходили на берегъ всѣ ремесленные цехи при сабляхъ и ружьяхъ, съ хоругвями, а почетные граждане выѣзжали на коняхъ, въ одинаковыхъ одѣяніяхъ. По окончаніи обряда всѣ стрѣляли по командѣ.

Уже съ этого времени снова начало увеличиваться польское населеніе въ городѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ, въ царствованіе Александра I, оно положительно, преобладало надъ украинскимъ и русскимъ. Всѣ административныя должности принадлежали полякамъ, всюду слышался польскій языкъ, даже въ школахъ онъ былъ на первомъ планѣ. Въ этомъ отношеніи имѣлъ особенное вліяніе попечитель Виленскаго учебнаго округа, князь Адамъ Чарторыйскій.

Внѣшнему благоустройству и оживленію города способствовало перенесеніе сюда ярмарки. Но все-таки авторъ «Сентиментальнаго путешествія въ полуденную Россію» такимъ описываетъ Кіевъ на зарѣ XIX столѣтія: «Нѣтъ домовъ каменныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности въ архитектурѣ. Улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ... Самый Подолъ, болѣе населенный, нежели другія части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревянныя кровли, низкія хижины прикрываются церквами и монастырями. Улицы такъ узки на Подолѣ, что едва ли двое дрожекъ могутъ разъѣхаться. Сообщеніе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно. Кажется, что видите три разныя селенія, ибо и весь Кіевъ едва ли заслуживаетъ названія города».

Передъ великой отечественной войной Кіевъ стали укрѣплять. Въ 1810 году была выстроена Звѣринецкая крѣпость къ югу отъ Печерской, а въ 1812 году были устроены рвы и валы надъ пещерами. За годъ передъ этимъ страшный пожаръ истребилъ почти весь Подолъ. По свидѣтельству очевидцевъ, черезъ три часа послѣ начала пожара вся мѣстность превратилась въ огненное море. Много людей погибло въ погребахъ или церквахъ, ища тамъ спасенія съ залитыхъ огнемъ узкихъ улицъ. Монастыри Петропавловскій, Флоров-

скій и Братскій съ академіей, одиннадцать каменныхъ и пять деревянныхъ церквей съ колокольнями, Лаврское подворье и другія церковныя зданія были жертвой огня. Почти три дня горѣлъ Подолъ, пока не остались отъ него груды кирпичей, покрытыя пепломъ, съ торчащими кое-гдѣ, еще не успѣвшими обрушиться каменными стѣнами или печными трубами. Старый Кіевъ, окруженный древними валами, кромѣ святыхъ обителей и двухъ-трехъ церквей, заключалъ въ себѣ въ это время нестройное сборище хижинъ и лачугъ.

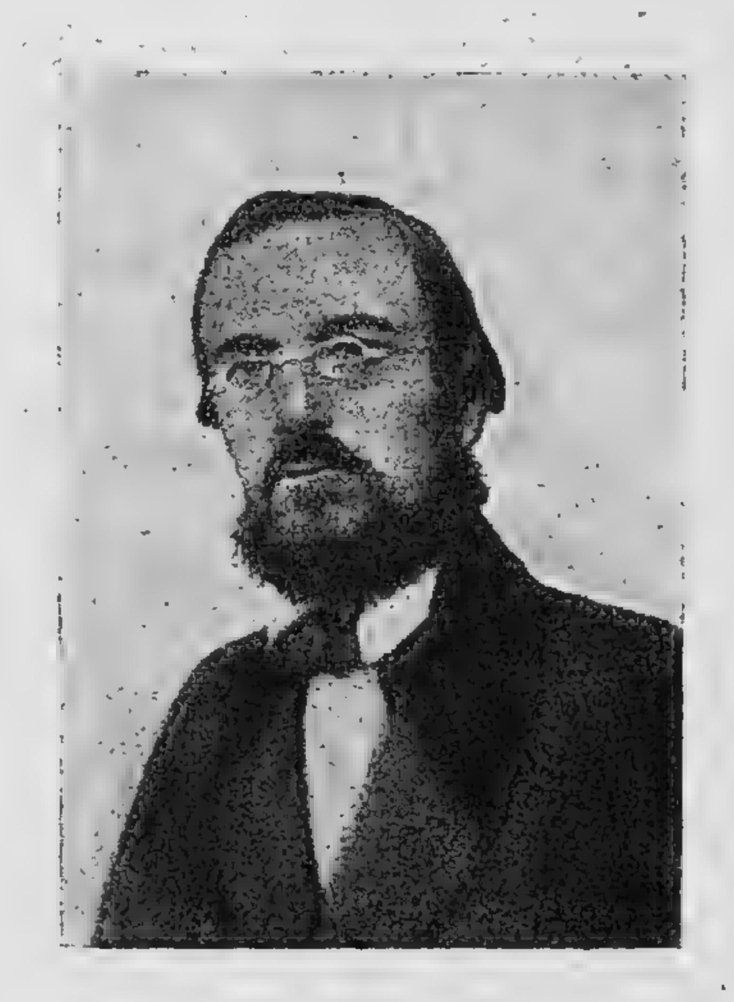
Правительство ассигновало 200 тысячъ рублей на отстройку города, но начавшаяся война оттянула работы, хотя, по свидѣтельству князя Долгорукаго, бывшаго въ Кіевѣ въ 1817 году, Подолъ былъ уже отстроенъ, причемъ «пожаръ послужилъ къ его украшенію. Улицы разбиты гораздо правильнѣе, дома построены въ порядкѣ и по хорошимъ рисункамъ. Вездѣ соблюдены промежутки. Нѣтъ прежней тѣсноты, коей опасность была доказана столь пагубнымъ опытомъ». Въ царствованіе Александра I въ Кіевѣ были выстроены духовная семинарія, «Вышняя гимназія» и постоянный театръ, въ которомъ шли почти исключительно польскія пьесы. Въ 1816 году Александръ пріѣхалъ въ Кіевъ. Онъ посѣтилъ Братскій монастырь и духовную академію, былъ на пышныхъ балахъ, которые давали ему польское и русское дворянство, но особенное вниманіе оказалъ Кіево-Печерской лаврѣ. Тамъ онъ бывалъ ежедневно, проводя время въ продолжительныхъ бесѣдахъ со схимникомъ Вассіаномъ.

Съ началомъ царствованія этого государя совпало основаніе перваго университета въ Малороссіи, о которомъ мѣстные патріоты мечтали уже много лѣтъ.

Университетъ былъ основанъ въ центрѣ Слободской Украйны—въ Харьковѣ, при помощи крупныхъ пожертвованій со стороны харьковскаго дворянства. Черезъ нѣсколько лѣтъ уже было замѣтно просвѣтительное вліяніе его не только въ городѣ, но и во всей Малороссіи. Стали появляться журналы и образовываться кружки людей, заботившихся о возрожденіи украинскаго языка и словесности. Отсюда же вышли и профессора новаго малороссійскаго университета, открывшагося въ древней русской столицѣ Кіевѣ, въ 1834 году. Это было уже въ царствованіе императора Николая I, который употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать Кіевъ русскимъ городомъ. И университетъ былъ открытъ здѣсь, съ цѣлью противодѣйствія польскимъ учебнымъ заведеніямъ, очень высоко стоявшимъ въ началѣ XIX столѣтія. Но университетъ, какъ вмѣстилище свободной науки и центръ просвѣщенія, не могъ служить только политическимъ цѣлямъ. Открытый въ древнемъ ядрѣ южно-русскаго края, онъ не могъ не освѣтить главныя историческія условія, при которыхъ развивался народъ, населявшій этотъ край, не могъ пройти мимо проявленій народнаго творчества, отразившаго въ своихъ пѣсняхъ и думахъ народную душу и историческія событія, питавшія народное сознаніе.

Уже первый ректоръ университета Максимовичъ прославился какъ издатель «Сборника малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ» и одинъ изъ крупнѣйшихъ изслѣдователей исторіи, археологіи и этнографіи Украйны, ея языка и словеснаго творчества. Въ бытность свою ректоромъ, онъ издавалъ журналы «Кіевлянинъ», потомъ «Украинецъ». Онъ же составилъ для народа «Букварь», «Книгу Наума о великомъ Божьемъ мірѣ» и переложилъ псалмы на украинскій

языкъ. Здѣсь же былъ профессоромъ питомецъ Харьковскаго университета, извѣстный историкъ Николай Ивановичъ Костомаровъ. Оба они были въ числѣ основателей и членовъ «Кирилло-Меѳодіевскаго братства», открывшагося въ 1846 году. Среди другихъ братчиковъ выдавались извѣстный этнографъ Кулишъ и знаменитый поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Всѣ они усердно изучали жизнь и исторію родного народа и мечтали о присоединеніи его къ семьѣ всѣхъ культурныхъ націй. Костомаровъ работалъ въ то время надъ исторіей казачества, а Шевченко писалъ свои замѣчательныя думы и пѣсни о славномъ прошломъ казаковъ, объ удалыхъ гайдамакахъ и о тяжелой долѣ украинскаго народа. Онъ же, по порученію кіевской археографической комиссіи, путешествовалъ по Украйнѣ, зарисовывая разные памятники и остатки старины. Кромѣ изученія жизни и исторіи украинскаго народа, братство ставило себѣ цѣлью распространеніе сознанія необходимости всеобщей свободы и равенства. Въ 1847 году оно было закрыто, а братчики были наказаны ссылкой и запрещеніемъ писать.

Николай Костомаровъ.

Шевченко, указавшій своими поэтическими произведеніями на силу и жизненность украинскаго языка, болѣе всѣхъ другихъ способствовалъ его признанію и примѣненію къ литературному творчеству. Въ этихъ произведеніяхъ онъ изобразилъ, кромѣ

того, всю красоту души богато одареннаго и много выстрадавшаго украинскаго народа. Въ стремленіи передовой части русскаго общества къ освобожденію крестьянъ объединились лучшіе люди изъ великороссовъ и малороссовъ. Послѣ проведенія великой реформы очистились пути къ изученію того и другого народа, и братчики-основатели Кирилло-Мефодіевскаго братства снова встрѣтились и сгруппировались около журнала «Основа», издававшагося въ Петербургѣ, но посвященнаго интересамъ украинской народности.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія Кіевъ дѣлается окончательно центромъ украинскаго просвѣтительнаго движенія. И опять молодые талантливые ученые принимаютъ въ немъ главное участіе. Надъ изученіемъ прошлой и современной жизни украинскаго народа работали тогда, между прочими, выдающіеся историки Антоновичъ и Драгомановъ, этнографы Чубинскій и Рудченко и другіе. Ими было основано въ Кіевѣ отдѣленіе географическаго общества, къ которому примкнули многіе талантливые ученые того времени. Къ сожалѣнію, дѣятельность этихъ людей была неправильно понята. Ихъ обвинили въ стремленіи къ отдѣленію Малороссіи, и въ 1876 году общество было закрыто. Съ этого же времени снова начались стѣсненія украинскаго языка. Но здоровые корни и соки украинскаго движенія поддерживали его жизнь. Вмѣсто закрытаго отдѣла географическаго общества, черезъ нѣсколько лѣтъ началъ выходить историческій журналъ «Кіевская Старина», снова объединившій вокругъ себя всѣхъ, кому дороги были интересы родного языка и народа. Съ конца прошлаго столѣтія цензура начала относиться съ меньшей строгостью къ украинской литературѣ и,

благодаря этому, оживилась въ Малороссіи издательская и литературная дѣятельность.

Что касается повышенія внѣшняго благоустройства Кіева, то оно всецѣло относится къ царствованію Николая I. Проводя политику обрусѣнія какъ

Шевченко въ молодости.

всего Юго-Западнаго края, такъ и его главнаго средоточія Кіева, Николай приложилъ много стараній для приведенія послѣдняго въ состояніе настоящаго благоустроеннаго города. Кіевъ отстраивался и приводился въ порядокъ подъ его неусыпнымъ надзоромъ. Онъ составлялъ даже планы новыхъ, намѣченныхъ имъ

самимъ зданій, по его указаніямъ проводились новыя улицы, выравнивались площади, разводились сады. Во время возведенія каменной Печерской крѣпости онъ бывалъ въ Кіевѣ почти каждый годъ. Новая крѣпость значительно измѣнила планъ города и расширила его предѣлы. Жители мѣстности, отданной подъ крѣпостныя стѣны, заняли пустыри по берегамъ рѣчки, носящей легендарное названіе Лыбеди. Возникла новая часть города—теперешнее Новое Строеніе, гдѣ сосредоточились учебныя заведенія и жилища учащихъ и учащихся. Было срыто зданіе присутственныхъ мѣстъ, находившееся въ виду крѣпости. Новое было заложено въ 1853 году, на площади между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ. Перемѣщеніе изъ Могилева въ Кіевъ главной квартиры первой арміи, вмѣстѣ съ ея штабомъ, интендантствомъ и другими военными учрежденіями, выдвинуло на очередь постройку обширнаго военнаго госпиталя и казармъ, въ одной изъ которыхъ помѣстилось впослѣдствіи военное училище. Въ это же царствованіе было основано большинство кіевскихъ учебныхъ заведеній, во главѣ съ университетомъ Св. Владимира. Къ нему же относятся разныя устройства, служащія какъ для удобства жителей, такъ и для украшенія города, таковы спуски къ Днѣпру и набережная, цѣпной мостъ, устроенный вмѣсто деревяннаго, памятникъ князю Владимиру, каменное зданіе театра, сады и бульвары, дороги и т. п.

На ряду съ этими заботами о внѣшнемъ благосостояніи Кіева, поднимавшемъ его значеніе среди другихъ русскихъ городовъ, Николай I неукоснительно проводилъ мѣры, уничтожавшія слѣды иностраннаго вліянія, и измѣнялъ строй управленія, но-

сившій характеръ средневѣкового польско-нѣмецкаго городового положенія. Въ 1835 году было уничтожено въ Кіевѣ магдебургское право вольныхъ имперскихъ городовъ и введено городовое положеніе, одинаковое со всѣми русскими городами. «Прародительская Его Императорскаго Величества вотчина, богоспасаемый городъ Кіевъ лишился своего готическаго средневѣкового устройства: прежній магистратъ, равный палатамъ и непосредственно подчиненный сенату, переименованъ былъ въ городскую думу, поставленную въ зависимость отъ мѣстныхъ губернскихъ властей; мѣсто войта заступилъ городской голова; исчезли старые ратманы, шафаръ, лавникъ и инстигаторъ; исчезли товарищи золотой корогвы, вмѣстѣ съ цеховой милиціей, исчезли богоявленскій и маккавейскій парады, на которыхъ эта милиція цвѣтными кунтушами да холостыми выстрѣлами изъ пушекъ и пищалей проявляла старую воинственность».

Кіевскія древности возбуждали интересъ въ русскихъ государяхъ, еще начиная съ Петра, который вообще предписывалъ откапывать и сохранять русскія древности. Но сами кіевскіе жители мало помнили о памятникахъ старины. Когда, въ 1760 году, сенатъ запросилъ мѣстныя власти о достопримѣчательностяхъ города, то получилъ отвѣтъ, что никакихъ древностей и достопримѣчательностей въ немъ не имѣется. А между тѣмъ, въ это время подъ землей были остатки и знаменитыхъ Золотыхъ воротъ и Десятинной церкви съ гробницами древнихъ русскихъ князей. Вѣроятно, Екатерина II проявила болѣе дѣятельный интересъ къ кіевской старинѣ, потому что для нея составлялись въ 1785 году «Записки о Кіевскихъ Святыняхъ». Затѣмъ появились: «Краткое историческое извѣстіе о Кіевѣ», «Достопамятнѣйшія древ-

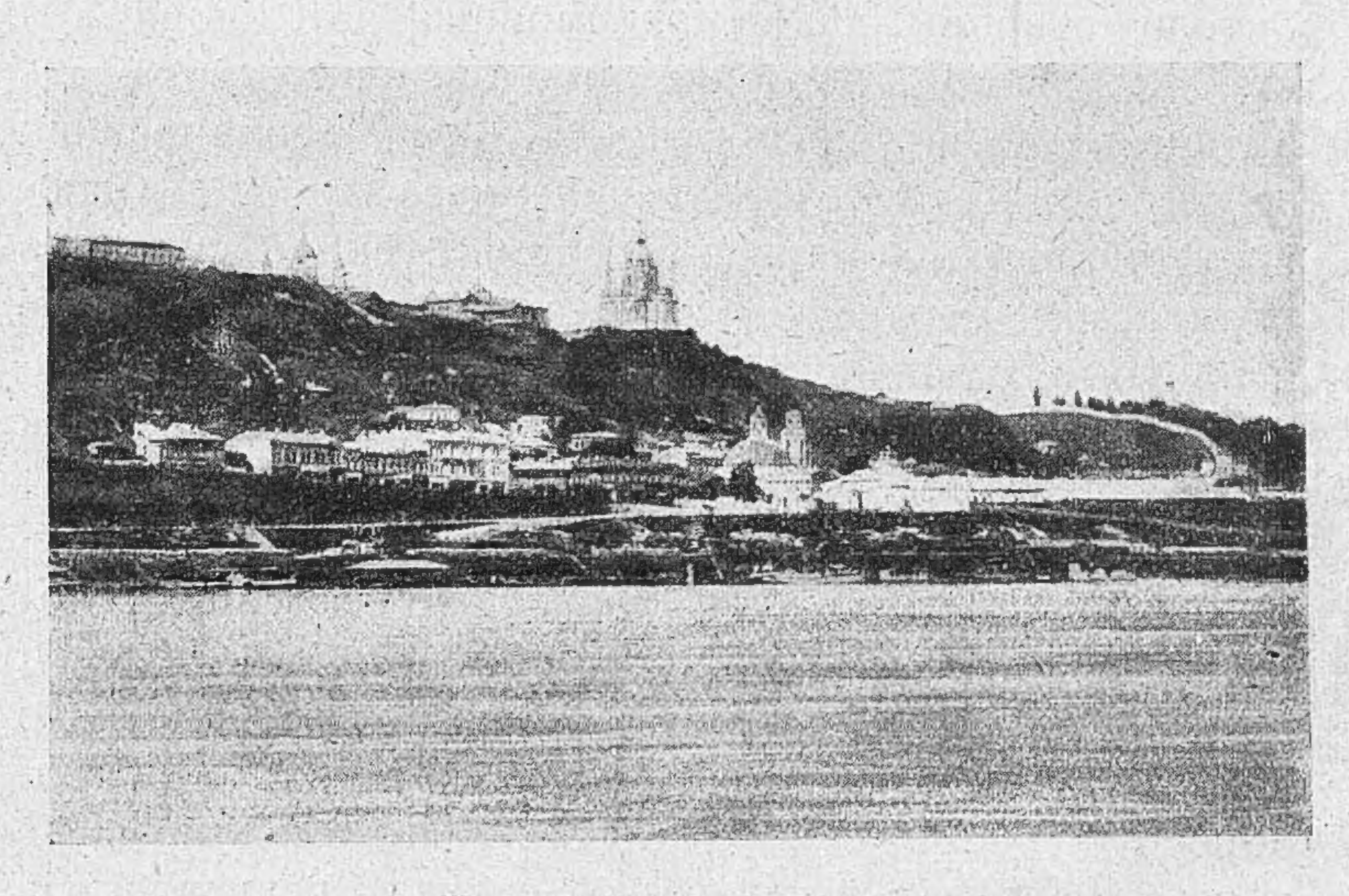
ности Кіева» и «Извѣстіе о погребенныхъ въ Кіевѣ князьяхъ и княгиняхъ рода Рюрика». Но раскопки начали производиться только въ началѣ XIX столѣтія, причемъ первыя изъ нихъ не дали существенныхъ результатовъ. Болѣе серьезное отношеніе къ кіевскимъ древностямъ началось по почину извѣстнаго археолога Румянцева. Послѣ своего посѣщенія въ 1821 году Кіева онъ писалъ: «Въ Кіевѣ сердце сокрушается, видя, какое тамъ господствуетъ нерадѣніе къ древностямъ нашимъ, никто ими не занятъ, и всякій почти убѣгаетъ объ нихъ и разговора». Черезъ три года послѣ этого посѣщенія въ Кіевѣ поселился митрополитъ Евгеній, который оживилъ своимъ участіемъ изученіе кіевскихъ древностей, начавшее пріобрѣтать съ тѣхъ поръ научный и систематическій характеръ. Покровительство императора Николая I и здѣсь содѣйствовало успѣху дѣла.

Первыя раскопки были произведены для открытія фундамента древней Десятинной церкви. При раскопкахъ были найдены два каменныхъ гроба, большіе куски поясовъ, карнизовъ, колоннъ изъ бѣлаго мрамора, остатковъ живописи, мозаичнаго пола и т. п. Послѣ этихъ находокъ кіевскія древности начали привлекать все больше и больше вниманія. Курскій помѣщикъ Анненковъ взялъ на себя постройку новаго храма Десятинной церкви, по рисункамъ архитектора Стасова, употребивъ въ дѣло и остатки прежней церкви. Вслѣдъ за тѣмъ были открыты остатки Золотыхъ воротъ и церкви св. Ирины. Производились раскопки на Старомъ городѣ близъ Андреевской и Срѣтенской церквей, на Подолѣ близъ церкви Іорданской, на Крещатикѣ, гдѣ былъ найденъ шлемъ съ частью панцыря. Большая часть найденныхъ вещей направлялась въ университетъ, гдѣ былъ учре-

жденъ временный «комитетъ для изысканія древностей». Во всѣхъ этихъ изысканіяхъ митрополитъ Евгеній принималъ самое дѣятельное участіе. Онъ старался заинтересовать археологіей студентовъ духовной академіи и, чтобы побудить ихъ заниматься ею, задавалъ имъ соотвѣтствующія темы для сочиненій, какъ, напримѣръ: «О древнѣйшей въ Кіевѣ церкви св. Иліи, въ которой присягали Игоревы варяго-руссы въ 945 году», «О древнѣйшей кіевской церкви св. Ирины» и т. п. При университетѣ былъ образованъ музей кіевскихъ древностей, въ изученіи которыхъ принимали горячее участіе страстные любители старины, какъ Максимовичъ, Антоновичъ и др. Дальнѣйшія раскопки продолжали возбуждать интересъ къ изученію древняго Кіева, проявившійся въ цѣломъ рядѣ историческихъ изслѣдованій. Одновременно возстановлялась древняя стѣнная живопись въ старыхъ церквахъ. Въ этомъ принималъ участіе извѣстный художникъ-археологъ Солнцевъ. Такія работы были произведены въ лаврскомъ Успенскомъ соборѣ и въ Софійскомъ.

Принятый въ семью русскихъ городовъ, Кіевъ быстро пошелъ по пути развитія и совершенствованія, не отставая отъ крупнѣйшихъ изъ нихъ и превосходя многіе по внѣшней красотѣ, оживленію и культурности. Много нужно фантазіи, чтобы вообразить дебри, въ которыхъ охотились русскіе князья, на мѣстѣ шумнаго, красиваго Крещатика, съ его великолѣпными домами и магазинами, электрическими фонарями и трамваями, Еще труднѣе представить себѣ ладьи Олега и Святослава на Днѣпрѣ, съ его великолѣпнымъ цѣпнымъ мостомъ и снующими по нему пароходами или пролетающими надъ нимъ аэропланами. Старина осталась кое-гдѣ подъ тем-

ными сводами древнихъ соборовъ, на суровыхъ ликахъ святыхъ, написанныхъ византійскими живописцами, да въ мрачныхъ пещерахъ съ гробами кіевскихъ подвижниковъ. Невольно встаютъ еще въ памяти страшные образы отдаленныхъ временъ, когда слышишь нѣкоторыя названія мѣстностей или улицъ, какъ Батыева гора и Батыевъ переулокъ, гдѣ живутъ теперь мирные жители, едва ли вникающіе въ смыслъ названія, къ которому ухо привыкло съ младенческихъ лѣтъ.

Кіевъ. Видъ изъ-за Днѣпра.

